

Неизвестный афонский исихаст

Трезвенное созерцание

По благословению епископа Тираспольского и Дубоссарского Юстиниана

© Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1999.

© Астрова Т.Е., иллюстрации. 2002

Содержание

От издательства

Предисловие

Пролог книги

Трезвенное созерцание

Слово первое

Слово второе

Слово третье

Слово четвертое

Слово пятое

Слово шестое

Слово седьмое

Слово восьмое

Слово девятое

Слово десятое

Слово одиннадцатое

Слово двенадцатое

Слово тринадцатое

Слово четырнадцатое

Слово пятнадцатое

Слово шестнадцатое

Слово семнадцатое

Слово восемнадцатое

Слово девятнадцатое

Слово двадцатое

Сладчайшее видение об этой книге бывшее писателю после того,
как он при содействии благодати Божией написал ее

От издательства

Особое место в жизни человека, в жизни христианина занимает молитва. Человек сам по себе – немощное, ограниченное существо. Но молитва соединяет его со всесильным и беспредельным Богом, в ней он беседует с Тем, на Кого не дерзают взирать Ангелы, Кто обитает в прекрасном и неприступном свете¹. Беседует и – бывает услышан. *Невозможное человекам возможно Богу², и все возможно Ему³*. И потому нет ничего невозможного для человека, искренно и с усердием молящегося, возлагающего на Бога все свое упование, от всего сердца верующего в безграничную любовь и милость Господа

¹ См.: 1 Тим. 6, 16.

² Лк. 18, 27.

³ Ср.: Мк. 10, 27.

к нам – Его столь нуждающемуся в этой милости творению. В молитве человек примиряется с Богом, испрашивает прощение грехов, обретает помощь в трудах своего жития, вразумление и разрешение недоумений, ходатайствует о нуждах ближних. Молитвой человек побеждает восстающие на него страсти, греховные навыки, повергает долгу непрестанно ищущего его гибели врага. А потому нет ничего сильнее и ничего важнее молитвы.

Но, к сожалению, две наиболее губительные ошибки, как два страшных препятствия, оказываются на пути стремящегося к Богу человека, ошибки, замедляющие, а порой и вовсе пресекающие для него какое бы то ни было духовное преуспевание.

Одна из них – следствие малодушия и маловерия, а в не меньшей степени, пожалуй, и обычного людям нерадения. Молитвенный труд для не привыкшего к нему человека нелегок. Потрудившись, порой и продолжительное время, и не видя от того никакого зримого плода, люди часто приходят к совершенно ложному, но вместе с тем очень распространенному выводу: «Не те сейчас времена, чтобы молиться. Молись не молись – все одно. Молитва – удел ушедших уже в прошлое великих подвижников и святых, а никак уж не наш». И большее, на что может еще понудить себя после этого человек, – это повседневная «вычитка» правила, «вычитка», к которой так часто вовсе не прикладывается сердечное участие, когда сердце занято чем-то «своим», ум блуждает невесть где, а человек остается с убеждением, что выполнил некий долг перед Богом и может быть спокоен.

Другая ошибка, совершенно иного свойства, быть может, еще опаснее. Потому что если в первом случае имеет место ложно понимаемое смирение, то во втором – гордость. Человек, еще не очистившийся от страстей, преисполненный, как правило, самомнения и тщеславия, устремляется к исканию высоких молитвенных состояний, божественных созерцаний и таинственных откровений. Здесь известное усердие с разгорячением действительно могут привести молитвенника к определенным «плодам», которые он будет в себе ощущать и которыми будет гордиться. Но молитва без дел, без жизни, соответствующих ей, становится, по слову преподобного Макария Египетского, лишь «личиною молитвы»⁴. И здесь человек либо впадает в самообольщение, в прелесть, духовно повреждается, либо, в конце концов, понимая в глубине души суетность и безрезультатность своего «подвига», приходит в то же состояние уныния, происходящее от маловерия и малодушия. Приходит к тому же выводу: «Молись не молись – молиться не научишься».

Однако спасительный, царский путь – это всегда путь средний, проходящий между различными уклонениями влево и вправо, между недостатком и излишеством. Молитва – это действительно самое важное, самое главное дело в жизни человека. Именно дело. Она совершенствуется по мере исправления человеком своего внутреннего устройства посредством жительства по евангельским заповедям. И вместе с тем, без нее исполнение этих заповедей невозможно. Молитва есть проявление внутренней жизни человека, его веры. Нет молитвы – нет и жизни, и вера тогда – сухая, безжизненная, формальная. Каждый день, каждый час, каждое мгновение своего земного бытия человек сталкивается со множеством трудностей, тягостных недоумений, ни преодолеть, ни разрешить которые своими силами, без божественного вмешательства, не может. И если он не просит об этом вмешательстве, то где же тогда вера?

Постоянно человек согрешает, совесть не может не обличать его в недостаточности, в неполноте исполнения открытой ему в Евангелии божественной воли, в своем сердце человек видит скверну, нечистоту, видит самого себя недостойным Бога. И если от этого видения не рождается молитвенный, покаянный плач, то опять-таки: где вера?

А сколько милостей, сколько неоценимых даров принимаем мы от Бога – как очевидным, так и сокровенным, неведомым для себя образом! Сколько поводов у нас для

⁴ См.: *Преп. Макарий Египетский. Слово 3, о молитве. Глава 5.*

того, чтобы благодарить, хвалить, славословить Господа день и ночь! И что сказать, если и этого нет, если и здесь наше сердце вновь оказывается и глухо, и немо?

Вся наша жизнь, если мы только того захотим, может служить для нас училищем молитвы, занятия в котором не прекращаются ни на мгновение. Учителем же является Сам Господь, учителем, знающим, как научить, и могущим научить. И потому лишь от нашего усердия, от нашего произволения зависит преуспевание в том делании, что роднит человека с горными Силами. От нас зависит найти для молитвы время, отняв его у каких-то иных, очень часто суетных, совершенно пустых дел (а если и не пустых, то куда менее важных), от нас зависит трудиться в ней с терпением, не изнемогая от сухости и кажущейся бесплодности, от нас же – раз за разом вновь заставляя свой непоседливый ум возвращаться к словам молитвы, вникать, углубляться в них. А от Бога зависит даровать нам в молитве благодать, дать ощутить Свое присутствие, пережить его реальность, помочь разгореться слабенькому, едва тлеющему в нашем сердце огоньку в неугасимое пламя божественной любви.

Святые отцы, действительно великие подвижники и великие молитвенники, по смотрению неусыпно пекущегося о нас Бога оставили нам, как богатое наследие, свой благодатный опыт, свою науку, свои исполненные удивительной мудрости наставления о молитве. Книги некоторых из них общеизвестны и общедоступны. Их читают и, благодаря им, обретают пользу многие поколения православных христиан. Однако есть и иные, утаенные до времени по непостижимому для нас божественному Промыслу от всеобщего взора, сокрывавшиеся под спудом и лишь впоследствии явленные всей полноте Церкви, как некий изумительный и многоценный дар. К числу подобных книг принадлежит и та, которую Вы держите сейчас в руках. Она написана неким подвижником, пожелавшим сокрыть свое имя, назвавшим себя просто – «Отчаявшимся», – святогорским монахом, постигшим величайшие таинства молитвы, обретшим в своем сердце драгоценный бисер – Христа. Многие из того, о чем он говорит в своем замечательном труде, может представляться нам удивительным, даже невероятным. Но это – слово неложного опыта. Многие может показаться по своей высоте для нас совершенно недостижимым, тем, о чем можно лишь слышать или читать, но что невозможно пережить, к чему нельзя даже прикоснуться. Но это лишь повод к большей ревности для тех, кто действительно стремится к Богу, кто всем сердцем ищет Его.

И автор этой книги, неизвестный афонский священноинок, был всего лишь человеком и, однако, достиг в меру столь чудного божественного просвещения. Как достиг он сего? Можно, наверное, сказать, что это тайна, что это сокрыто от нас. Но можно сказать и иначе. В молитве на самом деле есть некая глубочайшая, сокровеннейшая тайна. Это тайна любви. *Дажь Ми, сыне, твое сердце*⁵, – говорит Господь. И если человек действительно отдает Господу свое сердце, то Господь вселяется в него. Если человек отдает себя всецело, без остатка, Богу, то он сам обретает Бога.

Предисловие

Преподобный Никодим Святогорец в Службе афонским святым отцам воспеваает не только известных подвижников, которые достигли святости в священных обителях, скитах, пустынных каливах и в *ущельях земли*⁶, – их он называет по именам, – но и сонмы сокровенных от мира преподобных, тех неведомых, святость которых почтил лишь Бог, потому что они умоляли Его оставить их в неизвестности и предать людскому забвению. К этому их привело смирение.

Действительно, в священной земле афонских пустынь погребены святые тела, и проходящий по тем местам паломник неожиданно ощущает волны благоухания. Эти преподобные жили и почил в Господе, оставаясь неведомыми. В юности, испытав это

⁵ Ср.: Притч. 23, 26.

⁶ Ср.: Евр. 11, 38. Здесь и далее: все примечания без указания на авторство и отсылки к тексту Священного Писания принадлежат переводчику. — *Ред.*

чудесное явление на своем опыте, я написал следующие строки: «Восковые, бледные, благородные лики, люди, пожертвовавшие всем, *чтобы приобрести Христа*⁷. Тихо привлеченные одним и тем же огнем, они *все почли за сор*⁸ и в коленопреклонении испустили дух в сумраке своих бедных и сырых пещер. Души чистые, *которых весь мир не был достоин*⁹. Они, уединенные, смиренные и неведомые, сподобившиеся жить, *даже если и умрут*¹⁰, неизвестными пришли к неизвестным. Подобно *странникам и пришельцам*¹¹, они тихо и преподобно перешли от смерти к жизни – на противоположный берег божественного света».

Тела этих преподобных источают благоухание под землей. Действительно, «святая дрожь охватывает человека, проходящего по этим освященным тропам, ведущим к какой-нибудь каливе подвижника, когда он помыслит о том, что эти стези в пустыне протоптали прекрасные ноги святых, *благовествующих мир*¹² и блага Царства Небесного. Эти нетронутые места «возделаны чудесами». И человек, чистый душой, удостоившийся редкого дара – ходить по этой священной земле, с удивлением и восхищением обоняет волны благоухания, исходящие от святых мощей бескровных мучеников нашей святейшей веры, добрым подвигом подвизавшихся в пустыне...».

Вышесказанным я должен был приготовить читателя, возлюбленного брата во Христе, чтобы представить настоящую книгу – труд некоего неведомого святого афонского иеромонаха, неизвестного преподобного, который в своих записях с достоверностью открывается нам как друг Христов, обладающий Его богатой благодатью. Но это не все. По свидетельству автора, книга написана под воздействием благодати Святого Духа, и теперь наступила полнота времени, когда она становится известной православным людям, особенно же монахам.

Речь идет о датированной 1851 годом рукописи № 202 библиотеки афонского монастыря преподобного Ксенофонта. Библиотекарь обители заинтересовался этим текстом, и после прочтения решено было его издать.

Игумен монастыря архимандрит Алексей, отнеся манускрипт на фотопленку, передал ее иеромонаху Афанасию Константитису для исправления орфографических ошибок. Потом копия перешла к господину Кемендзедзидису для издания книги в серии, выпускаемой издательством «Православный пчельник». Ему же было поручено предварительное изучение рукописи.

Согласно заметкам на полях, тетрадь принадлежала бывшему монаху монастыря Григориат, по-двизавшемуся в скиту монастыря Ксенофонт. После его смерти в 1877 году она перешла в собственность монастыря, как записано тогдашним книгохранителем. По некоторым признакам можно предположить, что книга написана рукой известного исихаста отца Харитона, который со своим братством подвизался в пещере преподобного Афанасия Афонского.

Уточнение того, кто написал книгу и как она из пустыни восточной стороны Святой Горы оказалась на западной, может стать предметом специального изучения. Мы же, избегая схоластического исследования и считая его несущественным, прославляем Господа, Который среди стольких современных свидетельств Своих святых благоволил явить нам и это потаенное сокровище.

Действительно, по премудрому Домостроительству Божию открылась в наши дни эта книга, написанная нетварной энергией Святого Духа и рукой неведомого малограмотного, но освященного иеромонаха. Потому что он сам, рассказывая нам о своем видении, между прочим повествует и о следующем. На просьбу иеромонаха

⁷ Флп. 3, 8.

⁸ Там же.

⁹ Евр. 11, 38.

¹⁰ Ср.: Ин. 11, 25.

¹¹ Ср.: Евр. 11, 13.

¹² Ис. 52, 7; Рим. 10, 15.

явившемуся ему сладчайшему Иисусу: «Поскольку из этого я узнал, что написанное мною в смиренной сей книжке – от Твоей благодати, прошу Тебя, позволь мне посвятить ее Тебе как Твою собственную и сотвори с ней то, что пожелаешь» – Господь отвечает ему: «Не беспокойся об этом. Теперь спрячь ее. А когда Я пожелаю, вышлю ее с этой Горы».

И теперь, в эпоху, сильно зараженную грехом, Иисус, любящий души людей, явил ее как некое сильнейшее лекарство.

Центральной темой и, так сказать, «стержнем» всей этой благодатной книги является умная и сердечная молитва, непрестанное призывание: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Но поскольку в книге говорится и о других духовных предметах, то неизвестный святой иеромонах назвал ее «Трезвенным созерцанием». Книга разделена на 20 слов, которые являются плодом личного духовного опыта. Потому что, как пишет автор, в этих словах он «описывает с точностью то, чему на опыте научился и что сам перестрадал», то есть «выстрадал божественное».

Передавая духовный опыт, он естественно, без бахвальства и со сладостью души открывает свои переживания благодати, явления Христа, Богородицы, Ангелов и беседы с ними. С неизреченной простотой он описывает их красоту и сияние, когда сам находится в состоянии экстатического опьянения от нестерпимого наслаждения, которое чувствует его сердце, испытывая действие Божественного Духа.

Как уже отмечалось, иеромонах был малограмотным. Но благодаря просвещению божественной благодати и многому чтению святых отцов, а также личной практике, он научился выражать свой опыт святоотеческими и духовными терминами. Безусловно, Святым Духом дано ему чувство того, что сам он всего лишь недостойный иеромонах, обнаженный от всякой добродетели и заслуживающий только осуждения, и если и имеет что-либо доброе, то лишь благодаря милости Божией. Именно по этой причине он выбирает себе эпитет, выражающий глубокое смирение: Отчаявшийся. И книга эта подписана неким неизвестным Отчаявшимся святогорцем.

Для тех, кто имеет духовный вкус, эта автохарактеристика являет святость души и не имеет никакого отношения к сатанинскому чувству отчаяния, которое завершается самоубийством. Состояние Отчаявшегося – это состояние человека, исполненного божественным эросом¹³, радостью, надеждой, слезами любви и умиления. И богослужебные книги Церкви полны подобного опыта и подобных выражений. Они также напоминают и слово Христа к Силуану: «Держи ум свой во аде и не отчаивайся»¹⁴. Это тот же опыт, но переданный по-другому, приводящий на ум подобные выражения апостола Павла и всех святых, рассказывающих о таком опыте.

Об умной и сердечной молитве писали многие святые отцы, излагая свои мысли богословски, возводя молитву к христологическим и антропологическим предпосылкам, анализируя природу души, связь ума с сердцем, распространение в теле действий благодати, созерцания ума, собрание душевных сил, необходимость единения «трехчастного» души и многие другие проблемы души и жизни во Святом Духе. Все это было выражено изысканным, чрезвычайно гибким языком в определениях возвышенных озарений ума, просвещенного благодатью Божией, и на богословском и догматическом основании. Святые отцы были учителями благодатными, сочетавшими в себе удивительные физические силы, богословское и светское образование с богатым озарением нетварных энергий. Они обращались ко всей полноте Церкви, внутри которой всегда существуют умы созерцательные, по натуре ищущие анализа и богословского доказательства.

Однако исполненный божественных надежд Отчаявшийся афонский иеромонах был христианином средним, ничем не выделяющимся, со скудным светским и богословским образованием, благоговейнейшим монахом и впоследствии иереем. Благодаря

¹³ Слово это в святоотеческой письменной традиции, особенно в творениях преподобного Симеона Нового Богослова, означает высшую, всесовершенную любовь человека к Богу.

¹⁴ *Иером. Софроний (Сахаров)*. Старец Силуан. М., 1994. Ч. I. С. 43.

руководству также благоговейного старца, духовным подвигам, очищению своей души, подвижническим трудам (посту, бдению, молитве), при помощи непрестанной умной и сердечной молитвы, действиями Святого Духа он стал учителем-самоучкой. И поскольку он сам на опыте познал и «блаженную страсть», и таинства Царства Божия, то от любви к братьям записал пережитое им при помощи Святого Духа.

Именно так мы должны смотреть на книгу Отчаявшегося и воспринимать ее. Это книга, в которой благоухает благодать Божия, книга огня Утешителя, книга, похожая на боевую тревогу, которая не теоретизирует, не изобретает слов и не фантазирует. В простоте и в божественном опьянении автор ее рассказывает о том, что «узнал и пережил», и с болью души просит братьев последовать его пути, который, по сути, является путем традиционным. Если кто-то не обладает динамизмом Отчаявшегося, его подвижничеством и самопожертвованием, то все же, благодаря посильному старанию, получит пользу.

Сам безымянный иеромонах, неведомый нам святой, энергично побуждает нас, наставляет к евангельскому понуждению, помогает нам своими молитвами, чтобы мы подъяли подвиг против сатаны, невидимо угнетающего нашу душу, освободили ее от рабства диавола и греха и еще здесь достигли таинственного зрения Господа в своих сердцах. Поэтому он с такой настойчивостью снова и снова призывает к напряженной молитве: «Желаешь ли ты, о монах, увидеть, как прекрасен Христос?.. Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли».

Будем просить Господа открыть очи нашей души, чтобы увидеть необходимость непрестанной сердечной молитвы и при помощи Святого Духа начать подвиг. Так мы получим надежду на свое спасение, прославляя Господа Иисуса во Отце и Духе и исполняясь признательностью к нашему неведомому брату, который, как орган Святого Духа, побуждает нас к спасительному и созерцательному деланию умной и сердечной молитвы. Аминь.

*Феоклит, монах афонского монастыря
преподобного Дионисия Афонского.*

Святая Гора, память святых Архангелов, 1978 год.

Да буду жилищем Твоим, Иисусе мой, молюся,
Ибо прошу Тебя тепле, даруй мне то, что я желаю.
Прииди, Спасе, в сердце мое и вселися в нем,
И отвори от него всякое лукавство.
Божественную же Свою любовь вложи в него
И благодать Свою святую в него введи,
Зрение ума моего, Христе, просвети
И очи мысли моей, Спасе, озари.
Да буду храм Духа Свята
И по смерти сонаследник лика пренебесного.
Аминь¹⁵.

Пролог книги

Для любителей чтения, пребывающих в молитве¹⁶

Трудолобивый и помышляющий о небесном читатель настоящей книги! Справедливо в начале привести слова горько плачущего Иереми: *Истожились от слез глаза мои, волнуется во мне внутренность моя*¹⁷, помышляя о состоянии братьев монахов. Ибо они не только не совершают, как подобает, того единственного созерцательного подвига, которому согласно учат древние и новые духоносные отцы, но и отвращаются,

¹⁵ Автор стихов не указан.

¹⁶ Автор пролога также неизвестен издателям.

¹⁷ Плач. 2, 11.

заслышав о трезвении и сердечной молитве. В этом они подобны Варлааму, латинскому зверю, Акиндину, Григоре и Прохору Кидонису – одержимейшим врагам этого священного делания, с которыми героически боролись мужественный Григорий Палама, патриарх Филофей и другие, подписавшие Томос Любви¹⁸.

Современные монахи отвращаются от трезвенного созерцания и сердечной молитвы, потому что великий противоборник сатана, преуспев в этом последнем веке более, нежели в прошедшем, старается не только навсегда стереть память об этой трудной, однако спасительной науке, но уничтожить даже и сами усердно совершаемые соборно в церквях молитвы и песнопения.

Но поскольку и до скончания веков не иссякнут избранники Божии (если не сказать, пророки новой благодати), пробуждающие других к подражанию и достижению деятельной и созерцательной добродетели, составлена и эта книга как душеполезная и подвигающая к добродетельному и благочестивому житию. Чтение ее из всякой души может изгнать дрему – порождение бессловесных и низких страстей, а также малодушие и трусость, и возбудить божественное желание, способствовать преуспению в достижении совершенства возраста Христова и Царства Небесного, которое, по неложному слову Спасителя, находится в нас и внутри нас¹⁹.

Пусть никто не ищет в этом труде стройной композиции и красивого слога, потому что изложение здесь неискусно. Ведь польза бывает не от искусства сложения, а от помыслов истины.

Многие из чудных отцов написали множество аскетических произведений, в словах и в главах, – каждый для пользы своих современников. Тогда повсюду царствовала добродетель, и делателями ее изобиловали и города, и пустыни. Наученные Богом, они поучали друг друга живым голосом. Учители писали для людей сведущих, напоминая им о подвиге и добродетели и побуждая добродетельных к возобновлению оных. Теперь же, когда незаконно преобладает нечестие, добродетель презирается, отсутствуют непрелестные руководители и учителя, а распутство, невежество и нерадение – повсюду, то крайне напряженная борьба и божественные подвиги этих святых подвижников-«олимпийцев» представляются нам, ленивым, выдумкой, если не пустой болтовней.

А в этом сочинении, как от живого голоса посредством деятельного подвига, несколько простовато, но живо описывается трезвенная, внимательная, созерцательная и сердечная молитва, удостоверяемая изобильно истекающими потоками слез. В такой молитве не может укрыться никакая сатанинская прелесть, что подтверждает и великий среди подвижников Ниневийский иерарх Исаак Сирин, говоря: «Если повесишь себя за вежды очей своих, то, пока не достигнешь чрез это слез, не думай, что достиг уже чего-то в прохождении жизни своей. Ибо донныне миру служит сокровенное твое, то есть ведешь мирскую жизнь, а внутренний человек еще бесплоден; потому что плод начинается слезами... Ибо очи его уподобляются водному источнику до двух и более лет, непрерывно, день и ночь. А потом приходит он в умирение помыслов. Ибо пишущий это изведal сие на собственном опыте»²⁰.

О том, что для стяжания непрестанной молитвы необходим великий подвиг, говорил и некий древний преподобный отец: «Для приобретения всякой добродетели совершается только временный подвиг и труд. Однако ради стяжания молитвы необходимо подвизаться до последнего издыхания»²¹.

О том же, что лукавый всегда обитает в сердце, сеет и выдает оттуда непрестанно всякий грех, говорят и Григорий Синаит, и Григорий Палама.

¹⁸ Святогорский Томос в защиту исихастов, написанный святителем Григорием Паламой (возможно, при участии будущего патриарха Филофея Коккина) и подписанный святогорскими отцами в 1341 году.

¹⁹ См.: Лк. 17, 21.

²⁰ Преп. Исаак Сирин. Слово 65, о безмолвствующих.

²¹ Эти слова принадлежат авве Агафону. См.: *Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов; Отечник*, составленный свт. Игнатием (Брянчаниновым).

Прелесть и действие сатаны всегда находятся в сердце. Сатана никогда не желает, чтобы об этом узнал человек, дабы не искал непрестанной молитвы и не изгнал его оттуда. А благодать, которую мы получили в крещении, скрывается во внутреннейших частях ума и открывается подвижающемуся чрез подвиг трезвения и молитвы²².

«О сердечной боли говорит и божественный Ефрем: “Переноси болезненное страдание, дабы избежать более напрасных страданий”. Ибо если твои поясница и грудь не ослабеют от паралича поста и трудов, если не зачнется в тебе такая скорбная боль, которую испытывает женщина при родах, то дух спасения не родится в земле твоего сердца»²³. То же говорит и Петр Дамаскин: «Дай кровь, чтобы получить Дух. Ибо святые дали кровь – и получили Дух благодати»²⁴.

Итак, вы, взявшие на свои плечи благое иго Христово и подвижающиеся в безмолвии, проводя в теле ангельскую жизнь, примите эту священную книгу, обучающую всякому духовному подвигу. Ибо она учит познанию всех искушений вражьих и ясному рассуждению различных страстей, умной молитве и душевному восхождению и всякой созерцательной и деятельной добродетели, разъясняя ее с очевидностью. И исполнив написанное на деле, получив в чувстве обручение еще здесь посредством вселения в сердце благодати Утешителя, в ведении да сподобитесь сего неизреченного и Небесного Царства всех Царя Христа Бога нашего, став по Его благодати ликующими наследниками, непрестанно воспевая Его со Отцом и Святым Духом. Аминь.

*Имеющий здравые очи
Наблюдает за солнцем,
А стяжавший чистое сердце
Постигает то, что есть трезвение.*

Трезвенное созерцание

*Приносится в дар Господу нашему Иисусу
Христу, Спасителю и Благодетелю рода*

Двадцать слов безвестного афонского монаха, Отчаявшегося, сокрушенного духом, в которых описывает он с точностью то, чему на опыте научился и что сам перестрадал. В этих словах – указание начального пути, руководство к духовному восхождению и образ постоянного совершенствования непрерывного умного делания, переданного нам от святых и божественных отцов и названного **умной молитвой**.

Имея этот готовый опыт, да приступят желающие к ее святому труду, который (посредством напряженного подвига) кратчайшим путем приводит в Пренебесное Царство Христа Бога нашего.

Говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите; и будет вам. И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши.

Мк. 11, 24–25

Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь.

Возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

Мф. 22, 37–40

²² См.: *Свт. Григорий Палама. О внимании и чистоте сердца, три главы. Глава 3.*

²³ *Преп. Григорий Синаит. О безмолвии и двух образах молитвы, в пятнадцати главах. Глава 14.*

²⁴ *Преп. Петр Дамаскин. Слово 24, о том, как человек приходит в чувство и познает полезное.*

Слово первое

Об умной и сердечной молитве и о том, как эта умная и сердечная молитва наголову разбивает демонов и тут же их пожигает

Благослови, отче

Господь наш Иисус Христос в Своем Божественном и Священном Евангелии говорит: *Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой*²⁵. Поэтому тот, кто желает, чтобы из его сердца, как из некоего пристоющего источника, забила живая вода Святого Духа, пусть подвизается, чтобы стяжать в своем сердце умную и сердечную молитву, то есть: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Эту молитву пусть он произносит по одному разу на каждый вдох. Но тот, кто желает стяжать в своем сердце всегдашнюю такую молитву, пусть послушает о подготовке, которую он должен совершить, а затем пусть услышит и о способе произнесения молитвы.

Небесный Царь Господь наш Иисус Христос, Который чище всякой чистоты, просто и как случится не входит в неразумное, неготовое и нечистое сердце, потому что говорит: «В неразумное сердце не внидет Бог. Если же и внидет, то скоро изыдет»²⁶. Входит же Он в разумное, подготовленное и чистое сердце. Послушай же и пророка Давида, который говорит об этой подготовке сердца следующим образом: *Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою во славе моей*²⁷. Сначала он говорит: *Готово сердце мое*, а затем: *пою и воспою во славе моей*,— свидетельствуя о том, что сначала нужно подготовить чистое сердце для встречи Христа. Потом, когда он примет в сердце своем Христа, тогда может произносить и молитву и непрестанно заниматься ею в своем сердце, радуясь и ликуя, о чем говорит и святой Апостол: *пою и воспеваю в сердцах наших Господу*²⁸.

Подготовка же сердца состоит в следующем: всегдашний пост, безмерное злострадание и уничтожение тела, чрезвычайное смирение. Ибо всегдашний пост очищает тело постника от действия и вещества злой похоти, уничтожение тела умерщвляет и убивает неуместные взыграния плоти, а чрезвычайное смирение приносит молитву и становится для подвижника как бы провозвестником. Как утренняя звезда нам показывает и предвещает, что в скором времени взойдет всесветлое солнце, которое, взойдя, осветит своими лучами весь мир, так и смирение возвещает предуготовившемуся подвижнику добрую весть и извещает его о том, что сейчас придет в его сердце молитва и, придя, осветит душу, сердце и ум светлыми и сияющими лучами, которые умно исходят от имени Христова.

И когда осветится ум, тогда человек отличает духовно полезное от духовно вредного, подобно путнику, который идет в ночи с помощью чувственного света, видит дорогу и не уклоняется с пути. Так и тот, кто осветился в уме истинным Светом — Христом, отличает истинный и незаблудный путь, который ведет его ко Христу, от ложного и ошибочного, ведущего в ад и к диаволу.

Когда подготовится человек так, как мы сказали, или сделает даже еще большее, то есть подготовится с большим ущемлением телесных нужд, а страсти его будут повержены подвигом и умрут, тогда пусть соберет свой ум от внешнего рассеяния мирскими предметами. Преклонив голову прямо на грудь, пусть попробует найти место в середине

²⁵ Ин. 7, 38.

²⁶ См.: Прем. 1, 4.

²⁷ Пс. 56, 8.

²⁸ Ср.: *Пою и воспеваю в сердцах ваших Господу* (Еф. 5, 19). Здесь автор, если речь не идет об опечатке, видимо, умышленно заменяет местоимение «ваших» на «наших», тем самым указывая на исполнение в своей жизни слов апостола Павла.

груди и там внутри, поставив все свое внимание как некоего неусыпного и опытного стража и надсмотрщика, начнет проговаривать молитву с небольшим понуждением и сокрушением, не приводя в движение гортань и не двигая языком, но изводя ее из глубин сердца, как сказано: *Из глубины возвах к Тебе, Господи, Господи, услыши глас мой*²⁹. Еще, когда он будет так произносить молитву, пусть сдерживает немного свое дыхание.

Кроме того, в тот час ум его пусть совершенно не оставляет того места, где произносится молитва. И когда оно начнет согреваться, тогда пусть он говорит все с большим усилием, как сказано: *Пойдут от силы в силу*³⁰. Когда таким образом молитва будет произноситься много раз, тогда начнется боль в груди изнутри, что называется молитвой с сокрушением. Молитва же сама начнет бурлить в сердце, то есть в глубине человека, и, как из некоего неисчерпаемого источника, из сердца будут проистекать божественные и духовные помышления.

Из этого знамения видно, что в сердце пришел и вселился Христос, как Он Сам говорит в Своем Священном и Божественном Евангелии: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них*³¹. То есть: там, где собраны вместе сердце, ум и внимание и где они благоговейно поучаются в Моем имени,— там посреди них и Я. И снова говорит Спаситель: *Я и Отец Мой придем к нему и обитель у него сотворим*³². Посему впоследствии молитва говорится легко. Ибо как железо, хорошо раскалившись в огне, куется легко, так и человек, желающий зажечь печь, не может сделать это тут же, но понемногу прогревает ее. И только потом подносит к жерлу печи дрова — и тут же печь их поглощает и сжигает. То же происходит и с сердцем человека: когда распалится его сердце огнем Святого Духа, тогда он произносит молитву с большой теплотой и легкостью.

После прекращения напряженной и сокрушенной молитвы человек приходит в себя и хорошо познает самого себя. Он рассматривает свои помышления и воспоминания, которые были у него прежде сокрушения сердца, произведенного молитвой, и находит, что все они были сетью, плевелами, жалом и изобретениями диавола. Это он прекрасно понимает благодаря следующему: как только он начал сокрушать свое сердце напряженной молитвой, тотчас пропали и рассеялись, подобно дыму, эти нечистые и гордые помышления, которыми он оправдывал себя, из-за ничтожной причины почитая себя великим и преуспевшим.

Тогда, следовательно, исполняется на нем изречение: *Видех нечестиваго превозносяща и высящася, яко кедры ливанския, и мимоидох, и се, не бе, и взысках его, и не обретеса место его*³³. И вот, когда пропадет и совершенно исчезнет из его сердца это ложное и выдуманное самооправдание, тогда увидит он себя обнаженным не только от всякой добродетели, но и грешным и окаянным, подобно мытарю.

Это же являет и притча Христова, рассказывающая о фарисее и мытаре. Ибо в ком сердце не сокрушается молитвой, тот, подобно фарисею, оправдывает себя и считает себя праведным и святым. Но когда сокрушится стенанием молитвы сердце человека, тогда он и смирится, и, подобно мытарю, будет почитать себя недостойным.

И еще, доколе у человека сердце необрезанное и оправдывающееся,— когда он входит в церковь, к нему не

²⁹ Пс. 129, 1.

³⁰ Пс. 83, 8.

³¹ Мф. 18, 20.

³² Ср.: Ин. 14, 23.

³³ Пс. 36, 35–36.

приходят ни умиление, ни истинное благоговение перед Богом и божественным, ни небесная любовь. Он стоит в церкви только телом, как неплодное древо, которое, как неплодное, должно быть посечено и ввержено в огонь, по реченному: *Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь*³⁴. Ибо молитва такого человека не имеет никакой сердечной теплоты, но творится одним только сухим и холодным помыслом и посему обращается ему в осуждение, что и приключилось с фарисеем.

Но тот, чье сердце смирила и сокрушила напряженная молитва, – как только войдет в церковь, сразу же бывает охвачен и окружен истинным и живым благоговением пред Богом и божественным. И божественное благоговение настолько овладевает им, что он сам постигает действия его, ибо от радости ему кажется и он уверен в том, что стоит не в земном храме, а в Горнем Иерусалиме, в той божественной славе, где мириадами божественных Ангелов воспевается препетый и прославленный Царь. Поэтому от радости и благоговения текут и льются рекой из его очей теплейшие слезы, которые очищают его от всякого греха, как сказано: *Омыеши мя, и паче снега убелюся*³⁵.

Вскоре за таким благоговением его посещает и окружает некая иная благодать. То есть вместе со слезами к нему приходит и некое иное божественное утешение, которое чувственно не видно в нем, но хорошо видно умно. И он созерцает умными очами, как сия благодать непостижимо сходит с неба, подобно росе на верх главы или как роса пророка Гedeона³⁶. И с главы его разливается по всему телу и благоухает, то есть освящает. Потому и Писание говорит: «Благословен Бог, изливаяй благодать Свою на священники Своя, яко миро на главе³⁷, сходящее на ометы одежды его»³⁸, так что с этого времени все тело становится легким и исполненным духовной сладости и утешения.

Следовательно, он получает от благодати и некое извещение, что примирился с Богом, и говорит вместе с Пророком: *Слуху моему даси радость и веселие, возрадуются кости смиренныя*³⁹. Это значит: «Благодарю Тебя, Господи, известившего меня и от знамения благодати Твоей давшего мне понять, что Ты совершенно простил мне все мои прегрешения. И утешился я, Твой недостойный раб, потому что так смирил меня грех, что я всегда стремился к пропасти и кости мои трепетали от страха геенны».

Эти и многие другие слова Священного Писания приходят к нему на уста в тот час, свидетельствуя, что Бог принял его покаяние и молитву, как сказано: *Дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*⁴⁰.

Он наслаждается и многими другими божественными и небесными помыслами, исходящими из его сердца. Потому что от просвещения умной молитвы рассеялось и исчезло темное облако греха. Тогда человек помышляет о гармонии священного изречения: *Он отверз им ум к уразумению Писаний*⁴¹. И другое: *Кто верует в Меня, у того из чрева потекут реки воды живой*⁴², потому что сердце человека изобилует божественными помышлениями и уста его говорят притчами, как сказано: *Отверзу в притчах уста моя, провещаю гадания исперва*⁴³. Ибо и в тот час он – весь огонь в своем сердце, потому что зажегся в его сердце огонь, о котором говорит Христос: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!*⁴⁴. Потому в тот час сей небесный человек, воспламененный действием Святого Духа, принимает сам в себе

³⁴ Мф. 3, 10.

³⁵ Пс. 50, 9.

³⁶ См.: Суд. 6, 39.

³⁷ Из молитв иерея при облачении перед совершением Божественной Литургии.

³⁸ См.: Пс. 132, 1–2.

³⁹ Пс. 50, 10.

⁴⁰ Пс. 50, 19.

⁴¹ Лк. 24, 45.

⁴² Ин. 7, 38.

⁴³ Пс. 77, 2.

⁴⁴ Лк. 12, 49.

твердое решение непоколебимо сохранить все заповеди Христовы, как говорит и пророк Давид: *Кляхся и поставих сохранить судьбы правды Твоея*⁴⁵. Это живое и огненное действие божественной любви дано ему соразмерно тому подвигу, который он предпринял в молитве.

Потому что если кто-либо помолится указанным образом полчаса, то и действие сердечной молитвы остается почти на полчаса или, самое большое, на день, но никак не более. Ведь и железо, вынутое медником из огня, и видом схоже с огнем, и горит так же. Но если оно останется вне огня, то постепенно начнет терять жгучесть и приходить в свое естественное холодное состояние и вид. Так и человек, когда произносит молитву с понуждением и сокрушением, возгорается по действию Святого Духа, и из сердца его бьет ключом живая вода божественных помышлений. Но если он прекратит такую молитву, иссякает тотчас и живая вода божественных помышлений.

Это происходит по Домостроительству Божию, чтобы человек не пренебрегал молитвой, дерзко помышляя, что более не имеет нужды в такой молитве, о которой мы сказали, и чтобы он снова не впал в прежние греховные страсти, особенно же в большие и худшие. Ибо сказано: *Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и, придя, находит его выметенным и убраным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там,— и бывает для человека того последнее хуже первого*⁴⁶.

Посему необходимо человеку молиться всегда, дабы молитва его была непрерывной, как заповедует нам и апостол Павел, говоря: *Непрестанно молитесь*⁴⁷, чтобы не впасть в искушение⁴⁸. Пусть молится человек непрестанно, хотя бы и не всегда с сокрушением и понуждением сердца, по сказанному, потому что это почти невозможно; пусть продолжает молиться, но иным образом. Помолившись с понуждением и сокрушением сердца, доколе не заболит грудь внутри, там, где происходила молитва с сокрушением и понуждением, и место то уже совершенно перестанет принимать сокрушение и понуждение, пусть молится без понуждения, без сокрушения, спокойно, умеренно и без напряжения, пока не поправится и не излечится то уязвленное место в груди.

И когда исцелеет и поправится, тогда пусть начинает снова подвиг сокрушенной и сердечной молитвы, с понуждением, как прежде. А ум пусть всегда находится во внимании и непрестанно хранит сердце от прилогов диавольских. И когда диавол принесет прилог, пусть тотчас восстает ум и сильно-сильно сокрушает сердце молитвой, пока оно не заболит. Тогда тотчас пропадет и исчезнет сатанинский прилог, подобно тому как исчезает облако от ветра.

Совершенно невозможное дело, чтобы человек изгнал и изгладил из сердца прилоги диавольские иным способом, кроме сердечной и сокрушенной молитвы. Если он небрежет о ней, то подвергается опасности душевной смерти, как мы и сказали прежде. Это являет и поемое Христовой Церковью: «Аще праведник едва спасается, где обрящется грешник?»⁴⁹. Наш заклятый и немилосердный враг диавол различными способами воюет против нас до самого смертного часа — так будем и мы противостоять ему именем Христовым до последнего нашего дыхания. А о том, что этот образ молитвы изгоняет из нашего сердца и уничтожает страсти и демонов, которые воюют с нами посредством наших страстей, узнай, читатель, из повествования о некотором видении отцов.

Некий брат, молясь однажды в своей келии с сокрушением и понуждением сердца и вздыхая при каждой молитве, пришел в исступление и увидел несметные демонские

⁴⁵ Пс. 118, 106.

⁴⁶ Лк. 11, 24–26.

⁴⁷ 1 Фес. 5, 17.

⁴⁸ Мф. 26, 41; Мк. 14, 38; Лк. 22, 40, 46.

⁴⁹ Ср.: 1 Пет. 4, 18; также тропарь по 1-й кафизме: «Аще праведник едва спасается, аз где явлюся грешный?..».

полчища. Некоторые демоны были похожи на псов, другие – на онагров, третьи – на коз, четвертые – на лис, иные – на других зверей (мы говорим, что страсти людские многочисленны и разнообразны). Скопище демонов покрывало большое пространство, потому что каждое их полчище было многочисленным. Брат, увидев их, нисколько не испугался, но со всем дерзновением и упованием на Владыку Христа (ибо в тот час молитва сама наполняла его и сердце его было подобно пламени огня) накинулся – ему так казалось – на демонов, как рыкающий лев, чтобы побороть их не чувственными и зримыми колесницами, но колесницами незримыми и непобедимыми – именем Господним. Ибо, став пред ними, он начал из глубины сердца произносить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». И так сильно он понуждал и утеснял свое сердце именем Христовым, что оно едва не разорвалось и не выпрыгнуло со своего места.

И вот, когда он один раз таким образом произносил: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», ему казалось, что он брал одного демона и отбрасывал его далеко оттуда. Снова произнося молитву с такой же силой, избавлялся и от другого. Поступая так, он именем Христовым изгнал большинство демонов (мы говорим, что освободился благодатью Христовой от большинства страстей). Но некоторые из демонов, особенно упорные и сварливые, не сдвинулись со своего места, но, смотря на брата с яростью и свирепостью, говорили: «Мы ни за что не отступим отсюда, потому что это место – наше исконное жилище» (то есть некоторые страсти, будучи старыми, отсекаются с трудом).

Тогда брат, услышав это слово, сильно огорчился. И, благодаря этому огорчению, обрел иной образ умной молитвы, гораздо более высокий, редкий и трудный. Ибо он говорил, что, когда понуждал чрезмерно свое сердце молитвой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», сердце его будто все стало молитвой и единым с молитвой. После этого преестественного сокрушения сердца он издал глубокий и тяжкий вздох, как говорит пророк Давид: *рыках от воздыхания сердца моего*⁵⁰. От безмерного понуждения и чрезмерной скорби брат чуть было не испустил дух. Когда же закончился этот глубокий и тяжелый вздох, свирепые и лютые прежде демоны убежали от лица брата, как будто он преследовал их неким огненным мечем. Как мне кажется, об этом говорит следующее изречение: «И из глубины воздыханья во сто крат болезни уплодоносил еси»⁵¹. Потому что чем глубже было воздыхание, исходящее от болезни его сердца, тем больше он уничтожал тех могущественных демонов. И, уничтожая их, он приносил стократный плод.

Когда брат очистил от демонов все то место, тогда поднял голову и увидел, что на расстоянии брошенного камня или чуть далее стояли изгнанные демоны и смотрели все назад, помышляя о том, как возвратиться, найдя подходящее время (мы говорим: когда преестественным понуждением сердечной молитвы страсти будут отсечены от сердца, тогда в памяти остается только воспоминание о них; если же покинет человека страх Божий и молитва, то они снова оживают и обновляются). Брат же, желая прогнать их и оттуда, сел, как будто на скамью⁵², и, преклонив голову пред собою на колени, молился так, как молился некогда боговидец Моисей, когда услышал глас Божий, говорящий ему: *Моисей, Моисей, что ты вопиешь ко Мне?*⁵³ И когда брат молился подобным образом,

⁵⁰ Пс. 37, 9.

⁵¹ Ср.: Тропарь преподобномученику общий, глас 8.

⁵² «Безмолвствующим <отцы> советуют сидеть на низком стуле, во-первых, потому, что внимательная молитва требует спокойного положения, а во-вторых, по образу слепого нищего, упоминаемого в Евангелии, который, сидя при пути, вопиял ко Господу: *Сыне Давидов Иисусе, помилуй мя* (Мк. 10, 47),— был услышан и помилован. Также этот низкий стул изображает собою гноище, на котором был повержен Иов, вне града, когда диавол поразил его с ног до головы лютою болезнью (см.: Иов. 2, 8). <...> Низкий стул очень удобен для упражнения молитвою Иисусовою. Этим не отвергается стояние при ней; но так как почти все время истинного безмолвника посвящено молитве, то и представляется ему заниматься ею и сидя, а иногда и лежа. Особенно больные и престарелые должны остерегаться излишнего телесного подвига, чтоб он не истощал сил их и не отнимал возможности заниматься подвигом душевным. Сущность делания в Господе и в имени Его» (Свт. Игнатий (Брянчанинов). Аскетические опыты. Слово о молитве Иисусовой).

⁵³ Ср.: Исх. 14, 15.

выходили из его уст то огонь, который доходил до демонов и попалял их, то раскаленные пули, подобные тем, которые называют пиратскими. Они, выходя из уст брата, как из некоего ружья, с такой силой обрушивались на демонов, что многих из них уничтожали совершенно. И поистине это было достойно удивления. Ибо в соответствии с усердием в умной молитве исходили из его уст и пули. Чем сильнее было усердие брата в молитве, тем большего размера вылетали ядра, которые сразу побивали многих и сильных демонов. Когда же он произносил молитву без большого понуждения, то вылетали небольшие, но меткие пули, которые поражали меньших демонов. Увидев это, брат пришел в себя и вот видит ясно, что молитва бурлит в его сердце, подобно кипящей и бурлящей воде в котле, который стоит на огне.

Так же и некий иной брат, молясь однажды умно, пришел в следующее созерцание. Он увидел демонов в одежде воинов, число же их было подобно песку морскому. Они как будто с сильной яростью напали на брата, желая стереть его с лица земли. Поэтому показалось брату, что он испугался их страшного наступления и стремительно прибежал в церковь, прося помощи у Христа и Божией Матери. И вот, войдя в храм, он видит на иконах Христа и Божию Матерь как живых: они сидят, подобно славным царям, на Престолах славы.

Брат, тотчас взглянув на Христа, увидел, что Он благ и красив, как сказано: *Красен добротою паче сынов человеческих*⁵⁴. Эта неизреченная и чудная красота Его радостного и пречистого божественного лика усиливалась еще некоей иной славой, чистейшей и светлейшей света солнечного, как сказано: *Во исповедание и в велелепоту облеклся еси, одаяйся светом яко ризою*⁵⁵. Поэтому брат уже не смог смотреть на Христа, подобно тому как никто, дабы не ослепнуть, не может второй раз посмотреть на круг солнца. Он только поклонился Ему и со страхом и радостью облобызал Его пречистую десницу, как сказано: «Радуйся душою и трепещи рукою». Потом брат подошел и к Божией Матери и, поклонившись Ей, облобызал Ее девственную и чистую руку. Он даже осмелился посмотреть на Ее пресвятой лик, но свет и слава Божией Матери так были похожи на свет и славу Христа, как похожи сверканье молнии на сияние солнца. Только слава Божией Матери была лишь немногим меньше, и брат смог снова посмотреть на Нее и увидеть Ее всенепорочный и честной лик. Подобно этому не слепнет и смотрящий на молнию снова.

Господь же наш Иисус Христос покоился как Младенец на святой руке Божией Матери, восседая, словно на херувимском Престоле. А Божия Матерь смотрела на брата милостивым и сладчайшим взором. Сладчайший же мой Иисус был настолько сладок, благообразен и прекрасен во всем, и так украшал и прославлял Божию Матерь Своим царским восседанием, свободно покоясь в Ее объятиях, и так подходил Чистый для Чистой, Безупречный для Безупречной, Владыка для Владычицы, Господь для Госпожи, Препетый для Препетой, Честный для Честной, Девственник для Девственницы, то есть Иисус для Марии,— так Он подходил для Нее, как подходит благоухание розы для красоты самой розы.

А Христос смотрел на брата с великой сладостью и непостижимой веселостью. И как держащий в своей руке розу и обоняющий ее благоухание не может не приобщиться этого благоухания, так и брат, смотря на Христа и Божию Матерь и видимый Ими, не мог не приобщиться Их благодати и не вкусить Их утешения. Поэтому от дерзновения, которое возымел брат к Божией Матери ради Ее кроткого взора, которым взидала на него Богоблагодатная Мария, он сказал Ей: «Богородице моя, Богородице! Сладчайшая моя Госпоже, Матерь моего Иисуса, как мне спастись от демонов, преследующих меня?». А Госпожа Богородица, это нечаянное спасение на Нее уповающих, отвечая брату, говорит: «Именем Сына Моего и Моим разбивай наголову и уничтожай совершенно супостатов демонов». И брат, сотворив Ей образ поклонения, как бы вышел из церкви, говоря:

⁵⁴ Пс. 44, 3.

⁵⁵ Пс. 103, 1, 2.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» и «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие...». И тотчас бессильные демоны убежали и исчезли от лица брата.

Подобно и некий другой брат, делатель такой же умной и сердечной молитвы, пришел в следующее видение. Он увидел, что оказался в преисподней, там, где находится престол всех демонов. Его взору предстал сильно укрепленный замок, исполненный внутри некоего плотного и почти осязаемого мрака, о котором Спаситель говорит: «Там будет тьма внешняя»⁵⁶, потому что туда не попадает даже лучик света. Ведь находится это в центре земли, куда по решению Вседержителя Господа обречены войти и где будут обитать в нескончаемые веки веков демоны. Посему и пророческое изречение говорит: *внидут в преисподняя земли*⁵⁷. Врата того замка были чрезвычайно мощными, и охраняли их некие совершенно черные и отвратительные эфиопы.

Внутри замка находилось бесчисленное множество демонов, все крылатые. Некоторые из них вылетали из замка, как воробьи, другие влетали внутрь, как пчелы в ульи. Брат стоял в стороне от дороги, согбенный: голова его склонилась к коленям так, что грудь его ввалилась, и тело стало подобным мосту.

Находясь в таком положении, он говорил из глубины сердечной с болью и понуждением сердца: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Когда он таким образом произносил молитву, тогда на каждое сердечное моление из его уст исходило горящее пламя, которое настигало демона и пожигало ему крылья, ноги, руки и волосы. Потому опаленный демон оставался на том месте неподвижным, как чурбан или как опаленная блоха. Потому что блоха, опалившись, уже не может пошевелиться. Произнося и другую молитву, брат опалял и другого демона, которого захватывало пламя молитвы, потому что демоны входили и выходили быстро и в большом беспорядке, как воздух.

Молясь таким образом, брат за продолжительное время опалил многих демонов, которые пред вратами ада составили большую кучу. Демоны же, находящиеся в аду, почувствовали свою погибель и огненный меч умной молитвы, пополюющей их, но не знали, откуда она приходит, потому что имя Божие одурманивало их так, как дым одурманивает пчел. Поэтому демоны сообщили о происходящем своему начальнику, который зовется сатаной. Тот, узнав о бедствии, испугался чрезвычайно и боялся выйти из дверей ада, дабы с ним не случилось то же самое. Но он пригнул немного свою мерзкую и нечистую голову и выглянул наружу, чтобы увидеть, откуда приходят удары огненного меча. Как только он сделал это, тотчас в его мерзкое лицо попало пламя сердечной молитвы и попало к нему. И он тут же скрылся в замке, затворив двери ада.

А брат, придя в себя и помыслив о происшедшем, возрадовался о погибели демонов, славя и благодаря Господа нашего Иисуса Христа, давшего такую благодать и силу любящим Его всею душою и призывающим Его из глубины сердца. Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово второе

О том, что нам необходимо найти истинного делателя умной молитвы и научиться от него способам и знамениям таковой молитвы. И о том, что имеющий ее внутри себя всегда и поучающийся в ней в глубине сердца с большим благоговением и вниманием иногда по некоторым знамениям постигает, что душа его незримо приобщается Иисусу, о Котором помышляет. Также и о том, что является плодом таковой умной молитвы.

Благослови, отче

⁵⁶ См.: Мф. 8, 12.

⁵⁷ Пс. 62, 10.

Человеку, чтобы освободиться от страстей и искоренить их из своего сердца, необходимо стяжать внутри него умную молитву. Ибо если в том месте, откуда исходят страсти, не будет обитать умная молитва, то страсти не отсесть.

И как следствие, если страсти не будут отсечены от человека, то не отступят от него и демоны. Потому что демоны обыкновенно скапливаются там, где страсти, подобно мухам, собирающимся у смрадной раны. И как коршуны слетаются отовсюду туда, где заметили или почуяли зловоние издохшего животного, и пожирают его, так и демоны: где они увидят плотского и страстного человека, там устраивают свое гнездо и мысленно, то есть постыдными похотями, пожирают это плотское тело. Посему и Пророк говорит: *Внегда приблизятся на мя злобующим, еже снести плоти моя*⁵⁸. Но чтобы освободиться от страстей, необходимо, как сказано выше, стяжать в своем сердце умную молитву.

И еще, чтобы стяжать в своем сердце умную молитву, необходимо просить о сем Бога множество раз со смирением, унижая свое тело постом, коленопреклонениями и другими телесными и видимыми трудами, дабы Бог умилился на труды и указал какого-нибудь непрелестного наставника, в сокровении творящего умную и сердечную молитву, от которого можно было бы в точности научиться ей. Если же в том месте не найдется такого наставника, то нужно просить Бога Самого устроить это, то есть чтобы Он Сам известил о том человека. А если найдется таковой делатель и наставник, но сам человек не сможет уразуметь в точности этой молитвы, то, говорю, пусть просит об умной молитве Бога, чтобы Он через какое-нибудь знамение наставил его в том, как стяжать и сохранить в себе эту молитву.

Некогда один брат, услышав рассказ об умной молитве, уязвился сердцем, помышляя о том, что бы ему сделать, дабы и самому стяжать ее. Но поскольку он был не в силах не только стяжать, но даже и уразуметь ее,— ведь умная молитва трудна для понимания и тем более для стяжания,— то начал непрестанно просить Бога уведомить его о том, как подвизаться в ней, что говорить и как не впасть в прелесть. Потому что те, кто в этой молитве следуют своему помыслу, не имея никакого божественного извещения, не могут не впасть в какую-либо диавольскую прелесть, за исключением тех, кто чрезвычайно смиренномудр и при помощи божественного просвещения избегает сатанинских козней. Поэтому, говорю, брат с великим смирением просил Бога об умной молитве. Ведь с того часа, в который услышал о ней, он проявил очень большое усердие к ее стяжанию. Но у него не было истинного извещения: *Без Меня, говорит Спаситель, не можете делать ничего*⁵⁹.

Итак, Бог, видя желание брата, послал ему во сне Ангела в образе некоего известного ему монаха, которого он знал как совершенного в этой молитве. Ангел таким образом истолковал брату сию умную и сердечную молитву. У Ангела была обнажена грудь, и, произнося из глубины сердца: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», он ясно и отчетливо показывал брату все знамения внутреннего делания. Когда Ангел говорил молитву, брат видел его усердие: от сильного внутреннего напряжения Ангел как бы проливал пот, харкал кровью, чрезвычайно утеснял сердце и имел большое внимание к молитве. Иногда его лицо становилось прославленным, светлым и исполненным благодати Божией от радости, которую сердце получало внутри себя благодаря молитве, как сказано: *Сердцу веселящуся, лице цветет*⁶⁰. Иногда же от непрестанных стенаний вид лица его был горек и печален, как сказано: *Душа моя скорбит*⁶¹. Иногда же было видно, как Ангел действием молитвы умиротворял гневное и свирепое лицо. А иногда он чуть не падал на землю от предпринимаемого усердия к сердечной молитве, от большой слабости

⁵⁸ Пс. 26, 2.

⁵⁹ Ин. 15, 5.

⁶⁰ Притч. 15, 13.

⁶¹ Мк. 14, 34.

и отсутствия сил. Иногда как в зеркале было видно, что его сердце едва не разрывалось и не выпрыгивало со своего места от большого напряжения в молитве. Иногда же все его тело казалось мертвым.

И сказал Ангел брату: «Ты видел, как я произношу молитву. Таким же образом твори ее и ты, и душа твоя найдет упокоение». И это брат видел и два, и три, и много раз, и когда стал так делать, успокоился его помысл.

Подобно и некоторый другой брат, когда однажды молился очень неторопливо, пришел в созерцание. Он увидел перед собой двух Ангелов, несущих открытую книгу под названием «Добротолюбие». Ангелы пальцем указали брату то место в «Добротолюбии», где говорится об умной молитве, что монах должен при каждом вдохе медленно и очень чисто проговаривать одну молитву. Брат, прочитав это изречение, снова пришел в себя.

Но этот образ умной молитвы, насколько высок и почитаем, настолько большой подготовки требует и от занимающегося им, как говорит об этом и авва Исаак в одном из своих слов: «Премудрый Господь благоволил, чтобы ищущие хлеба обретали его с потом. И это для нашей же пользы, чтобы мы, приобщившись его прежде времени, не пострадали от несварения и не умерли»⁶². То есть всепремудрый Бог благоволил, чтобы этот дар умной молитвы получали те люди, кои проливают пот и несут чрезвычайные подвиги ради любви к умной молитве (как сказал один отец, что от многого усердия к умной молитве он харкал кровью, доколе не стяжал молитву внутри себя).

И это так, потому что Бог благоволил, чтобы мы ради нее подвизались. Это, говорю, произошло по божественному Домостроительству для нашей пользы, чтобы мы были внимательны и не прилагали руки к этой молитве просто и как случится. Ибо если мы займемся ею просто и как случится и без должной подготовки вкусим ее, то умрем душевно или даже телесно (что случилось со многими, и видим, что случается и по сей день). Потому что тогда у нас происходит несварение и мы лопаемся, ибо твердая пища – это удел совершенных, а не младенцев, сосущих грудь.

Это происходит с нами, потому что творящий сию умную молитву с должной подготовкой – сей, говорю, когда произносит ее из глубины себя с огромным благоговением и крайним вниманием, невидимо приобщается Иисуса Христа. Это познает человек от умиления, которое приходит к нему в тот час. Ибо когда он множество раз произносит из глубины сердечной с теплой верой, с безмерным смирением, премногим благоговением, чистым сердцем, живой надеждой и многим тому подобным: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», тотчас умиление начинает источаться в сердце от имени Господа нашего Иисуса Христа, в котором поучается человек, как от некоего сладкотекущего источника.

Чем больше он умиляется от поучения в божественном имени Христовом и чем больше пьет и напояется его душа от божественного источника Христова, тем больше он любит поучаться сердцем в этом имени с еще большей теплотой. Потому что когда он достигает такой меры умной молитвы, не только тело его успокаивается от страстей, но и сердце уже не беспокоится постыдными помыслами, и человек, как бесплотный, проводит спокойную жизнь. То же самое происходит и с тем, кто достойно приобщается Пречистых Таин. Он проводит весь тот день в мире и покое, размышляя все время только об одном Христе. Он не желает знать о мире и мирских вещах, потому что им обладает эрос и любовь непорочного Агнца, Которого вкусила душа. Агнец же этот – Христос.

Но те, кто дерзают и употребляют этот способ умной молитвы без всякого приготовления, не советуясь ни с кем из отцов, познавших ее на опыте, подобны тем, кто дерзают причащаться Пречистых Таин Господних без исповеди и недостойно. Поэтому и Господь наш Иисус Христос, в имени Которого они поучаются, не благоволит к ним и гнушается ими за их неподготовленность и высокомерную гордость. Тогда они страдают несварением и лопаются. Ибо как Святое Причастие приобщающихся достойно освящает,

⁶² Преп. Исаак Сирин. Слово 72, о хранении сердца и о тончайшем созерцании.

просвещает и орошает, а приобщающихся недостойно мучает, опаляет, омрачает и умерщвляет, так и умная молитва: постников, воздержников, смиренномудрых умиротворяет душевно и телесно и укрепляет их на делание Господне, а у страдающих гортанобесием, обжор и гордых одурманивает рассудок, помрачает душу, ослепляет сердце и предаёт их во власть развращенного ума. И когда таким образом они станут безумными, слепыми сердцем, помраченными душой, тогда зло им кажется добром, а горькое – сладким. Потому таковые уже не могут ни слушать кого-либо, ни испрашивать совета. Ибо сатана, который вселился в них по причине их возношения, учит их своему и извещает их прельщенный ум, что только они нашли истину и находятся на истинном и спасительном пути, а остальные им кажутся прельщенными. И по причине их гордости это случается с ними справедливо. Ибо они, вместо того чтобы от молитвы собирать зрелый плод, собирать сладкий виноград, по причине своего неведения собирают незрелый плод и за свое высокоумие собирают кислый виноград. Но те, кто занимаются умной молитвой, пребывая в послушании, подвиге, смирении и посте, советуясь со святыми отцами и богоносными духовниками, те от умной молитвы получают плод спасительный, плод законный, плод зрелый, плод благой, плод духовный, плод сладкий и благодатнейший!

Плод же, рождающийся от умной молитвы, таков. Он хорошо познается из следующего слова.

Доказательство этого

Человек состоит из души и тела. Тело – чувственно и вещественно, как сказано: *И создал Господь Бог человека из праха земного*⁶³. Душа же – невещественная и умная, как сказано: *И вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою*⁶⁴. Потому тело, будучи от земли, любит земное, а душа, будучи от Небесного Бога, любит небесное и невещественное. Кроме того, поскольку душа обитает в вещественном и чувственном теле, то встречает препятствия от действия телесных желаний и не может согласно своему желанию и достоинству поучаться в небесном. Наипаче же это происходит с душой тогда, когда человек сотворит пред Богом некое зло. Как только зло будет сотворено, оно тут же изгоняет из человека эрос Божий, небесную любовь и надежду будущего божественного наслаждения.

Как только покинут человека эрос Божий, небесная любовь и надежда рая, тотчас начинает царствовать в нем похоть мира, плотская сласть и прелесть диавольская. Потому впредь он проводит жизнь в распутстве и духовном небрежении, с попорченной совестью и ослепленным душевным оком.

И если человек, находясь в таком состоянии, то есть в удалении по духу от небесного, впоследствии пожелает уклониться от зла, которым побежден, чтобы душа его смогла вспомнить небесное, которому подобна, и ум человека взойдет от чувственного к умному, от вещественного к невещественному, от зримого к незримому, от тленного к нетленному, от земного к небесному, – чтобы произошло, говорю, это, сердцу необходимо сокрушиться молитвой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». И сердце должно некоторым образом вскиснуть и соединиться с именем Господним, подобно тому как мука соединяется с водой и под действием огня (то есть благодати) становится хлебом. Ибо если человек произносит из глубины сердечной: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», то сердце его наполняется небесными помышлениями и духовными мыслями. И когда сердце наполнится такими духовными помышлениями (когда придет Святой Дух), тогда от сердца это божественное действие передается всем членам тела и всем чувствам. Потому что бы ни увидел телесными чувствами человек, соединенный тогда с благодатью молитвы, тотчас от этого чувственного видения его помысл сам восходит к умному и невещественному видению. И сердце его не

⁶³ Быт. 2, 7.

⁶⁴ Быт. 2, 7.

наслаждается и не побеждается красотой и наслаждением чувственного видения. Например, если делатель умной молитвы увидит какого-нибудь благовидного и красивого человека или некое иное прекрасное и чудное творение Божие, то это становится для души поводом для размышления о красоте небесного и невещественного творения Божия.

Потому что такой человек говорит сам себе, или, лучше, душа говорит человеку, следующее: «Если, о человек, это чувственное творение, которое сегодня есть, а завтра его уже нет, Бог сотворил таким прекрасным и чудным, что радует видящих и наслаждающихся им, то насколько красивее и прекраснее те небесные и вечные райские блага, *которых не видел глаз, не слышало ухо и которые не приходили на сердце человеку*⁶⁵, но которые Бог уготовал Своим рабам от сотворения мира?».

И снова оттуда душа возводит его к более высокому видению, потому что приносит ему воспоминание о Самом Боге, Который есть блаженное и крайнее желание, и говорит ему следующее: «Если и то, что является творением Божиим, чудесно, восхитительно и невыразимо, то, стало быть, Бог, его Творец и Создатель, насколько чудеснее и прекраснее Своего творения!». Так же и когда делатель умной молитвы увидит своими очами звезды небесные и луну, молнию и сияющее солнце, тотчас его разум возвышается к красоте рая и невыразимой светлости Бога – Творца и Создателя всего. Потому что душа снова тайно говорит человеку: «Значит, смиренный и ничтожный человек, если это видимое исполнено такой красоты и светлости, то, стало быть, Бог – Творец солнца и Создатель неба, Зиждитель звезд – насколько ярче и светлее солнца?». Некто же из отцов об этой божественной светлости поведал следующее.

Видение

Некий монах просил Бога показать ему славу и светлость святых. Посему он удостоился просимого следующим образом. Ангел Божий, придя, сказал: *Просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят*⁶⁶. И тотчас он открыл правое умное око души брата, и брат увидел ту божественную славу и невыразимую радость всех святых, которой они наслаждаются на небе. Потому что монах этот говорил, что видел всех святых в той славе и божественном блаженстве, в которой каждый святой сиял не меньше чувственного солнца. Сияя подобно светилу, они испускали такие лучи, какие испускает чувственное солнце. И все святые пели единым сладчайшим гласом: «Аллилуиа».

Посему, если здесь видимое солнце, являясь только одним светлым телом, сияет и освещает всю вселенную, стало быть, там, на небе, где тысячи тысяч и мириады мириад святых, каждый из которых сияет и светит подобно солнцу, – какая светлость, какие лучи, какая яркость? И еще упомянутый монах говорил о том, что все святые, сиявшие так, получали свое сияние от сияния и светлости Бога. Потому что один луч Божией светлости был подобен всему солнцу. Теперь подумай сам, о слушатель, насколько позволяет тебе твой малый и куций рассудок, каков тогда тот свет Божества и та невыразимая и неизъяснимая слава невидимого Бога и непостижимого Творца и нашего Создателя Господа?

Так же если делатель умной молитвы обоняет благоухание розы или каких-либо других цветов или видит какой-нибудь полевой цветок, тогда ум его как молния спешит к неизреченному благоуханию благовонных цветов рая. Поминая и помышляя о них, делатель умной молитвы орошает слезами свое лицо и бороду. И чем больше он воздыхает из келии сердечной, тем более возвышается и удаляется от земного. И он воздыхает из глубины сердца не только потому, что желает вкусить райских благ, но и потому, что помнит о том, какую муку испытывают те, кто их лишен, ввиду того что каждому человеку предстоит быть либо с Богом на небе, либо с дьяволом в преисподней.

⁶⁵ 1 Кор. 2, 9.

⁶⁶ Мф. 7, 8.

Еще тот монах говорил, что после того, как он увидел ту чудную славу святых, увидел и страшное мучение находящихся в геенне. Он рассказывал следующее. Когда закончилось небесное видение божественной славы, закрылось правое око его души и тотчас открылось левое, которым он увидел геенну, подобную морю, глубокому, как небо. Гееннское море было очень темным и мрачным. Мучимые перемешивались в нем, как перемешиваются при варке бобы в котле. Геенна бурлила так, что одного человека она поднимала наверх, а другого увлекала вниз. У одного человека виднелась только рука, у другого – только голова, у третьего – только нога. Один жалостным голосом кричал: «Увы! Увы!». Другой же проклинал и хулил того, кто стал причиной его мучений.

С таким негодованием и гневом один восставал против другого, что если бы они могли схватить друг друга, то, подобно грызущимся псам, зубами разорвали бы друг друга на куски. Там блудник гневался на блудницу, потому что она стала причиной его мук. А блудница гневалась на блудника, потому что он явился причиной ее страданий. Там родители дышали неизмеримой яростью на своих чад, потому что, желая обогатить их и упокоить в земной жизни, были преданы мучениям. Дети же гневались на родителей за то, что родители позволили им жить по своей воле и не воспитывали их в страхе Господнем. Если сказать коротко, там царили великий беспорядок, неразбериха и несносное зловоние.

Помышляя в себе о том и подобном тому, добрый подвижник воздыхает из глубины себя, и чем больше воздыхает, тем более возвышается от земного к небесному. Поэтому он не только не попадает в сети, которые расставил диавол посреди земных вещей, но становится еще более теплым по отношению к умопостигаемым и небесным предметам. Тогда он называется и становится поистине бесстрастным, потому что никакая диавольская страсть не имеет в нем места. Но тот, кто не занимается умным деланием с сокрушенным сердцем, не таков. Потому что как только он увидит какое-либо красивое лицо или дорогую и красивую земную вещь, тотчас сердце его наслаждается и помысл пленяется ею, цепляется за нее, как рыба цепляется на крючок. И спешит человек насладиться этой вещью, как пес спешит к мясной лавке, помышляя о том, чтобы насладиться до сытости, и прилагая к этому все силы, по сказанному: *И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи*⁶⁷. Этой участи да избавимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово третье

О том, как можно достичь высшего и совершеннейшего образа умной молитвы и как можно изгнать из себя демонов страха, которые сильно устрашают подвижника в ночное время, когда он пожелает помолиться или когда пожелает пойти один в полночь в какую-либо пещеру или в какую-либо пустынь, чтобы предстоять Богу в тишине.

Благослови, отче

Истинный делатель умной молитвы! Если ты желаешь достичь истинных и высоких степеней, послушай со вниманием то, что я скажу тебе. Иногда в ночное время ходи один

⁶⁷ Лк. 15, 16.

в места непроходимые, в места дикие, в места страшные, в места мрачные, в такие места, которые, как ты чувствуешь, являются гнездилищем и обиталищем демонов. Но прежде чем ты пойдешь туда, приготовься к такой дороге и к такому поступку.

Совість твоя да будет спокойной и мирной и да не осуждает тебя за какой-либо тайный проступок. Поисповедайся, причастись Владычных Тела и Крови. Короче говоря, будь во всеоружии Святого Духа. И когда ты двинешься в этот путь и один пойдешь глубокой ночью, часто-часто запечатлевай себя знаменiem Честного и Всесильного Креста, помышляя, что идешь (как и есть на самом деле) на великую войну, на такую войну, что более не узришь солнечного света, но умрешь в эту ночь, сражаясь с дикими и немилостивыми демонами страха. Ты либо победишь их непобедимой силой имени Господня, изгонишь их из их жилища и вернешься таким образом победителем, либо умрешь на этой умопостигаемой войне, чтобы не вернуться побежденным.

Потому, возлюбленный, когда ты подготовишься так, иди на эту умопостигаемую войну с такой мыслью. Когда ты будешь находиться в пути, демоны почувствуют, что ты идешь против них, дабы сразиться с ними именем Господним, и незримо встретят тебя своим обычным лукавством. Сначала они невидимо напугают тебя и наведут на тебя такой страх, что польется с тебя холодный пот. Начнут дрожать члены твоего тела от сильнейшего ужаса, в который они ввергнут тебя, дабы обратить тебя в бегство. Если же ты, обуреваемый таким образом, вступишь ни во что их ухищрения, тогда лукавые изменят свою свирепость и устрашение на лесть и обман, чтоб хотя бы так повернуть тебя вспять. Они, коварные, предложат твоему уму как бы советы, говоря: «О, человек Божий, мы видим, что ты очень прост и, не понимая своей выгоды, идешь теперь, глубокой ночью в такое место, не жалея своей жизни и не страшись того, что можешь умереть в этот час и за свою неготовность попасть в геенну. Или ты не знаешь, кто мы такие, и идешь против нас? Итак, послушай нас, Божий человек, и обратись вспять побыстрее, пока мы не разгневались на тебя и пока ты не испытал на деле нашей великой силы. Безмолвствуй в своей келии, подвизайся там, чтобы благоугодить Богу, совершая добродетели. И знай, что если умрешь здесь и сейчас, сражаясь с нами, то тебя сожрут дикие звери и ты не удостоишься ни погребения, ни отпевания».

Вот что они будут предлагать тебе после запугивания и устрашения, побуждая тебя якобы к лучшему преуспеванию и более безопасному поведению. Но ты, возлюбленный раб Господень, совершенно не слушай ни их советов, ни их «доброжелательности», потому что написано: *Елей же грешного да не намастит главы моея*⁶⁸. Посему, слыша это, часто крестись, непрестанно произнося втайне: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Затворив свои уста, иди против них как глухой и немой. Потому что если ты их слушаешь с первого же раза и обратишься в бегство, знай, что подвергнешься великой опасности. Как только ты побежишь, демоны представят тебе в уме, что они преследуют тебя, как бесчисленные разбойники с обнаженными мечами, или бросаются на тебя, как дикие и свирепые животные, чтобы поглотить тебя живьем и целиком. Посему это двойная опасность: и телесная и душевная. Это опасно для тела, потому что, быстро убегая, из-за страха или по действию демонов, которые устрашают и преследуют тебя, или по причине ночной тьмы и слепоты твоего испуганного сердца и разума, ты можешь споткнуться, упасть и повредить какой-нибудь телесный член. Для души же опасно это, потому что по причине твоего бегства демоны возымеют над тобой силу, ты не сможешь им противостоять: они войдут в тебя, и ты лишишься ума, вследствие чего будешь бояться даже своей тени. Поэтому, о воин Христов, выйдя на это умопостигаемое и невидимое сражение, трезвись и будь внимателен, насколько это возможно, чтобы коварные демоны не уловили тебя в свои сети никакой лукавой выдумкой.

⁶⁸ Пс. 140, 5.

Когда же ты пойдешь против них и тебя встретят такие прилоги, утверди сначала свое сердце в памяти Божией, веря вседушно, что Бог будет невидимо присутствовать на этом незримом сражении, дабы видеть твой подвиг. От памяти Божией ты тотчас получишь в себе некое утешение и некую радость в сердце своем, ибо сказано: *Помянух Бога и возвеселихся*⁶⁹. Потом утверди свое уstraшенное тело неподвижно, преклонись немного к земле и понуждай сердце молитвой, произнеся ее из глубины сердца пятьдесят раз. После этого поднимись и спокойно иди прямо к тому месту, откуда, как ты чувствуешь, к тебе, как некие приснодвижимые и нескончаемые волны, приходят разжженные демонские стрелы – прилоги трусости.

Идя же против них, запечатлей себя вновь знамением Честного и Животворящего Креста. И будь внимателен, не отворяй совершенно своих уст и не кричи от страха подобно ребенку, просящему помощи. Но имей уста затворенными и непрестанно при каждом вздохе один раз произноси тайно и с большим вниманием: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Иди на своих врагов смело и без страха. Когда они увидят, что ты, настроенный таким образом, идешь к ним, то снова возмутят твой ум бесчисленными прилогами разных слов и многообразных помышлений. И они вступят с тобой в сражение с такой силой и напором, что ты явственно почувствуешь это. Потому что демоны трусости набросятся на тебя как свирепые быки и страшные буйволы, чтобы прободать тебя со всех сторон и затоптать.

Но ты, возлюбленный, в этот час утверди крепко свое сердце в страхе Божиим, говоря себе: «Сейчас закончится моя жизнь, потому что либо умертвят меня демоны, либо я умру от понуждения к молитве до смерти. И если демоны победят меня и умертвят, Бог позаботится о моей душе. Если же я умру от понуждения к молитве, то Бог упокоит мою душу там, где присещает свет лица Его. Потому что такую мою смерть Он вменит в мученическую кончину».

Возлюбленный, когда ты сам себя утвердишь таким образом, тогда начинай говорить из глубины сердца: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Произнося эту молитву из глубины сердца, ты опускаешься от глубины твоей сердечной молитвы к глубочайшей глубине твоей сердечной молитвы. И чем больше опасности от демонов ты видишь, тем больше понуждай себя к молитве. Понуждая же к молитве свое сердце, ты все глубже погружаешься в глубины сердечной молитвы, доколе не обретишь совершеннейший метод умной молитвы. И поистине, верно слово, сказанное одним из отцов, когда его спросили, как он научился умной молитве. Он ответил и сказал, что научился ей от демонов. Другой же отец, спрошенный о том же, ответил, что научился ей от грубых детей. Эти слова кажутся странными, но на самом деле не таковы. Ибо первый, понуждая свое сердце к молитве, дабы прогнать приближающихся к нему демонов, как сказано выше, настолько преуспел в молитве, что обрел ее в совершенстве. Демоны для него стали поводом к молитве, поэтому он и сказал, что научился ей от демонов. Другой же, видя грубых детей, боялся, как бы не осквернилось его сердце каким-либо лукавым воспоминанием и дурным сосложением. Поэтому он тоже так сильно понуждал свое сердце к молитве, что обрел совершеннейший метод умного и сердечного делания. Потому правильно ответили и тот и другой. Мы же вернемся к предмету нашего слова.

Итак, возлюбленный, обретя таким образом совершеннейший метод умной и сердечной молитвы, снова понуждай свое сердце, доколе она не начертается внутри твоего сердца, как на некоей медной или каменной плите, и доколе не будет обращено вспять все действие жестоко воюющих с тобой демонов трусости. Тогда ты увидишь с очевидностью силу молитвы, ибо не только исчезнут их дикие и страшные привидения и несуществующие образы, но и воссияет в душе твоей луч просвещения Господа нашего Иисуса Христа. Поэтому ты станешь весь радость, весь – утешение, весь – веселие, весь –

⁶⁹ Пс. 76, 4.

бесстрашие, как будто тебя окружает множество твоих возлюбленных друзей, верных хранителей и оруженосцев.

И это поистине так. Потому что туда невидимо придут для твоего утешения божественные Ангелы, чтобы охранять тебя и увенчать тебя победным венцом за то, что ты поднялся и противостоял своим врагам. Посему будешь петь и ты вместе с пророком Давидом и скажешь: *Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь Защититель живота моего, от кого устрашуся? Внегда приблизятся на мя злобующим, еже снести плоти моя, оскорбляющим мя и враги мои, тии изнемогиша и падоша. Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое: аще встанет на мя брань, на Него аз уповаю*⁷⁰. И остальные стихи этого псалма ты будешь петь с безмерной радостью сердца. Потому что те, кто приблизились к твоему телу со всех сторон и угрожали, что поглотят его или умертвят, и те, кто огорчали тебя своим вмешательством, они, говорю, изнемогли и пали. Удаляясь же от своей цели, они исчезли от облистания умной молитвы, как ночная тьма исчезает от дневного и солнечного света.

Потому с того часа, когда могущественным именем Господним ты победишь там своих врагов, ты настолько полюбишь то место, которого раньше боялся и страшился, что впоследствии, когда случится тебе вспомнить о нем или увидеть его, тут же с радостью забьется твое сердце, а душа возжелает ходить туда часто, дабы снова таким же образом молиться Богу. Об этом некто из отцов поведал следующее.

Некий брат всегда подвизался в умной молитве, дабы обрести ее в совершенстве, но не мог этого достичь, потому что невозможно найти совершенную молитву без труднейшего подвига и опаснейшего искушения. Потому он часто предпринимал различные подвиги в умной молитве. И чаще всего он делал это ночью, когда спали остальные братья. Иногда он уходил вдаль от людей и там, преклонив главу на грудь, молился умно из глубины своего сердца, единый Единому Богу.

Однажды, когда он стал молиться наедине и по ночам в пустынейших местах, демоны разгневались на него и решили его запугать, чтобы он не совершал более такой молитвы. Ибо им не нравилось то, что делал брат. Потому как-то раз они навели на брата такой страх, что от этого внезапного испуга и чрезвычайного ужаса он чуть было не испустил дух. И чем больше проходило времени, тем более возрастал и усиливался страх. Потому что демоны трусости, как представлялось уму брата, надвигались на него в великом множестве, вооруженные до зубов, чтобы стереть его с лица земли. Находясь в такой нужде и не имея никакой помощи от людей, он собрал получше свой ум в сердце для умной молитвы.

Приклонив голову к груди, он начал произносить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», с величайшим усердием и понуждением, из самой глубины сердечной клетки, сосредоточив, как никогда в своей жизни, все внимание в своем сердце к молитве. Потому что когда умопостигаемые, свирепые и страшные демонские волны трусости наполняли страхом его мысль, тело – дрожью, ум – ужасом и кажущимся несуществующим грохотом, тогда и он понуждал сердце к молитве силой, превосходящей естество, с крайним трезвением и вниманием к ней.

И поистине чудно было это умопостигаемое сражение и чувственный подвиг брата, потому что к сердечной молитве он понуждал себя до смерти. И когда исчерпались совершенно его силы, тогда пришла к нему сила свыше, тогда посетила его благодать Божия, которая разбила наголову и демонов, и их различные и многообразные привидения. Брата же она чудесным образом утешила и подала ему двойную радость. Потому что, во-первых, благодаря понуждению к умной молитве брат обрел совершенную умную молитву, а во-вторых, он получил такую радость, такое утешение, и такое бесстрашие неожиданно пришло к нему, как будто его окружил некий полк божественных Ангелов. И это поистине так, ибо сказано: *Ополчится Ангел Господень окрест боящихся*

⁷⁰ Пс. 26, 1–3.

*Его, и избавит их*⁷¹. Богу же нашему слава, держава, хвала и поклонение во веки веков. Аминь.

Слово четвертое

О том, что тот, кто желает удостоиться дара умной молитвы, должен просить его у Бога с сердечной теплотой, проводя жительство высокое, чистое, безукоризненное и претрудное, упорствуя в молитве к Богу, доколе не сподобится вкусить этого дара свыше, от Отца светов. Ибо часто Бог не сразу дает просимое, чтобы было явлено терпение до конца и человек стал более теплым в молитве, нежели прежде.

Благослови, отче

Господь сказал: «Узок и прискорбен путь, ведущий в Царство Небесное»⁷². Этот узкий и прискорбный путь есть именно деятельная и претрудная жизнь по Богу, которая ради Царства Небесного проводится добровольно в этом мире. Ибо эта деятельная и претрудная жизнь рождает в человеке умерщвление страстей, умерщвление же страстей рождает отчуждение помысла от мирских вещей и неприязнь к диаволу. Потому что когда умертвит кто-либо свои страсти проведением аскетической жизни, тогда воссияет в его душе некий божественный луч, который отчуждает помысл от мира и поднимает его на войну с диаволом. А отчуждение помысла от мира и вражда и ненависть по отношению к диаволу порождают надежду на Бога и уверенность. И с того часа человек просит у Бога помощи, чтобы победить диавола. Он ищет у Бога всегдашней помощи. Ибо как диавол не перестает бороться с человеком до самого часа его смерти, так и человек просит Бога о такой силе и помощи, чтобы смочь противостоять всем нападениям диавола и сохраниться невредимым от его приснодвижимых, тайных, страшных и разжженных стрел.

Потому Бог подает ему всегдашнюю помощь, согласно с его просьбой, ибо сказано: *Просите, и дано будет вам*⁷³. А всегдашняя помощь, которую человек просит у Бога, чтобы во всякое время побеждать неусыпного диавола, это не что иное, как всегдашнее поучение в умной и сердечной молитве. Если оно будет дано человеку от Вседержителя Господа, то укоренится в его чистом сердце, как укореняется семя, упавшее на хорошо удобренную землю. Это семя умной молитвы услаждает ум, согревает сердце и утешает душу божественной благодатью. Потому душа начинает приносить плоды умной молитвы, сначала в тридцать, потом в шестьдесят и наконец во сто крат⁷⁴.

Это происходит так потому, что умная молитва не дается человеку сразу в совершенстве. Ведь и святым апостолам благодать Святого Духа была дана не сразу. Сначала Христос даровал ее в малой мере, когда прежде Своих страстей и распятия сказал им: *Се, даю вам власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь*⁷⁵. Во второй раз им дана была большая благодать, когда после Своего воскресения Он дунул на них и сказал: *Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся*⁷⁶. А в третий раз они получили благодать Святого Духа в совершенстве, когда Сам Святой Дух сущностно⁷⁷

⁷¹ Пс. 33, 8.

⁷² См.: Мф. 7, 14.

⁷³ Мф. 7, 7.

⁷⁴ См.: Мф. 13, 23; Мк. 4, 20.

⁷⁵ Ср.: Мф. 10, 1; Лк. 10, 17.

⁷⁶ Ин. 20, 22.

⁷⁷ Этим словом автор, видимо, желает подчеркнуть реальность и полноту дара, полученного апостолами в день Пятидесятницы. Это, конечно же, ни в коем случае не значит, что неизвестный исихаст, написавший этот труд, считает, будто бы апостолы приобщились самого естества, самой природы Святого Духа.

опустился с неба на головы святых апостолов в виде огненных языков в день Пятидесятницы.

Бог и сейчас подобным образом дает человеку благодать умной молитвы. Ибо сначала малым подаянием предобучается и приуготовляется человек для большего дара умной молитвы. И снова, большим подаянием и силой умной молитвы человек предобучается и приуготовляется для дара совершенного. Потому что когда человек достигнет меры исполнения Евангелия Иисуса Христа и станет способным принести Богу достойный этого божественного дара плод, как сказано: *еже плод свой даст во время свое*⁷⁸, – тогда, говорю, Бог дает ему совершенное подаяние и совершенный дар умной молитвы.

Но поскольку этот совершенный дар, сходящий от Отца светов, высок и честен, то требует и жительства высокого и честного, потому что подобное любит подобное. Для большей убедительности приведем в пример одного святого.

Святой Максим Кавсокаливит возжелел научиться умной молитве и всегда просил Божию Матерь об этом даре. И вот даровал ему Бог по сердцу его и исполнил желание его по намерению его, как написано: *Даст ти Господь по сердцу твоему и весь совет твой исполнит*⁷⁹. Явилась ему Госпожа Богородица и сказала: «Поднимись, Максим, на вершину Афона, чтобы получить дар умной молитвы».

Посему святой поднялся на вершину Афона и получил желаемое. Он поднялся – но как он поднялся? Он поднялся, будучи алчущим, жаждущим, удрученным телом, поднялся после ночного бдения, поднялся босой, поднялся с теплой верой, поднялся с чрезвычайным смирением и огромным благоговением, поднялся с чистым сердцем и очищенным умом. Он поднялся с живой надеждой и расположением сердца. Он поднялся на вершину и оросил пол храма⁸⁰ теплейшими и обильнейшими слезами. Он поднялся, но не сразу получил желаемое. Поэтому он спустился вниз к божественному храму Богородицы⁸¹, огорченный, но не отчаявшийся, ибо снова поднялся с большей верой, с большим благоговением, с большим смирением, с большей молитвой, с большей теплотой, с большим алканием и двойной жаждой души вместе и тела и с большими и теплейшими слезами. И он решил в себе: если не удостоится желаемого, не уходить с вершины Афона, ничего не есть, не пить, не давать очам своим сна и векам – дремания⁸², как сказано: «Преподобне отче, не дал еси сна очима твоима, ни веждама твоима дремания»⁸³, дондеже душу и тело от страстей свободил еси; прииде бо Христос со Отцем, обитель у тебе сотвори».

И это были видимые подвиги преподобного, но об умопостигаемых подвигах, которые он подъял для борьбы с невидимыми демонами, кто расскажет? Потому что демоны, как только поняли, что святому предстоит получить дар умной молитвы, тут же собрали свои полчища чуть не со всей вселенной, чтобы испугать и утратить святого, дабы он от страха вернулся ни с чем. Они изображали, будто набрасываются на него в великом множестве, создавая сильный шум и грохот.

И другие мириады различных утрачений они представляли преподобному в уме, чтобы убежал он от страха. Но он остался непреклонным, как неподвижный столп, доколе не получил желаемого следующим образом.

На вершину Афона спустилась Госпожа Богородица, держа на святой Своей руке прекрасного Младенца Иисуса. Ее сопровождала стража бесчисленных Ангелов. Вершина же Афона показалась преподобному просторнее неба – и справедливо, потому что туда

⁷⁸ Пс. 1, 3.

⁷⁹ Пс. 19, 5.

⁸⁰ На вершине Афона (2022 м над уровнем моря) находится небольшой по размеру храм (скорее, часовня с престолом) в честь Преображения Господня.

⁸¹ Чуть ниже самой вершины находится храм Божией Матери (1500 м над уровнем моря), где часто отдыхают паломники и монахи, поднимающиеся на вершину или спускающиеся с нее.

⁸² См.: Пс. 131, 4.

⁸³ См.: Служба преподобному общая. Стихира на хвалитех.

сошла Ширшая Небес вместе с невмещаемым небесами Своим Сыном и Богом. А святой, увидев въяве Госпожу Богородицу, упал тут же и поклонился Ей трижды, на каждое поклонение говоря: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословена Ты в женах, и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

И тогда Матерь Эммануилова пречистой Своей рукой дала Максиму хлеб, который, приняв с великим благоговением, святой тут же съел. Тогда Госпожа Богородица стала невидима, а Максим сразу почувствовал в своем сердце бурное кипение умной молитвы.

И с того часа, бодрствовал ли преподобный или спал, молитва бурлила в его сердце, согревая его, услаждая душу и просвещая умные его очи. Потому, просветившись, он своими просветленными очами видел в облачное и темное ночное время так хорошо, как будто сияло яркое солнце. И, подобно крылатому орлу, он часто летал телом по воздуху. Но все это произошло со святым Максимом Кавсокаливитом, а мы вернемся к своему слову.

Это слово свидетельствует о том, что дар умной молитвы дается тому, кто поднимается на вершину Афона. То есть получает от Бога совершенный дар умной молитвы тот, кто проводит житие высокое, житие непорочное и чистое, кто проводит для тела житие претрудное и безутешное, а для души усладительное и утешительное, возвышающее ум к небу подобно вершине Афона, уходящей в облака.

Потому что этого высокого и небесного жительства желают не только чистые Ангелы и Покровительница чистоты, их Владычица, Матерь Христова, но такового жительства желает и Сам небесный и непостижимый Отец Господа нашего Иисуса Христа. Поэтому Он насаждает в сердце человека росток умной молитвы, который, напоемый присными токами слез, вырастет и расширится подобно кедром ливанским, и охладит прохладным ветерком божественных словес всех опаленных зноем греха, и накормит прекрасным и сладким плодом тех, кто умирает от недостатка деятельности по Богу. *Труды*, сказано, *плодов твоих снеси: блажен еси, и добро тебе будет*⁸⁴. То есть трудами, стараниями, тяготами и другими подвигами, которыми ты испытываешь себя, день и ночь борясь со своими страстями, доколе не выкорчуешь их из своего сердца, чтобы свыше было насаждено в твоём сердце растение умной молитвы, умного поучения, умного и божественного созерцания,— всем этим, говорю, в твоей душе приуготовляется плод небесный, плод нетленный, плод умопостигаемый, плод вечный и плод духовный, который слаще меда и многочисленной песка морского. Вкушающий от этого плода поистине блажен и счастлив, потому что не взалчет во век, живя во Христе, и Христос будет жить в нём. Ему же слава и держава всегда. Аминь.

Слово пятое

О крайнем и пространным понуждении к сердечной молитве, от которого внутри человека рождается острая боль, а от боли – приснотекущие слезы, от которых приходит в душу веселость и утешение Святого Духа. Также о том, как некоторые харкают кровью, доколе не изгонят из своего сердца сатану со всеми его полчищами

Благослови, отче

О, монах, посредством своих божественных и светлых слез занимающийся бесценным и небесным деланием спасения! Когда ты лишишься этих спасительных и святых слез, а ум твой затуманится и станет слепым, закрывшись неким плотнейшим туманом бесчувствия, изливающимся на твою душу и держащим твой ум связанным во

⁸⁴ Пс. 127, 2.

тьме и сени смертной, когда, говорю, произойдет это с тобою, не ищи иного исцеления для своей души, ни иного средства, с помощью которого ты бы смог отбросить от своего ума эту плотную мглу бесчувствия и освободить свой плененный ум от уз душевной слепоты, но всеми силами ищи слезы, утраченные тобой. Потому что только слезы могут осиять твой разум, просветить твою душу, восстановить твоё сердце, согреть его божественной деятельностью и подчинить тело желаниям души.

Слезы происходят и рождаются от различных добродетелей, но по преимуществу и напрямую исходят всегда от сильного понуждения сердечной молитвы. Потому что сердечная молитва, когда произносится с понуждением, не медлит породить их в теле и дать их душе, чтобы ими омыться и убелиться паче снега. *Омыеши мя, сказано, и паче снега убелюся*⁸⁵.

Но, возможно, ты скажешь мне в ответ: «Сколько раз я нудил своё сердце молитвой, и совсем не видел слез». Да, я верю, что ты понуждал своё сердце молитвой, но насколько ты его понуждал, ты мне не говоришь. Ибо понуждение от понуждения отличается настолько, насколько добродетель отличается от добродетели, искусство от искусства, животное от животного и человек от человека.

Если же ты понуждаешь своё сердце молитвой и к тебе не приходят слезы, знай, что ты не достиг понуждением такого сердечного сокрушения и такой сердечной раны, чтобы там, где произносится молитва, у тебя была острейшая боль, как будто ты пронзил то место груди неким острым ножом. Поэтому ты и не видел слез. Ибо какова разница между человеком, молящимся из глубины сердца, и человеком, который не молится из глубины сердца, таково различие и между тем, кто молится с сердечной болью, как бы произнося молитву из центра боли, и тем, кто молится только сердцем и от сердца, но без сердечной боли, без сердечной раны и без внутреннего ножа в груди (читающий пусть поймет то, что читает, и могущий вместить – пусть вместит; ибо не все вмещают то, о чем говорится здесь⁸⁶, свидетель мне, что я не лгу – око Божие, видящее и *испытующее сердца и утробы*⁸⁷). Потому что сердечная боль бывает там, где находится внутренний край понуждения молитвы, которое подобно острому ножу разрезает внутри грудь подвижника на части.

Это то, что сразу же порождает умиление. Иногда слезы льются ручьем и орошают не только лицо человека, но и одежду его, и землю. Иногда слезами увлажняются только очи. А иногда как поверхность земли весной в ночное время покрывается небесной росой, так орошаются изнутри и ум и сердце. И если слезы прекратились, а острая боль и смертельная рана в тебе еще остаются, острая боль не смягчается совершенно, твоя рана не затягивается и сердце не приходит в себя сразу, то ты, когда пожелаешь, можешь вернуть слезы. Потому что источник, из которого они истекают и проливаются, еще не закрылся. Он еще бьет ключом и не иссяк.

Иногда ты возобновляешь слезы той же самой молитвой с болью. Произнося же снова эту молитву с понуждением, болью и вниманием, ты узнаешь на собственном опыте, что вместе с молитвой слезы исходят из того же места, откуда исходит и молитва. Потому что как только ты начинаешь понуждать своё сердце молитвой, тотчас внутри твоё сердце и твои очи приходят в умиление.

Иногда, когда только появляется боль в сердце, ты возобновляешь умиление при помощи созерцания ума. Ибо ум, будучи чистейшим, прозрачайшим и высоким, простирается к небесным красотам, к нетленным созданиям, к умным полкам, к славословию Божию, к поклонению своему Творцу, к восхищению Его творениями, Его величием и непостижимостью Его Божества.

Помышляя об этом, чистейший и прозрачайший ум услаждается неизреченно. А услаждаясь, возобновляет в твоём сердце умиление, и очи проливают слезы, не меньшие

⁸⁵ Пс. 50, 9.

⁸⁶ См.: Мф. 19, 12.

⁸⁷ Ср.: Пс. 7, 10.

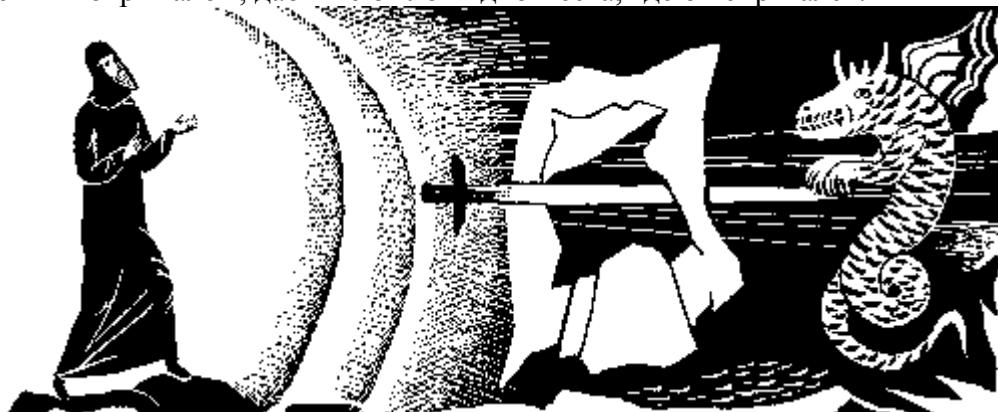
прежних. И тогда ты, соделывающий свое спасение посредством слез, падаешь ничком и не встаешь, доколе не насытишься плачем и доколе невидимо не поднимет тебя святой Ангел духовного утешения и радования.

После же пролития слез уходит бесчувствие твоей души, изгоняется отчаяние в своем спасении, неблагоговение убегает само, пропадает нерадение, исчезает маловерие твоего сердца, и твой ум видится таким чистым (как и есть в действительности), как небо после дождя.

Эти слезы тебе даровал Бог, чтобы немного утешить тебя, чтобы обручить тебя Небесному Царству. Потому что ты принес Ему не жертву всесожжения, которой Он не желает, как сказано: *Всесожжения не благоволиши*⁸⁸, но ты принес Ему в жертву свое сердце, самого себя, свой дух: *Жертва Богу дух сокрушен*⁸⁹. Ибо острая боль, которая господствует внутри твоей груди, и кровь, которую ты выплевываешь от сердца по причине понуждения сердечной молитвы, пред Богом вменяются в приятную жертву.

Но почему боль появилась в центре твоей груди, а не где-нибудь в другом месте? И почему молитва изрезала на части твою грудь изнутри, как некий острейший нож? И почему ты харкаешь кровью, иногда черной и холодной, а иногда красной и горячей? Возлюбленный, это следствие того, что в центре груди ради искупления и спасения твоей души благодатная молитва вступила в войну и сразилась с дьяволом и его слугами. Потому что, найдя отдыхающих в этом месте дьявола и его полки, обоюдоострый меч имени Христова порубил их на части. И пожег их, потому что имя Божие – это не только обоюдоострый меч против дьявола, то есть против греха, но еще и огонь потребляющий.

Там прежде царствовал сатана с семьей правителями, потому что смертных грехов семь. Но когда вошел туда умопостигаемый меч имени Христова и достигло туда понуждение твоей умной молитвы, тотчас устрасился этот жалкий и трусливый царь-тиран. Дьявол испугался, как бы страшное и непобедимое имя Божие не закололо и не пожгло и его самого, и его полки. Поэтому он вошел во внутренние части груди и закрылся неким покрывалом, дабы не было видно места, где он спрятался.

А покрывало, за которым скрылся дьявол, находится во внутренней части груди. Это покрывало – и умопостигаемое, и чувственное нечто, как древо познания, от плода которого вкусил Адам. Оно ощущается как умопостигаемое и чувственное нечто. Как человек состоит из умопостигаемого и чувственного, как рай состоит из умопостигаемого и чувственного, так и эта пелена есть умопостигаемое и чувственное нечто. Это покрывало есть умопостигаемое нечто, потому что является всей силой сатаны. Оно господствует в тебе и незаметно управляет сердцем. А чувственное оно потому, что когда ты доберешься до него с помощью внутренней сердечной молитвы и внимания, то почувствуешь сам, что твоя внутренняя молитва нашла место дьявола, логово сатаны, жилище веельзевула, престол денницы и город демонов. Они не желают, чтобы человек почувствовал его и попросил молитву изгнать его оттуда, как и говорит Григорий Синаит и другие святые отцы. И если это покрывало, эта сатанинская пелена непостижима для

⁸⁸ Пс. 50, 18.

⁸⁹ Пс. 50, 19.

чувств, то как возможно ее почувствовать и как молитва может добраться до нее? Это происходит следующим образом.

Когда ты, о человек, с помощью силы, премудрости и суждения умной молитвы исследуешь глубины самого себя, тогда находишь, что и внутренний твой человек, как и внешний, весь замешан на страстях и всегда склоняется к диавольской воле, если не препятствовать ему страхом Божиим и не обуздывать напоминанием о страшной геенне. Ибо чем больше приближаешься к Богу посредством исполнения Его святых заповедей, тем больше видишь себя удаленным от Бога⁹⁰. И чем больше очищается твое сердце молитвой и просвещается твой ум приснотекущими слезами, тем больше тебе кажется, что ты грешен и распутен.

Но почему до очищения сердца и просвещения ума ты не видел себя таковым? Прежде всего, потому что не знал, что такое Ангелы, Сам Бог и рай. Но теперь, когда созерцало сии тайны твое сердце, насколько это было доступно его чистоте, и видел ум, насколько это позволяло его просвещение, ты видишь себя таким ничемным и распутным, потому что удостоверился, какой крайней чистотой обладают божественные Ангелы и какую непостижимую и невыразимую красоту и чистоту имеет Господь.

Потому и говорил этот благословенный отец, небесный более, чем земной, бесплотный более, чем во плоти, Симеон Метафраст: «Уже бо и дела содеях: блуд, прелюбодейство, гордость, кичение, укорение, хулу, празднословие, смех неподобный, пьянство, гортанобесие, объядение, ненависть, зависть, сребролюбие, любостяжание, лихоимство, самолюбие, славолубие, хищение, неправду, злоприобретение, ревность, оклеветание, беззаконие; всякое мое чувство и всякий уд оскверних, растлих, непотребен сотворих, делателище быв всячески диаволе»⁹¹. Ибо кто более или менее не причастен этому? Конечно, все мы, как носящие тело, живущие в мире и прельщаемые диаволом, причастны этому.

Поэтому мы говорим, что это покрывало является вместилищем диавольского лукавства, его сокровищницей, потому что там у сатаны собраны все семена зла. Оттуда исходит блуд, оттуда исходит нецеломудрие, оттуда исходит распутство, оттуда исходит и проистекает мужеложство, оттуда истекает сребролюбие, лихоимство, злоприобретение, хищение, неправда. Оттуда исходит сластолюбие, гордость, возношение, человекоугодие. Оттуда происходит ненависть, вражда, зависть, осуждение. Оттуда проистекает злоупотребление, похвальба, злое вожеление, хула и, если сказать вкратце, оттуда, как из некоего грязного и зловонного источника, истекает всякое зло. Об этом свидетельствует и сказанное Господом в Его Святом Евангелии: *Из сердца человека исходят любоддеяния, убийства, хуления – это оскверняет человека*⁹². Значит, если не заботиться об очищении внутренности своего сердца, то есть об очищении внутреннего человека, тогда сердце, то есть внутренний человек, все становится жилищем и сосудом сатаны, из которого проистекает всякое зло, оскверняющее человека и мучающее душу.

Итак, возлюбленный, ты видишь, что все зло исходит из сердца, которое стало гнездилищем и жилищем сатаны? Там, как в сокровищнице, собраны все злые семена его лукавства и все растлевающие уловки его, коварства, поверх которых, как на некоем мягком и дорогом ковре, отдыхает он сам. Но когда молитва достигнет этого жилища сатаны, растревожит его и сильно взбаламутит, тогда тотчас встревожится и смутится сатана вместе со своими злыми ангелами, как возмущаются и гnevаются осы, когда потревожишь их гнездо.

⁹⁰ Характерно для святости наших отцов то, что чем более они, как чистые, приближались к чистейшему Господу, тем более ощущали ничтожество человеческой природы. Эту мысль подробно развивает в своих «Душеполезных поучениях» авва Дорофей. См., например, Поучение 2, о смиренномудрии.

⁹¹ Последование ко Святому Причащению. Молитва Симеона Метафраста.

⁹² Ср.: Мф. 15, 19–20.

Но ты, о монах, достигший молитвы и прошедший ею даже до сердца, прошу тебя и побуждаю, ради любви к своей душе вложи все свои силы в сердечную молитву, чтобы растерзать эту сатанинскую завесу. Ибо завеса эта есть рукописание диавола, она — обвинительная хартия денницы, в которой им уже записаны все грехопадения.

Если ты желаешь с помощью понуждения сердечной молитвы разорвать это умопостигаемое и чувственное покрывало диавола, которое является и твоим собственным покрывалом, сразу изгладить все свои грехи, записанные на нем, и сделать напрасными все труды диавола, которые он предпринял, чтобы записать все твои злые дела, то в этом, как сказано, тебе поможет молитва с понуждением.

И как только молитва с понуждением придет туда, ты тотчас познаешь, что там сидит умопостигаемый волк, который ожидает, чтобы в час смерти схватить и разорвать умопостигаемую овцу Господню, то есть твою душу, и поглотить все твои добрые дела. Поэтому в час, когда твое сердце почувствует, что там свивает свое гнездо древний змий, с целью отравить твою душу, тогда невидимо и чудесным образом приходит готовность всей силой сердечной молитвы разорвать эту диавольскую завесу. Ибо когда ты, движимый божественной ревностью, понимаешь действия диавола, тогда принимаешь решение и говоришь: «Либо в эту минуту я умру от сильнейшего понуждения молитвы, либо диавол будет прогнан и вместе со своей злобой убежит из моего сердца». Потому ты разишь молитвой, разишь еще сильнее, рвешь и раздираешь диавольскую завесу, доколе она не продырявится и не порвется.

И когда непобедимая и могущественная молитва достигнет внутренних мест, тогда изгоняет оттуда диавола и его демонов. Потом она чудесно и неизреченно пожигает все то пространство и все семена и причины греха и страстей, и после этого сразу приходит утешение Божие. Посему песнописец говорит: «Попали огнем невестственным грехи моя и насытитися еже в Тебе наслаждения сподоби»⁹³.

Некоторые харкают кровью⁹⁴, потому что понуждали себя молитвой даже до смерти, доколе не победили и не изгнали диавола из своего сердца. Скажи мне, где происходит наиболее мужественный подвиг и где наиболее чудная отвага? Конечно, там, где находится средоточие врагов, где престол супротивных, где бахвальство тиранов. Потому что там сатана, как бы сидя на высоком престоле, хвалился своими разнообразными лукавыми приемами. Но благодатнейшая и могущественная молитва именем Господним,

⁹³ Последование ко Святому Причащению. Тропарь по стихам Метафраста.

⁹⁴ Здесь мы замечаем, что не все, занимающиеся этой сердечной молитвой, харкают кровью. Некоторые харкают кровью, а другие — нет, но только сильно понуждают к молитве свое сердце. Стало быть, те, кто сильно понуждают себя к молитве, но не харкают кровью, пусть не сомневаются в словах тех, которые говорят, что от сердечного понуждения харкали кровью, полагая это невозможным и невероятным по той причине, что того же самого не случалось с ними. Ибо в этом можно удостовериться, если спросить многих, кто харкал кровью от сердечного понуждения.

Причина же того, что одни харкают кровью, а другие — нет, кажется, заключается в следующем. Те, кто харкают кровью, сильно понуждая себя к молитве, или горячи и раздражительны, или до крайности понуждали к молитве свое сердце.

Те же, напротив, кто не харкают кровью, хотя и видят себя достигшими мер совершенной молитвы — как по преизбытку богатого и самопроизвольно действующего умиления, так и по разным иным духовным знамениям, которые с таковыми случаются: то есть от созерцаний и видений, какие видят или в теле, или вне тела, согласно святым отцам, — таковые, говорю, или очень смиренные и кроткие, почему и дано им утешение, или не понуждали до крайности сердце свое к молитве, хотя им и кажется, что они до крайности понуждали его. Ибо крайнее понуждение сердечной молитвы есть совершенная любовь ко Христу и многая ревность крайним сердечным понуждением молитвы сильно отомстить сатане. Когда в человеке действует и то и другое, тогда он харкает кровью от крайнего внутреннего утеснения. Пусть тогда он не страшится умереть. Из таковых мы видим многих, достигших глубокой старости. Кроме того, полагаем, что когда кто-либо начнет харкать кровью по причине понуждения сердечной молитвы, пусть прекратит сердечное понуждение молитвы, доколе не исцелет его внутренняя рана. Спит же пусть более обычного, потому что хорошо излечивает эту рану несколько более продолжительный сон. Равно же и питье его пусть будет теплым или горячим. — *Примеч. к греческому изданию.*

придя, разорила сатанинский центр, разрушила престол денницы и смирила его бахвальство.

Итак, теперь скажи мне, о добропобедный воин небесного и бессмертного Царя: когда ты чувствуешь, что молитва исполнила твои внутреннейшие части, когда чувствуешь, что преуспел в молитве и достиг ее совершеннейших мер,— разве ты не ощущаешь тогда в своей душе облегчения от плотской брани? Потому что тогда ты вовсе не видишь, что свирепый и дикий зверь блуда беспокоит тебя как в помысле, так и во плоти, и даже не ведаешь, что такая страсть есть у сынов человеческих. Ибо обитающая в тебе благодать Господня покрывает тебя от этой страсти и хранит, чтобы завистливый враг своей скверной похотью не осквернил твой чистейший сосуд.

Тогда ты видишь, что тело твое умерщвлено для бесчестных страстей, что оно обновлено и восставлено благодатью Господней. Потому что внутреннее понуждение сердечной молитвы часто само приносит тебе крайний упадок сил и бессилие, по причине чего ты чуть ли не падаешь на землю, как парализованный.

Потому мы говорим снова, что когда ты достигнешь таких мер совершенной молитвы, тогда гнев исчезает сам, а вместо него внутри тебя царствует сладчайший мир Христов. Тогда ненависть и вражда против ближнего совершенно не имеют места в твоём сердце, потому что в нём царствуют сочувствие и благодатнейшая любовь к брату. Потому тогда ты скорбишь за брата больше, чем скорбит он сам.

Тогда ты не знаешь, что такое осуждение, ведь Бог открыл у тебя внутри умные очи сердца, которыми ты видишь только лишь немощ своей души, то есть свои природные недостатки и свои долги пред Богом. Этот дар покрывает тебя от осуждения братьев. Потому что тогда соломинка в твоём глазу кажется большей, нежели бревно в глазу брата. Также и твой комар кажется тебе больше верблюда твоего брата. Ибо бревно и верблюд брата либо не видны совсем лукавому оку твоей души (потому что лукавое око ослепло), либо, если видны, то кажутся тебе совершенно ничтожными.

Но мы снова говорим, что когда ты достигнешь этой меры совершенной молитвы, тогда гордость не остается в тебе ни на минуту, но тотчас тает от молитвы, как тает иней от солнечного тепла. Потому что тогда обитает в тебе кроткий и смиренный Иисус, Который как будто печатью запечатлевает, начертывает и выдавливает в твоём сердце Свои кротость и смирение. Ибо как ты можешь гордиться, когда видишь и ведаешь свою немощ и тебе кажется, что если бы люди узнали о твоих природных недостатках и о твоём недостойнстве, то тотчас предали бы тебя на позор и закидали камнями, чтобы ты исчез из рода человеческого, не осквернял его более и не приносил своей злобой вреда другим людям.

Дар этот имели все святые. Потому один называл и считал себя блудником и распутником, не будучи таковым. Другой называл и считал себя варваром и псом. Третий говорил, что он первый и главнейший среди всех грешников на земле. Конечно же, как ты можешь гордиться тогда, когда не желаешь ничего другого в этом мире, как найти какую-нибудь расщелину в скале или какую-нибудь земную пропасть и плакать там, преклонив главу, плакать, пока не завершится твое земное странствие?

Тогда хула совершенно не имеет места ни в тебе, ни вне тебя. Потому что демоны хулы, посредством человека оскорбляющие Бога, изгнаны из тебя и из твоих пределов. Напротив, теперь тебя окружают божественные Ангелы, хвалящие могущество и имя Христово. С ними хвалишь и ты благодать своего Создателя Иисуса.

Тогда празднословие изгоняется из тебя, и ты не желаешь произносить даже необходимые слова, благоговей пред Христом, с Которым ты беседуешь сладко-сладко, тайно и устами к устам. Тогда неподобный смех представляется тебе делом бесчестнейшим, совершенно чуждым и неподходящим твоей душе. Потому что душа твоя тайно собирает благоговение и скромность имени Господня. Тогда пожелания чрева и вина ты гнушаешься и избегаешь настолько, что не желаешь насытиться ни простой

водой, ни находящимся у тебя хлебом, но ешь и пьешь лишь столько, чтобы жить и работать Христу в чистоте и трезвении, будучи скорее бесплотным, чем плотным.

Меру же и количество твоей простой пищи определяет сама молитва. Потому что тогда не только молитва невидимо и неожиданно препятствует [чрезмерному.— *Ред.*] насыщению этой простой пищей, изгоняя из тебя демона многоядения и ненасытности, но даже желудок твой не принимает более, насыщаясь благодатью Божией.

Таковой мере и таковому порядку твоей пищи молитва учит тебя следующим образом: когда ты садишься за свою скудную и убогую трапезу, чтобы вкусить насущного хлеба для подкрепления своего слабого и изможденного сердца (как сказано: *и хлеб сердце человека укрепит*⁹⁵, и еще: *хлеб наш насущный даждь нам днесь*⁹⁶), и ты ешь с великим благоговением, окружает тебя любовь Божия, окружает тебя благодать Божия, невидимо, но ты явственно чувствуешь ее действие. Потому что когда ты ешь свой хлеб или какое-нибудь простое блюдо, тогда уста твои изнутри услаждает благодать Божия, как будто ты наполнил их сахаром (как некогда сказал некто из отцов).

Иногда, когда ты ешь и прожевываешь хлеб или свое убогое блюдо, тебе кажется, что в устах твоих эта пища становится подобной манне, которую в древности вкушали в пустыне евреи. Иногда тебе кажется, что ты пьешь молоко, иногда — что ешь мясной бульон, или мед, или вкусную рыбу, несмотря на то, что твоей пищей являются вареные без какой бы то ни было приправы бобы или несоленые травы. Потому что когда ты ешь и ощущаешь этот чудный вкус, услаждается твой ум, поучаясь в себе неизреченной сладости, которой наслаждаются на небе святые, вкушая небесный Хлеб и пия непостижимый нектар славы Господней. То есть святые, созерцая непостижимую, невыразимую и превосходящую всякий ум и всякую мысль славу Господню, всеми этими благами насыщаются чудесно и неизреченно.

Поэтому и Пророк говорил: *Насыщуся, внемлю явити ми ся славе Твоей*⁹⁷. Когда ты услаждаешься этим чудесно, в то же время, благодаря сладости твоего языка и ума, молитва сама разыгрывает в тебе и этим самым препятствует насыщению чрева, как бы говоря в голос: «Хватит, ты поел!». Потому что человек, будучи животным разумным, живет не только хлебом, но и благодатью Божией, как сказано: *Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих*⁹⁸.

Посему ты, когда почувствуешь в себе разыграние молитвы, радуешься чрезвычайно, вспоминая Божий дар и Промысл о тебе Вышнего Бога. И от этой неизреченной радости ты проливаешь столько слез, что орошаешь ими не только свое лицо, но и пищу.

Так происходит и тогда, когда ты пьешь простую воду. К тебе приходит такое же посещение Святого Духа. Тогда внезапно отверзается источник неиссякаемых слез твоих очей. По этому знамению ты узнаешь сам, что толикого питья тебе хватит для жизни. Зачем же тебе есть и пить более того? Это представляется тебе потерей для твоей души. Поэтому ты тут же прекращаешь есть и пить и встаешь из-за трапезы с двойной радостью: первая радость о том, что съел довольно и твое ослабевшее и изнемогшее сердце подкрепилось; другая же радость о том, что помянул тебя Господь и возвеселил твое сердце и твой ум чистым и несмешанным вином умиления и божественного веселия.

Но ради слова об этой духовной радости я отступил от темы нашего разговора о сердечной боли. Ибо и то и другое является плодом одной и той же молитвы. Потому что одна и та же молитва рождает и утешение души, и боль сердца.

Стало быть, когда ты произносишь молитву из глубины своего сердца, тогда болит оно изнутри, и эта боль рождает глубокий вздох. Ибо кто вздыхает, не имея боли? И у кого от боли не омрачается лицо? Боль, о которой я говорю тебе, двойная, потому что это

⁹⁵ Пс. 103, 15.

⁹⁶ Мф. 6, 11; Лк. 11, 3.

⁹⁷ Пс. 16, 15.

⁹⁸ Мф. 4, 4.

не только чувственная внутри тебя там, где происходит молитва с понуждением, но и умопостигаемая боль твоей души, когда ты сокрушаешь молитвой свое сердце.

Чувственная боль сердца испускает вздох, а умопостигаемая боль твоей души рождает хмурость лица. А хмурость и угрюмость вида содержит и сохраняет сердечную боль, потому что, вспоминая о своих грехах и зная в точности о немощи своего естества, ты непрестанно молитвой печаливаешь свое сердце, и невозможно, чтобы внутри тебя не стала господствовать душеспасительная боль сердца.

Эта боль возрастает соразмерно с понуждением твоей сердечной молитвы. Потому что когда понемногу понуждаешь молитвой свое сердце, а наипаче когда понуждаешь его на протяжении продолжительного времени, тогда чувствуешь внутри себя сильную и продолжительную боль и живо ощущаешь, что это смерть для человека. Ибо боль не означает ничего другого, как извещение смерти. От этой боли ты чувствуешь смерть, но каким образом? Ты чувствуешь ее не как запаздывающую и подвергаемую сомнению, а как находящуюся очень близко и как неотвратимый приговор. Ведь боль, господствующая внутри тебя, близка к твоему дыханию. Каждый раз, вдыхая воздух, ты испытываешь внутри себя чрезвычайную остроту этой боли. Потому что сердечная молитва с понуждением так порезала внутренние части груди, что там образовалась обширная умопостигаемая рана. И как только вдыхаемый воздух, проходя там, приблизится и коснется сердечной раны или твоей груди, тотчас ты чувствуешь очень резкую боль. А иногда, когда боль возрастет и увеличится, и два и три раза за время одного вдоха ты чувствуешь внутри себя боль.

Тогда на что, кроме смерти, ты надеешься? Чего другого, кроме отшествия из сего мира, ты ожидаешь? Чего иного, кроме гроба, ты ждешь? Поистине говорю тебе: когда в тебе такая боль, смерть находится пред твоими очами. Когда же пред очами твоими смерть, тогда неким умопостигаемым образом пред твоими очами и твой Бог, твой Творец и Создатель. Посему и Пророк говорит: *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся*⁹⁹. А это ожидание смерти пред твоими очами лишь похоже на иное ожидание простой, естественной смерти, потому что ожидание той смерти, что является с болью молитвы, смешано с божественной и неизреченной сладостью. Поэтому сказано: *Честна пред Господом смерть преподобных Его*¹⁰⁰. О смерти же грешника сказано: *Смерть грешника люта*¹⁰¹. А радость праведных в ожидании смерти такова и ощущается следующим образом.

Когда ты понуждаешь на молитву свое сердце, к тебе приходит боль. Боль же приносит воспоминание боли и страданий Христовых. А когда ты страдаешь вместе со Христом, тогда надеешься и прославиться вместе с Ним. Но откуда тебе знать, что твоя боль имеет нечто общее с болью Христа? И как ты чувствуешь, что если умрешь от этой боли, то прославишься вместе со Христом?

Это становится явным из того, что я тебе сообщу. Прежде чем заболит твое сердце от сокрушения молитвой и воздыханий, ты совершенно не чувствуешь благодати и сладости Христианства и не обладаешь никаким истинным извещением о своем спасении, но только лишь называешься христианином, чувственно не вкусив и некоторым образом не

⁹⁹ Пс. 15, 8.

¹⁰⁰ Пс. 115, 6.

¹⁰¹ Ср.: Пс. 33, 22.

почувствовав помазания и сладости Христовых. Это имя Христа настолько помазано¹⁰² и настолько ценно, что его недостоин весь мир. Настолько это имя сладко и утешительно для того, кто вкусил его помазания, что его не услаждает и не утешает вся сладость века сего. Но то, насколько ценно и сладко это имя Христово, знают и ведают только те, в ком пребывает боль молитвы. Потому что они на деле вкусили благодати и сладости этого имени Христова.

Человек состоит из тела и души. Тело питается и возрастает благодаря земному хлебу. Душа питается и укрепляется благодаря Хлебу Жизни. Хлеб Жизни – это Христос. Посему сказано: «Хлеб живота вечнующаго да будет ми Тело Твое Святое, благоутробне Господи!»¹⁰³.

Тот, кто вкушает земной хлеб без боли сердечной молитвы и без горьких и глубоких вздыханий, тот не чувствует помазания, и силы, и действия имени Христова. Потому что у ядущего хлеб земной до сытости утучняется сердце, и он не чувствует того, Что есть Бог. Такой человек совершенно бесчувствен ко спасению своей души. Но тот, у кого болит сердце, болит душа, болит грудь от понуждения молитвы, от вздыханий, от невидимых и видимых искушений, которые испытывает и терпит ради любви Христовой, тот, говорю, когда слышит имя Господа нашего Иисуса Христа, или когда поучается в нем с внутренней болью, или когда призывает его с живой верой и теплым благоговением, он, говорю, чувствует силу имени Христова, которая реально действует в нем своей божественной энергией. Это божественное имя Христово представляется его уму сладким как мед. Сердцу его оно кажется сладким как сахар. Его гортани и его устам оно тоже кажется сладким. Поэтому и Пророк говорит: *Коль сладка гортани моему словеса Твоя: паче меда устом моим*¹⁰⁴. Его чувствам оно представляется живым. Ликут и исполняются веселием его уши, когда слышат его. Радуются его очи, когда видят его написанным. Наиболее же радуются очи его души, когда где-либо видят его написанным. Это божественное имя Христово, которое является царским и утвердительным, на различных важных местах [вселенной.– *Ред.*] невидимо пишут невидимые и божественные Ангелы для сохранения и утверждения вселенной.

Посему тот, у кого, благодаря понуждению сердечной молитвы, это божественное имя Христово написано внутри, когда слышит его своими ушами, приходит в благоговение, достигающее глубин его души. Вскоре же после этого божественного благоговения, когда он слышит имя Христово, его ум посещает некая сладкокаплющая радость. Он внимает этому имени, как имени своего родственника или весьма любимого друга. Поэтому от радости слезы льются ручьем из его глаз. Сердце его скачет внутри, веселясь и ликуя в молитве. Радует его душа радостью своего Господа. Все это что иное означает и характеризует, как не родство души со Христом и то, как может действовать имя Христово в том, у кого болит сердце от понуждения молитвы?

Но поскольку таковой человек сроднился со Христом, то уже не боится боли сердца и не ужасается, потому что знает и удостоверился в том, куда пойдет его душа, когда выйдет из тела. Потому что в его устах, в его уме, в его сердце, в его душе всегда пребывают слова: «Христе мой! Христе мой!».

Эти слова: «Христе мой! Христе мой!» – он произносит чаще, чем дышит. Куда бы он ни смотрел и что бы ни видел, всему предшествуют слова: «Христе мой!». Что бы он ни слышал, «Христе мой!» предшествует тому. Где бы он ни ходил и куда бы он ни шел, «Христе мой!» предваряет его и шествует впереди него. Когда он спит, «Христе мой!»

¹⁰² Здесь подходит слово «помазано», потому что весь смысл текста заключается в тайном помазании души Возлюбленным Христом, Который помазывает душу и украшает ее Своими дарами.— Примеч. к греческому изданию.

В греческом языке слово «помазанный» отличается от «благой» только одной буквой. Однако различие слов и смыслов коренное, что, по-видимому, и побудило издателей сделать такое примечание.— Примеч. переводчика.

¹⁰³ Последование ко Святому Причащению. Канон. Песнь 1.

¹⁰⁴ Пс. 118, 103.

спит вместе с ним. Когда он ест, «Христе мой!» ест вместе с ним. Когда он занимается рукоделием, предпочтение отдается словам: «Христе мой!».

Если же я пожелаю доказать, что «Христе мой! Христе мой!» насаждено в нем, то для этого мне не хватит и долгого времени. Как невозможно чувствам почувствовать что-либо, если не предварит их и не будет присутствовать ум, так невозможно и уму быть соединенным со словами «Христе мой! Христе мой!». И если в сердце его не обитает Христос, то как может человек быть столь насыщенным и услажденным именем Христовым? А это насыщение и услаждение именем Христовым суть порождения сердечной молитвы, которая произносится внутри с болью.

И чем острее сердечная боль, тем она слаще. «Сурова зима,— говорили сорок мучеников,— да сладок рай». Сурова эта боль для тела, но является раем для души. Потому что когда сердце болит от сокрушения молитвы, тогда радуется и отдыхает душа. Когда же прекращается боль, тогда отдыхает тело, но скорбит душа. Потому что взята от нее тайная трапеза божественного веселия и неизреченного наслаждения. Когда же возвращается боль, тело не отдыхает, но понуждением молитвы начинает запечатлеваться внутри, в сердце¹⁰⁵. Прежде чем придет боль, душа уже скачет и радуется, потому что уповает на скорое духовное наслаждение. И когда боль придет, от радости душа беззвучно испускает некий скорбный глас, смешанный, однако, с некоей сладостью сердца и ума. Потому что, проливая слезы, она говорит своему Христу Иисусу: «Возьми меня, Господи, в Свое Царство! Возьми меня, Иисусе мой, туда, где Ты — Любовь моя и сладчайший мой Свет! Ей, сладчайший Иисусе мой, возьми меня сейчас! Господи мой, возьми меня, потому что с того часа, когда я частично и неизреченно вкусила Твоего неизреченного наслаждения и помазания — Христа и Бога моего, более не выношу разлуки с Тобой! Не терплю Твоего отсутствия! Опаляюсь и горю неугасимым пламенем сладчайшей Твоей любви! Когда я вспоминаю Тебя, загораюсь жаждой Тебя! Когда я помышляю о Тебе, тогда не выношу лишения Тебя и обессилеваю от разлуки с Тобою!».

Это и подобное тому говорит душа своему Христу, горя огромной к Нему любовью. Когда и тело прольет достаточно слез, тогда извещается душа о том, что услышал ее Христос и запечатлел ее в Книге вечной жизни, в которой записаны все праведники и о которой говорит Писание: *И в Книзе Твоей вси напишутся*¹⁰⁶.

Но Иисус Христос, Который один ведает Свои суды, оставляет ее еще в мире, скорее всего, для ее же пользы, чтобы она удвоила, и утроила, и преумножила свой плод. И Своим утешением Он прекращает эту боль. Но Господь не уменьшает ее (потому что Господь желает, чтобы мы ради Его любви, которая является спасением нашей души, всегда испытывали боль), но делает ее менее заметной умножением теплейших слез.

Эта боль является великим даром, который посылается от Бога подвижникам и любящим Его. А без нее никто не видит Бога. Ни в этой мысленной сфере, то есть в исступлении, видении и созерцании, ни через что другое не извещен он и не убежден, что в ином мире будет пребывать с Богом.

Эта боль обретается чрез продолжительное время благодаря многим подвигам и безмерному понуждению сердечной молитвы. Потому что если не понуждать своего сердца молитвой, то невозможно найти эту боль. Если же человек проявит небольшое небрежение, тогда она так быстро его покидает, что и сам человек удивляется тому, как скоро по нерадению пропала доставшаяся ему с большим трудом добыча. Но кто обрел эту боль один раз и потом потерял, тот легко находит ее снова, когда только пожелает, потому что знает, каким путем надо идти, чтобы обрести ее вновь. Но почему она сама не покидает человека надолго? Потому что если человек лишится этой боли на длительное время, то сердце его тотчас поддастся сладострастию и оставит путь Божий.

¹⁰⁵ Неясное место в источнике. Приводим в нашем издании дословный перевод.

¹⁰⁶ Пс. 138, 16.

Эта боль – порождение сокрушенного сердца, и сама является родительницей неиссякаемых и светлых слез. Эта боль – пища души, пища рассудка и утешение ума. Эта боль – радость Ангелов и печаль демонов.

Душа человека, который всегда содержит в себе эту боль, в скором времени начинает ненавидеть сей мир и шествовать в мир иной, в котором он имеет тот же удел, что и божественные Ангелы. Эта боль уничтожает страсти, прогоняет демонов, умиротворяет ум, услаждает душу, рассудку приносит утешение, а сердце согревает любовью к небесным предметам. Эта боль для человека является небесным учителем, который учит его божественным тайнствам и передает ему небесные мысли.

Невозможно человеку, внутри которого эта боль, не иметь небесного помысла. Как только эта боль появляется внутри него, ум тотчас возвышается к небесному, как отбросы оставляя земное, ибо боль эта пришла в бытие исключительно ради Христа. Потому что пролитие слез очистило человека, а чистая молитва, происходящая в тайне сердца, сделала его прозрачным. Когда же ум вознесется во Святая Святых, в Пренебесная Пренебесных, тогда старается увидеть там Того, Чью неизреченную сладость частично вкусила его душа и немного отведало его сердце.

Когда человек, как невещественный и подобный невещественным сущностям, невещественно обходит те невещественные и небесные предметы, тогда находит Того, ради любви Которого трудилось сердце и болела грудь. Найдя же желаемое и созерцая Того, Которого пророк Исаия видел сидящим на Престоле славы, он тотчас падает пред Ним ниц и поклоняется Ему с великим благоговением и смирением. Эта боль удостоила его не только такой чести – благодаря ей человек припадает в объятия Самого сладчайшего Иисуса и Вседержителя Господа, подобно тому как младенец падает в объятия своей матери. Когда человек сладко лобзает сладкого и превыше всякой сладости сладчайшего своего Владыку и Христа, тогда его телесные очи проливают реки слез. И боговидец молится, прося, чтобы никогда не разлучаться ему с Ним, умоляет о всегдашнем пребывании со Христом и благодатью Его Божества. И в тот час он говорит то, что сказал Христу Петр, когда преобразился Христос и апостолы увидели Его славу: *Хорошо нам здесь быть*¹⁰⁷.

Только бы сладчайший наш Иисус Христос даровал и нам эту душеспасительную боль сердца и сподобил нас здесь всегда видеть Его умными очами, а там, в будущем веке, когда будет упразднено зеркало души, видеть Его лицом к лицу и вместе с Ангелами славить Его в нескончаемые веки веков. Аминь! Буди!

Слово шестое

О том, что у молящегося умно из глубины сердца до боли – боль эта вызывает чувство и вкушение благодати и сладости Господней, которое появляется во внутреннем человеке одновременно с неиссякаемым умилением, возникающим от словес Божиих, изречений Священного Писания и любого духовного слова.

Благослови, отче

Непрестанно занимайся, о смиренный монах, священным деланием умной молитвы из глубины твоего сердца, доколе все сердце твое не станет молитвой, как железо, пожигаемое огнем, становится подобным ему. А еще упорствуй в сердечной молитве, доколе внутри тебя, там, где произносится молитва, не образуется рана. Потому что эта рана, которую ты от своей молитвы с понуждением добровольно получаешь внутри себя, Бог мне свидетель, станет для тебя духовным источником божественного умиления, из которого оно присно, когда бы ты ни пожелал, будет истекать без всякого понуждения.

¹⁰⁷ Мф. 17,4; Мк. 9, 5; Лк. 9, 33.

Когда же по благодати Христовой ты достигнешь такого духовного состояния, тогда втайне вкусишь благодати Господни. *Вкусите*, говорит Пророк, *и видите, яко благ Господь*¹⁰⁸. А вкусивший втайне, но как наяву, благодати Господней узнаёт до очевидности и уразумевает, что Господь его Иисус Христос, в Котором он поучается, превосходит всякую сладость.

Потому теперь подумай, смиренный! От этой малой благодати, которую ты вкусил втайне, ты действительно понял и удостоверился воистину, что Господь наш Иисус Христос столь сладок твоей душе, твоему сердцу, твоему уму и всему внутреннему человеку, что о Его сладости ты даже в малой степени не можешь поведать словами.

Стало быть, когда душа выйдет из твоего тела, и сущностно пойдет к своему Господу и Богу, и вкусит те блага, которых не видело земное око, не слышало плотское ухо и о которых не помышляло оскверненное сердце, тогда воочию насладится тем, чего невозможно передать человеку на словах, созерцая лицом к лицу своего Творца и Господа, невыразимого и непостижимого. Как будет радоваться и ликовать та душа! Аминь, аминь говорю тебе, возлюбленный, что ежели кто-либо детально и благоразумно помыслит о том, то уста его станут безгласными как у рыбы, и нечего ему будет рассказать об этом. Мы же вернемся к нашему слову.

Итак, трблаженный делатель Евангелия Иисусова, когда ты духовно находишься в этом таинственном вкушении благодати Господней, когда твой ум орошается умным молоком духовного созерцания, когда сладка твоя беседа ко Господу (*Да усладится Ему беседа моя, аз же возвеселюся о Господе*¹⁰⁹, говорит Пророк), когда сердце твое получает божественную и неизреченную милость от утешения Святого Духа,— когда, говорю, с тобой это происходит и в тебе находится все это и более того, очень согласное с тем, чего достоверно не может записать и изобразить трость книжника-скорписца¹¹⁰, тогда ум не внимает молитве, подобно тому, как ближайшему другу царя не нужно носить оружие, когда он, войдя в царские палаты, с дружеской теплотой встречает друга-царя и в великом мире вкушает царскую трапезу. Потому что тогда твоя душа внимает умно духовной трапезе, которую приготовила для нее божественная благодать, посетившая ее и по-царски угощающая ее с большой благожелательностью. То есть тогда душа помышляет только о Боге и Его благодати, упокоевается в сладости, которой в ту минуту наслаждается неизреченно.

Потому что тогда ты, о друг Божий, которого угощают духовно, по благодати Божией достигший этой высшей ступени умного и духовного созерцания, тогда, говорю, помышляя об умном меде и соте¹¹¹, которых вкушает твой ум, созерцая своего живого Творца и Господа, ты окунаешься в реку умиления и отдыхаешь духовно.

Тогда, помышляя и обдумывая в самом себе, как действует благодать Божия в твоей душе своим невестственным и божественным наитием и как утишается от этого твое сердце, ты умиляешься и отдыхаешь. Тогда, помышляя о веселости, которой просияло в тебе лицо твоего сердца по причине духовной радости, обильно излившейся на него от благодати Божией, ты проливаешь множество слез и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о чувственной веселости твоего плотского лица, которая произошла по причине внутренней радости божественной

¹⁰⁸ Пс. 33, 9.

¹⁰⁹ Пс. 103, 34.

¹¹⁰ См.: Пс. 44, 2.

¹¹¹ См.: Пс. 18, 11.

благодати, богато преисполнившей твое сердце, ты приходишь в сладчайшее умиление и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о благодати Господней, ты приходишь в сладчайшее умиление и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о том, что Господь и Бог твой крайне милостив и человеколюбив, ты приходишь в сладчайшее умиление и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о том, что Господь и Бог твой – Вседержитель и всемогущ, ты приходишь в сладчайшее умиление и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о том, что Царство твоего Господа – это Царство всех веков и владычество Его пребывает во все роды¹¹², ты приходишь в сладчайшее умиление и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о том, что имя Господа твоего для Его рабов свято и сладко, а для демонов – люто и горько, ты приходишь в сладчайшее умиление и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о том, что Господь твой велик и всемогущ в граде Бога нашего (то есть в нас, ведающих Его святую силу), на горе святой Его¹¹³, ты приходишь в сладчайшее умиление и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о том, что твоего Господа воспевают Ангелы, славословят Архангелы, что Его восхваляют все божественные Силы небес, ты приходишь в сладчайшее умиление и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о том, что твой Господь восседает на Херувимах и летит на крыльях ветра¹¹⁴, и о том, как чудесно восседает Он на облаках, ты приходишь в сладчайшее умиление и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о том, как Господь смотрит на землю и она трясется¹¹⁵, ты восхищаешься Его силой и пребываешь в покое умиления. Тогда, помышляя о том, что слава твоего Господа простирается превыше небес¹¹⁶, ты пребываешь в умилении и покое. Тогда, помышляя о том, как твой Господь восседает на святом Своем Престоле¹¹⁷ и что Его Престол утвержден во век века, ты приходишь в сладчайшее умиление и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о том, что Престол твоего Господа и слава Его высоко на небе, ты приходишь в сладчайшее умиление и пребываешь в покое. Тогда, помышляя о том, что все пришло в бытие благодаря слову Господню, и о том, что Господь твой дал заповедь, и все было сотворено, ты умиляешься и пребываешь в покое. А если сказать кратко, то когда твоя душа через сокрушенное молитвой сердце достигнет примирения с Богом, тогда умиление само будет непрестанно преизбыточествовать в тебе, а Бог Сам всегда будет прославляться во всех Своих чудных судах.

Потому во всем этом и остальном, что опустил я для краткости речи, получает удовольствие твоя душа, веселится твой ум, скачет твое сердце и радуется твое тело, как скачут, наслаждаются, веселятся и радуются о великом сокровище царя, о царской славе и его светлых победах благодарные царские рабы.

Итак, в зависимости от сладости, которой ты наслаждаешься в божественных чудесах твоего Христа, исходит из твоего сердца и умиление. Потому что это наслаждение предшествует умилению, как и наслаждению предшествует сошествие божественной благодати. А сошествию божественной благодати предшествует сокрушение сердца. И, приходя в такое умиление, ты удостоиваешься истинного созерцания, которое происходит благодаря пленению ума в вещах умных и непостижимых, о чем говорит наш божественный отец Исаак Сирий. Богу же нашему слава и держава во веки. Аминь.

Слово седьмое

О том, когда посещает Божия благодать того, кто умным образом из сердца молится Богу, и каковы духовные знамения этого посещения.

¹¹² См.: Пс. 144, 13.

¹¹³ См.: Пс. 47, 2.

¹¹⁴ См.: Пс. 17, 11; 103, 3.

¹¹⁵ См.: Пс. 103, 32.

¹¹⁶ См.: Пс. 8, 2.

¹¹⁷ См.: Пс. 46, 9.

Итак, когда ты, возлюбленный, долго молишься умно из глубины себя, знай, что невидимо приходит к тебе некое божественное посещение для освящения твоей души, для утешения твоего сердца и божественного утверждения всех твоих душевных и телесных чувств. Ибо ты понимаешь, что тебя посещает благодать Святой Троицы, из того, что имя Ее (мы говорим: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа) радует твою душу, услаждает твой ум, из твоего сердца, словно из некоего источника, истекает умиление, а твои очи проливают теплейшие слезы. По причине чего это состояние называется иногда посещением Святой Троицы, иногда же – тихим посещением благодати Бога и Отца. И ты постигаешь это, потому что от имени Бога и Отца умиляешься и веселишься духом более, нежели умиляешься и веселишься от имени Сына и Святого Духа. Тогда это называется посещением Бога и Отца. А иногда тебя более посещает Господь наш Иисус Христос. Ты постигаешь это из того, что от сладчайшего имени твоего Христа и от всех Его божественных таинств ты умиляешься и веселишься более, нежели умиляешься и веселишься от имени Отца и Святого Духа. Тогда это посещение называется посещением Господа нашего Иисуса Христа. И в другой раз, когда ты молишься умно из глубины своего сердца, тебя посещает Святой Дух и парит вокруг тебя наподобие чистой голубицы. Это становится понятным для тебя, потому что от имени Святого Духа ты умиляешься и веселишься гораздо более, нежели от имени Отца и Сына. Тогда это посещение называется посещением Святого Духа.

Итак, бывает, что ты не приходишь в равное умиление, как сказано, и не веселишься одинаково о трех именах Святой Троицы, Отца, и Сына, и Святого Духа, но иногда умиляешься и веселишься более от имени Отца, иногда – Сына и иногда – Святого Духа. Это происходит не потому, что Святая Троица не единосущна, – прочь богохульство, – однако иногда ты не в равной мере умиляешься и веселишься. Но когда ты молишься Святой Троице, то не с равной теплотой сердца и не в равной мере устремляешь взгляд своих умных очей к единой природе, к единому естеству, к единой силе Святой Троицы, ибо не с одинаковым благоговением призываешь из глубины своего сердца имя каждого из трех Лиц Святой Троицы, поэтому и приходишь в умиление, и веселишься не в равной мере.

Однако необходимо, принося Святой Троице свое моление и поклонение, обращать его с равной честью к трем именам. Приноси свою молитву с равным и крайним благоговением, с равной и крайней теплотой сердца, тогда ты и приходишь в умиление, и веселиться будешь в равной степени.

Три Лица Святой Троицы суть одной природы, одного естества, потому что Отец есть Свет, Свет есть и Сын, Свет – Святой Дух. Стало быть, одно Божество и три Лица. Итак, когда ты с крайним благоговением устремляешь свой умный взгляд к Отцу, тогда просвещаешься Отцом, поэтому и умиляешься от имени Отца. Когда же ты с таким же благоговением обращаешь умный взор к Сыну, тогда просвещаешься от Сына, поэтому и умиляет тогда тебя имя Сына. То же самое происходит и в отношении Святого Духа. Потому если ты желаешь умиляться в равной мере от трех имен Святой Троицы, то должен, как мы сказали выше, испытывать равное благоговение ко Святой Троице, почитать Ее в равной степени и равно Ее уважать.

Поэтому Церковь взывает велегласно, моля Единое Божество Святой Троицы: «И даждь нам единими усты и единым сердцем славить и воспевать пречестное и великолепое имя Твое, Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и присно, и во веки веков»¹¹⁸.

Иногда, когда долго молишься умно из своего сердца, тебя тихо посещает Госпожа Богородица. Это ты познаешь по великому умилению, которое приходит к тебе от

¹¹⁸ Божественная Литургия. Возглас иерея перед ектенией «Вся святая помянуше».

священных имен Богородицы, от Ее божественных и святых слов и от божественных Ее чудес. Посему это называется посещением Богородицы.

А иногда, молясь умно из глубины себя святому, чье житие ты читаешь и о благодати которого помышляешь, проливаешь теплейшие слезы, потому что тебя, как его сподвижника и друга Господня, посещает его благодать. Когда ты умно молишься из глубины себя, тебя невидимо и тихо посещают все святые, чьи имена ты с теплотой сердечной призываешь. Потому веселится твоя душа и умиляется сердце от их благодати.

Иногда же, когда ты молишься так, свыше к тебе приходит некое таинственное посещение божественной благодати, но ты не можешь понять, от какого она святого. О том, что в этот день произошло некое божественное посещение, твоя душа догадывается и узнает по неким умным и духовным знамениям, которые явлены и являются в ней и изречь которые язык не в состоянии. Но было ли то посещение Бога, или Богородицы, или некоего святого, ты не можешь понять сразу. Если при помощи умилившегося сердца, чистейшего и прозрачного ума, трезвенной мысли исследуешь это божественное посещение и помолишь тайно, с теплотой и смирением того, кто был близок к тебе, но не явил себя, тогда некими явными знамениями тебе открывается и является тот, кто тайно почтил тебя своей милостью.

Откровение таинственного божественного посещения происходит следующим образом. Когда ты молишь своего безвестного и неведомого благодетеля, то прежде начинаешь с Бога, прося Его и славословя. И если посещение было от Самого Бога, то имя Божие кажется твоему уму сладким, как капля меда, которая неизреченно сочтется (произносимое разумеи духовно) на твое сердце с одинаковой сладостью. А сердце таинственно источает на душу некие небесные, духовные, сладкотечные, сладостные слезы. Подобным образом и очи источают на лицо слезы, подобные тем медосердцетекущим, тем сладкодушекаплющим и тем сладостноумноточимым слезам. Потому лицо в тот час сияет умными лучами духовной радости: *Сердцу веселящуся, лице цветет*¹¹⁹. Тогда по этим знамениям ты узнаешь, что было посещение благодати Божией. Если же от Божиего имени не происходит ничего такого, то произошло посещение какого-то святого.

Тогда ты снова таинственно умом и теплым сердцем молишь всех святых, начиная от Божией Матери, и проходишь мыслью по чинам святых. Когда же ты будешь молиться и размышлять о чинах святых, как только твоя мысль достигнет чина того святого, который тебя таинственно посетил, тотчас же приходит небольшое духовное утешение и некие очевидные знамения, по которым ты узнаешь, что находишься недалеко от твоего искомого друга, посетившего тебя.

И когда ты молишься святым, которых знаешь по их житию и чудесам, — только произнесешь имя того угодника Божия, который посетил тебя, сразу он становится для тебя известным благодаря очень живому действию и важнейшим знамениям самопроизвольного богатого умиления и духовной теплоты. Ибо в тот день лишь только услышишь имя или чудеса посетившего тебя святого или через твой ум пройдет воспоминание о нем — тотчас приходишь в умиление. Иногда умиление бывает в сердце, иногда — в очах. Часто к тебе приходит духовная ревность — подражать в делах и добродетелях посетившему тебя святому. Но когда пройдет тот день, тебя покидает то действие самопроизвольного умиления и духовной теплоты. Происходит же сие следующим образом.

Допустим, некто имеет друга, который пригласил его прийти к нему, чтобы насладиться духовной беседой. Итак, он идет к ближнему, дабы порадоваться им вместе. Путь же его проходит через рынок, где много народа. Там он видит других своих друзей, которых приветствует с веселым лицом, и радуется их объятиям и приветствию. Но он не задерживается своими друзьями и продолжает путь, чтобы найти того друга, который

¹¹⁹ Притч. 15, 13.

пригласил его. Как только он приходит к своему другу и слышит его голос, тотчас радуется его сердце. А когда он обнимет его, удваивается радость его сердца, от умиления он проливает слезы, смотря на своего возлюбленного друга и наслаждаясь сладчайшей беседой и общением. Когда же приходит час расставания, он печалится, но помысл его пребывает спокойным, потому что они насладились дружеской беседой. Вскоре по прошествии короткого времени его приглашает иной друг, и происходит то же самое.

Так же бывает и в духовном. Когда некий святой приглашает тебя на свою духовную радость, тогда в тот день происходит посещение и духовное утешение тебя тем святым. Когда же пройдет тот день, само по себе проходит и духовное утешение. То же самое бывает и когда божественным посещением тебя приглашает к своему духовному утешению другой святой. А такое духовное посещение бывает у человека тогда, когда скорбят и его душа, и тело. Душа незримо сокрушается от невидимых врагов, а тело – или от подвига, или от тиранов, или от плохих людей. Посему какого бы святого человек ни призвал, этот святой посещает его удивительным образом благодаря родству. Ибо он сроднился со святым посредством общности страданий и искушений, которые переносит ради любви Господней. Наиболее же, чтобы он не ослабел в своем подвиге, его тихо посещает благодать Господня.

Иногда в нужде его посещает божественная благодать, хотя он ее и не призывал. Потому что божественный Промысл ведает о том, когда человек нуждается в посещении. А иногда человек призывает Бога, но посещения не происходит. Это Бог делает для пользы человека, потому что Он гораздо лучше нас самих знает, в чем заключается польза для нас.

Но ты, смиренный, не скорби, если Господь не сразу удостоит тебя Своего посещения, но укоряй и осуждай самого себя, прилагая и то, что ты недостойн такой божественной милости. И вот тогда божественное посещение недалеко от тебя, хотя ты и не чувствуешь этого. Особенно же Господь бывает близок к нам тогда, когда есть какой-либо господский праздник, или богородичный, или день памяти какого-либо празднуемого святого. В такой день у одного человека происходит посещение втайне, у другого – въяве. С каждым, говорю, происходит соответственно его любви и ревности, выказанным по отношению к божественному. Согласно с ними происходит и посещение.

Ибо когда ты, о человек, особенно любишь и почитаешь святого, тогда и сам святой всегда о тебе помнит и пребывает с тобой невидимо, так, что ты и не догадываешься о его посещении. Но он наиболее явно близок к тебе, когда празднуется его память и ты выказываешь теплейшую ревность в его поминании. То же происходит и когда у тебя есть великая вера и теплое благоговение пред Госпожой Богородицей. Тогда Она всегда заботится о тебе и особенно явно посещает тебя в день твоей скорби. Наиболее же постигаемое посещение Ее происходит в день Ее памяти. То же самое происходит и тогда, когда в твоём сердце страх Божий. Бог хранит тебя всегда ополчением Своих божественных Ангелов, как сказано: *Ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его, и избавит их*¹²⁰. Но в день твоей скорби Он явно посещает тебя Своей благодатью. Особенно явно Господь бывает близок к тебе в дни Его святых и честных праздников как по причине Его безмерной благодати, так и вследствие твоего непрестанного славословия. Тогда посредством Своего посещения Он невидимо приглашает твою душу на тайную трапезу, к Своему тайному упокоению и к Своему духовному веселию.

И в тот святой и божественный день, когда Он посещает тебя, твоя душа радуется, тайно ликуя и умно веселясь вместе с умными духами, благодаря божественному посещению наслаждаясь умно некоей частью тех благ, которыми наслаждаются умные духи в умопостигаемых и нерукотворных селениях Горнего Иерусалима. А тело духовно радуется в дольном Иерусалиме со своими православными братьями, как сказано: *Сей*

¹²⁰ Пс. 33, 8.

день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь¹²¹. Богу же нашему слава, держава, хвала и великолепие во веки веков. Аминь.

Слово восьмое

О том, что когда тот, кто молится умно из глубины себя и всегда воздерживается от приятной пищи, голоден, уста его иногда услаждаются молитвой, как будто во рту у него нечто сладкое или он ест сладчайший мед, как сказал и Пророк: Коль сладка гортани моему словеса Твоя: паче меда устом моим¹²².

Благослови, отче

О, смиренный монах, если желаешь вкусить когда-нибудь этой чудной сладости, которая усладит неизреченно кончик твоего языка, то позаботься о приобретении навсегда трех вещей: поста, воздержания и умной молитвы. Потому что если ты со всем стремлением и желанием не прибегаешь к помощи поста, воздержания и умной молитвы, то не надейся когда-либо почувствовать на своем языке эту чудную сладость. Эта чудная сладость – великое утешение Божие для тебя, чтобы сделать тебя более теплым и более ревностным в духовном делании.

Редки те, кто ощущают языком эту чудную божественную сладость. Но и они чувствуют ее не всегда, а иногда, когда Бог благоволит утешить их таким образом. Но когда они действительно ощущают ее на своем языке, тогда сами познают то, как прекрасно всегда поститься и воздерживаться и от всего сердца непрестанно молиться Христу. Потому что без этого невозможно почувствовать эту сладость в устах.

Эта божественная сладость неизреченна, потому что духовна, а все духовное неизреченно и таинственно. Но чтобы познать хотя бы немного то, как она действует, мы скажем следующее.

Эта божественная и чудная сладость, которой неизреченно услаждается язык, похожа на сладость сахара, но сильно отличается от нее. Потому что если положить сахар в уста, то уста услаждаются, но на короткое время, пока он не растворится в устах и ты его не проглотить. Больше ты не чувствуешь его сладости, если только не положишь в уста и другой кусок. Но с умным и духовным сахаром, который невидимо кладет тебе в уста благодать Господня и которым она чудесным образом помазывает твой язык, такого не происходит. Поскольку эта сладость сохраняется в устах, нет совершенно никакой необходимости класть туда что-либо сладкое. Ибо сладость Божия неистощима. Только бы ты посредством умной молитвы и чистого поста удостоился ее.

Когда язык услаждается, ты чувствуешь сладость в передней его части, как будто на него кто-то положил маленький кусочек сахара, который начал таять в твоих устах. Когда ты ощутишь сладость на языке, тогда, чтобы лучше почувствовать это духовное и божественное наслаждение, держи свои уста закрытыми. Тогда почувствуешь, как эта божественная и неизреченная сладость подобно воде из родника струится неиссякаемым током от кончика языка. Если в этот час ты случайно встретишь кого-нибудь и скажешь какое-либо слово, то сладость тотчас пропадет. Но если сомкнешь уста и опять станешь внимательным к ним, то удивительным образом почувствуешь снова сладость на языке.

Есть одно растение, содержащее природный мед. Цветок этого растения похож на пузырек. Если этот пузырек положить в рот и пососать, то ощутишь на языке сладость, подобную меду. Похожа на вкус цветка и сладость на языке, когда услаждает его благодать Божия. Но когда ты пососешь цветок, его сладость сохраняется на некоторое время только в том случае, если ты сделаешь то же самое и во второй раз. Тогда ты снова

¹²¹ Пс. 117, 24; также заповедь на пасхальной утрени.

¹²² Пс. 118, 103.

почувствуешь сладость. А сладость Божия пребывает до той поры, пока ты хранишь свои уста девственными от вещественных пищи и пития. Ибо когда вкусишь чего-либо вещественного, в тот день в устах своих уже более не чувствуешь действия сладости Божией.

Иногда, даже чаще всего, после вкушения чувственной пищи сладость эта совершенно отсутствует на протяжении того дня. Часто эта сладость языка, когда ты долгое время держишь свои уста сомкнутыми, чудесным образом непрестанно течет в твоих устах, и ты ощущаешь ее ток и то, какое и чувственное и недостижимое для чувств сладостное действие она оказывает при каждом твоём вздохе. А иногда ты ощущаешь, что она услаждает твои уста с внутренней стороны, как будто изнутри ты посыпал их сахарной пудрой или помазал сладчайшим медом.

Посему, о смиренный, когда внутри тебя эта сладость, храни себя от вкушения чего-либо земного, кроме, разве, великой на то нужды, чтобы впоследствии не сокрушаться без пользы. Пусть алчет твоя утроба. Не давай ей ничего. Потому что когда она алчет, уста твои чувственно и превыше чувства насыщаются сладостью Божией. Если же ты дашь своему чреву чувственную пищу, лишается язык твой чудной сладости. Когда таким образом язык твой услаждается этой божественной сладостью, тогда не выплевывай слюну на землю и где придется, но проглатывай ее. Потому что когда будешь ее глотать, или даже прежде этого, почувствуешь в устах своих сладость. А если выплюнешь ее, то вскоре лишаешься божественной сладости (видимо, поэтому один преподобный не плевался никогда на протяжении всей своей жизни). Но чтобы не раскаиваться впоследствии, прежде всего хорошенько блюди сомкнутыми свои уста, если только нет великой необходимости в беседе.

Если в тебе пребывает эта чудная и высокая сладость, и необходимо прочесть что-либо из Священного Писания, то читай с благоговением. А во время чтения будь внимателен к духовной сладости на языке, чтобы знать, сохраняется она или нет, течет с языка или отсутствует на нем. И если она сохраняется, то внимай и этой чудной сладости, и чтению. Потому что таким образом ты почувствуешь и другую сладость, но не на языке, а в уме. Ибо от благодати Божией усладится сам ум. И когда Божие утешение удвоится в тебе, то тотчас и утроится. Потому что и в очах своих ты тотчас узришь божественное утешение: из очей прольются чистые и тихие слезы Божией любви, чрезвычайно сладостные для души. Когда, как мы сказали, утроится в тебе утешение Божие, тогда ты сам узришь и иное – четвертое утешение Божие. Одновременно с третьим божественным утешением ты увидишь умным образом, что твой внутренний человек благодатью Святого Духа невидимо помазывается божественной милостью радования. По этой причине ты становишься весь – тишина, весь – радование, весь – веселие. То есть ни одного чувства в твоей душе не остается не утешенным утешением и благодатью Святого Духа.

Но все это произойдет с тобой, если, как сказано, неизреченная и чудесная сладость сохраняется на языке. Если же при чтении она не сохраняется, не отчаивайся, не вкушай ничего, не предавайся многословию и не рассеивайся. Но храни себя от этого и подобного тому, потому что, поступая таким образом, ты вскоре увидишь, что то же самое происходит в твоих устах. То есть эта чудная и божественная сладость будет чудесным образом услаждать их.

Но происходит ли эта божественная сладость от естества языка или от благодати Божией, которая непостижимо ударяет по языку и услаждает его, этого, о смиренный, постигнуть с достоверностью невозможно. Видимым образом она исходит от естества языка. Но на самом деле она происходит не от естества языка, а от божественной благодати, которая непостижимым образом ударяет по твоему языку и проходит через него неизреченно. Таким образом услаждается язык, почему и кажется, что сладость происходит от него. Но вдаваться в глубокие исследования этого вопроса, возлюбленный,

нет совершенно никакой необходимости. Ибо если будешь исследовать, то не отыщешь больше, чем сказано нами.

Итак, эта божественная сладость иногда бьет ключом в тебе и неизречно улаживает твой язык, но там, где она улаживает твой язык, ты чувствуешь, что она уменьшается, и тебе кажется, что она уже совершенно исчезает от слова твоего. Но вдруг ты снова ощущаешь, что она удивительным образом улаживает язык твой.

Радость тебе и ликование, о смиренный монах, когда ты сподобишься всего того, о чем слышал. Потому что тогда нет нужды есть сладости и пить сикер для того, чтобы усладить уста. Ибо их улаживает утешение Божие. Сикер и сладости, которые едят и пьют, улаживают лишь до тех пор, пока находятся в устах. Но во время божественного утешения сладость действительно остается в устах до тех пор, пока воздерживается человек от земных плодов.

Евреи, когда Бог питал их манной, доколе воздерживались от земных плодов, обладали небесной пищей, которая приносила им неизреченное улаживание. Но когда они вкусили от плодов земли, манна тотчас иссякла. Так и ты, о смиренный, по благодати Христовой сподобившийся некоторым чувственным образом узнать эту чувственную и вместе с тем превосходящую чувство сладость и иметь во устах пищу Ангелов, небесную манну, эту чудную сладость,— как только, говорю, ты вкусишь от плодов земли, тотчас само собой исчезнет это таинственное наслаждение. Лучше для тебя всегда поститься, всегда воздерживаться и непрестанно молиться, дабы питаться всегда этой чудесной сладостью, чем насыщать чрево вещественной пищей и лишаться небесной и сладчайшей манны.

Однажды я видел одного иеромонаха, который, совершая Проскомидию за жертвенником, внезапно прослезился и не мог остановить своих слез, но все более плакал, умилялся и скорбел, доколе не закончил Проскомидию. Когда же он говорил: «Яко Твое есть Царство, Отца...»¹²³ и последующее или другой какой возглас, то понуждал свое сердце и немного сдерживал умиление, произнося возглас низким голосом, чтобы о его умилении никто не узнал. Он пребывал в умилении и когда произносил молитвы. Когда же стал он читать Евангелие, внезапно очи его залились слезами, и плач стал очевиден, потому что сдерживаться у него не было сил. Потому в тот час из присутствовавших на Литургии не было никого, кто бы не пришел в умиление, кроме разве такого бесчувственного душой и жестокого сердцем человека, как я. И на протяжении всей Литургии он приходил в умиление, иногда большее, иногда меньшее, но всегда с безмерным ликованием души. Когда же он причащался Пречистого Тела и Честной Крови Господних, тогда оросил слезами и святой дискос, и покровцы, и антиминс.

Позже, когда закончилась Божественная Литургия, я попросил его сказать мне всю правду о том, почему он приходил в такое умиление и проливал такие слезы, да еще на виду у людей, в то время как я не в силах пролить и одной слезы о своей жалкой душе. И сей правдолюбивый, добрый и беззлобный человек поведал мне всю истину, рассказав следующее: «Я, брат, когда на утрени читалось обычное последование службы, умно и непрестанно поучался в своем сердце имени Господню. Когда же служба достигла своей середины, я начал чувствовать некую высокую сладость, которая понемногу улаживала мой язык. Вместе с этой сладостью постепенно приходило и некое духовное утешение.

Чем больше времени проходило, чем более внимательно я поучался в молитве «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», тем больше сладости становилось на моем языке, тем более увеличивалось во мне утешение Божие, и тогда вдруг умиление начало понемногу касаться моего сердца. А когда пришло время совершать Литургию, тогда уста переполнились сладостью, и я более живо почувствовал в себе утешение Божие. Потому и в умиление я приходил больше и чаще. Приготавливая на Проскомидии Божественные Дары, я почувствовал в устах великую сладость. Одновременно я

¹²³ Литургический возглас несколько другой: «Яко Твое есть Царство, и сила, и слава, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

почувствовал в сердце обильное Божие утешение. Поэтому тогда я и не мог остановить слез. А во время чтения Божественного Евангелия я подобным образом почувствовал в устах эту чудную и высокую сладость в преизбытке. Вместе с тем ум в изобилии услаждался словами Божественного и Священного Евангелия благодаря тому, что с очевидностью постигал силу, смысл и дух каждого его слова. Потому тогда я, будучи не в силах скрыть в себе и остановить умиление, плакал уже в голос, как малое дитя, ибо умиление преисполнило мое сердце и излилось из него. С этого часа до самого окончания Литургии я все пребывал в умилении, иногда более сильным, иногда – менее, согласно с высокой сладостью, которую чувствовал мой язык, и услаждением, которым наслаждался мой ум в постижении священных словес». Услышав это, я, жестокосердный, сильно укорил себя, потому что никогда не знал такой сладости на своем языке, а в душе своей – такого утешения.

Молитва

Но, Господи, Господи, сладость и радость всех рабов Твоих, с благоговением поучающихся сердцем в Твоем святом и божественном имени, даруй, молюся, возлюбить от всего сердца и мне Твое имя и поучаться в нем с великим благоговением, дабы почувствовал некогда, когда благоволит благодать Твоя, и мой язык эту божественную и высокую сладость. Ибо тогда, Господи мой, знаю я, вместе с этой чудной сладостью в моем сердце воссияет святой свет боговедения, которым око ума моего будет просвещено к истинному и совершенному постижению словес Твоих. Господи, когда произойдет это со мною благодаря Тебе – моему Творцу и Богу, тотчас Твои слова покажутся гортани моей сладкими и устам моим – слаще меда. Ей, сладкий мой Иисусе, молюся и прошу Твое Владычество, даруй и мне, зело огорченному, единую каплю от Твоей великой и непостижимой бездны божественной и духовной сладости. Ибо душа моя возжаждала ее паче злата и топазия и паче камне честного. И я, раб Твой, когда помышляю о ней, наслаждаюсь паче меда и сота. Ибо Ты, Господи мой, Господи, сладчайший мой Иисусе, неизреченное услаждение всех христиан, и Тебе славу воссылаем во веки веков. Аминь.

Слово девятое

О крайней слабости внешнего и внутреннего состояния человека, которая происходит от крайнего понуждения сердечной молитвы и вседневного поста и является причиной сладости и утешения Святого Духа в душе и сердце.

Благослови, отче

Ослабело мое сердце, возлюбленные братья, болезнуют мои внутренности, бессильна моя рука и весь состав моего смиренного и жалкого тела, и не в силах я, ничтожный, описать в подробности всю пользу, великую силу и непостижимую благодать, источником которых является в душе крайняя слабость сердца, происходящая от крайнего понуждения сердечной молитвы. Но кто желает достигнуть этой крайней слабости внутреннего и внешнего состояния тела, или, если сказать лучше, кто желает достигнуть меры святых отцов, чтобы, согласно с мерой его слабости, как его душа, так и сердце вкусили благодати Божией, тому необходимо не прерывать двух вещей: поста и сердечной молитвы. Потому что эти две вещи, пост и сердечная молитва, пребывают в душе и становятся для нее как два медоточных и сладоточных божественных растения, источающих присно и чудесным образом в самую душу всякую божественную сладость. А всякой божественной сладостью я называю то состояние, когда душа и сердце человека, обладающего этими двумя деланиями, неизреченно вкушают всякое божественное утешение. Иными словами, небесное и непостижимое богатство и духовную и

неизреченную радость, сокрытые в святых и богодухновенных Писаниях, такой человек испытывает на себе самом не как во сне и зрит их не как в зеркале, что бывает с теми, кто представляет их только в уме и не имеет этих двух деланий, но на самом деле чувствует их в душе и в сердце. Это происходит с ним следующим образом.

Когда постник понудит свое сердце к умной молитве так сильно, что почувствует в глубине себя сердечную боль, тогда им возобладает некая крайняя слабость – как во внутреннем человеке, так и во внешнем, в теле. Эта крайняя слабость отсекает и изгоняет совершенно всякое явное и сокрытое плотское наслаждение, гнездящееся в теле человека. И после этого человек вкушает небесное и духовное наслаждение в себе самом, почему сказано: *Царствие Небесное внутри вас есть*¹²⁴.

А это небесное и духовное наслаждение, которое человек таинственным образом вкушает в себе самом, явно познается следующим образом.

Когда человек произносит из сердца: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», как мы уже говорили много раз, он, конечно же, приобретает истинное и неподдельное благоговение пред Богом и Его божественными и чудесными словами. Одновременно же с этим чистым и искренним благоговением внутри него появляется благодать Святого Духа, утешение и радость как души, так и тела. Ибо когда благодать Святого Духа приблизится к чистому сердцу, не только утешается душа, но чудесным образом изнутри услаждается сердце, непостижимо и таинственно, – так, как услаждается кончик языка, когда человек молится умно из сердца на протяжении многих часов с крайним благоговением и вниманием к молитве.

Мы повторяем, что та сердечная сладость, которую чувствует сердце от благодати Святого Духа, хотя является таинственнейшей и духовной, похожа на ту чувственную сладость, которую испытывают уста человека, вкушающего мед или сахар. И снова, душа чувствует в себе сладость благодати Святого Духа следующим образом.

Когда благодать Святого Духа приблизится к душе, тогда ей все Священное Писание представляется неким тенистым деревом, листья которого источают сладость¹²⁵, а корни орошаются и напояются безмерной сладостью Христовой. Ветви же его источают на душу свою сладость, собранную со всех концов. Сердце ощущает эту сладость благодати Святого Духа следующим образом.

Когда кто-либо постигает сам, что в его сердце обитает благодать Святого Духа, тогда чувствует в центре себя, то есть в своих внутренностях, божественную радость и некое духовное утешение. Когда утешается сердце, тогда от благодати Святого Духа оно само согревается невещественной и небесной теплотой. И это то самое, о чем говорит Христос: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!*¹²⁶.

Когда твое сердце согреется этой небесной теплотой, тогда возгорается в нем великое пламя Христовой любви и господствуют в нем Его желание и эрос. И тогда, как только сердце вспомнит о своем Господе Иисусе или своих присных и друзьях Христовых, то есть о святых, тогда, говорю, оно плавится и растворяется от слез Христа и святых. Невозможно воспрепятствовать воде истекать из источника. Если помешать ей течь здесь, она будет вытекать оттуда; если преградить ей путь там, то просочится в другом месте. То же происходит и с сердцем. Потому что когда оно исполнится сладостью Божией, тогда самопроизвольно плачет внутри само, изумляясь сладостью благодати.

Если в час, когда сердце плачет, кто-либо прекратит его слезы, творя дела и похотения князя века сего, тогда, говорю, сердечные слезы прекращаются с того часа по причине внезапного злодейства ненавистника добра. Но когда сердце снова предастся трезвению и вниманию к благодати Божией, которая все еще посещает его, тогда снова,

¹²⁴ Ср.: Лк. 17, 21.

¹²⁵ Здесь автор использует им самим изобретенное слово, которое дословно можно перевести как «благоденносахароточнолиственное» (дерево).

¹²⁶ Лк. 12, 49.

как и прежде, предается плачу. Сердце плачет потому, что, плача по своему Творцу, одновременно с плачем чувствует в себе духовную сладость благодати. И это является тем плодом скорби, которым для обручения той чаемой и неизреченной радости будущего века обладали в этой жизни все святые.

С тех пор не только человек или демон совершенно бессилён оторвать сердце от его божественного созерцания и духовного поучения, но, дерзаю сказать, даже сами Ангелы не смогут оторвать его от небесного и умопостигаемого поучения, которое оно сокровенно совершает в наслаждении духовной радостью. И это то, о чем говорит блаженный Павел: *Кто отлучит нас от любви Христовой?*¹²⁷. Ничто не может отлучить сердце от его духовного поучения в благодати Божией, потому что с того часа, когда оно таинственно вкусило неизреченной радости божественной благодати, с того времени, говорю, оно постигло свое прежнее заблуждение и свою погибель, которую носило в себе самом, прежде чем нашло и вкусило благодати Божией. Если нищий, несчастный, измученный, оскорбленный и отчаявшийся человек по воле случая станет другом царя, оденется в блистательные и дорогие одежды и будет проводить время с царем во дворце, питаясь и живя роскошно, – согласится ли он оставить эту царскую жизнь и вернуться к ужасу своего прежнего несчастного существования? Если такого не произойдет с плотским и внешним человеком, то, явно, не произойдет этого с внутренним и духовным человеком.

Ибо сердце, каждый день и каждый час вкушающее благодать Божию, знает, по каким тернистым и колючим путям ходило, на какие прежде наступало жала, и не обращает внимания на то, что под образом наслаждения предлагает ему демон. Поскольку ведаёт с точностью, что там, на дороге вражьей, не существует ничего, кроме гибели души, сердечной горести и обличения совести. Но знает, что здесь, в благодати Божией, есть утешение, радость и сладость, душевная вместе и сердечная. Поэтому и пророк Давид просил Бога: *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей*¹²⁸.

Поскольку пророк Давид знал от Духа Святого, что если сердце человека очистится, то человек неким умопостигаемым образом увидит в нем Самого Бога, как говорит Христос: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*¹²⁹, – то говорил: *Сердце чисто созижди во мне, Боже*. И снова, как Пророк он знал, что если в сердце обитает Дух Святой, то в нем ощущается неизреченная радость и тело согревается изнутри. То есть в утробе ощущается некая непостижимая духовная и божественная теплота, смешанная с большой духовной и божественной сладостью. Поэтому он говорит: *И дух прав обнови во утробе моей*.

Молитва

Но Ты, о сладчайший мой Христе, обнови, молю, во утробе моей Дух Твой благой и утешительный, да усладится неизреченно мое вкушившее горечи сердце, просветится умно лицо моего сердца и просияет зримо телесное мое лицо от утешения Духа Твоего. Ибо *сердцу веселящемуся, лице цветет*¹³⁰.

Ей, сладчайший Боже мой, радость и сладость души моей! Услади, молюся, богоподобно мое сердце, дабы вместе от благодати Твоего утешения усладился и мой ум. Ибо Ты, Господи славы, и называешься Утешителем, потому что благодатью Святого Своего Духа утешаешь друзей Своих, как и Сам обещал Ты, неложный Бог мой и Господь. Ибо Ты, Господи, сказал святым Своим ученикам и апостолам: *Лучше для вас, чтобы Я пошел к Отцу Моему и Отцу вашему, к Богу Моему и Богу вашему. Ибо когда я пойду, то*

¹²⁷ Ср.: Рим. 8, 35.

¹²⁸ Пс. 50, 12.

¹²⁹ Мф. 5, 8.

¹³⁰ Притч. 15, 13.

умолю Отца Моего, да пошлет вам другого Утешителя, подобного Мне¹³¹. Сего Утешителя, Господи, молюся, умоли Отца Твоего и Отца моего, Бога Твоего и Бога моего, чтобы Он послал мне, ничтожному и всех меньшему, и Им укрепил меня в любви Твоей, Вседержителя Господа и Бога моего, как в древности сказал Пророк: *И Духом Владычним утверди мя*¹³². Ибо, Господи радости моего сердца и Спасителю всякой души, с дерзновением возложившей на Тебя свое упование, когда эта благодать Духа Твоего Святого приближается к моему сердцу и касается моей души, тотчас дает мне вкусить и почувствовать хотя бы в малой степени нечто от тех неизглаголенных и вечных благ, которые Ты прежде сотворения мира уготовал для любящих Тебя. Как только, Иисусе мой, сердце мое воспринимает чувство этих благ, тотчас уязвляется Твоею любовью, а душа моя сразу возгорается неким неугасимым и небесным эросом к Тебе – моему Христу. Посему, Господи, когда Ты сподобишь меня Твоей святой благодати, тогда я принесу Тебе, как тельца в жертву, сердечную хвалу. *Тогда*, говорит Писание, *возложат на алтарь Твой тельцы*¹³³. Ибо Тебе подобает всякая слава и хвала во веки веков. Аминь.

Слово десятое

Об умной молитве, о сердечной молитве и о трезвенной молитве.

Благослови, отче

Когда, возлюбленный, ты желаешь помолиться умно из глубины себя, в своей сердечной молитве подражай цикаде. Она издает звуки двумя способами. Вначале она пять–десять раз издает прерывистый и негромкий звук. Заканчивает же она свой стрекот сильным, протяжным и более музыкальным звуком. Так и ты, возлюбленный, когда молишься умно в сердце, молись таким образом. Сначала говори: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» – раз десять сильно из сердца и чисто умом из глубины себя. На каждый вдох произноси по одной молитве. Но на каждой молитве удерживай дыхание, когда сердце из глубины поучается в ней. Когда ты произнесешь молитву таким образом раз десять или больше, доколе не согреется внутри тебя то место, где проходит молитва, тогда проговаривай ее в себе громче и с большим понуждением сердца, подобно тому как цикада заканчивает свой стрекот сильным и мелодичным звуком.

Эта молитва, которая чаще называется умной молитвой, именуется еще и сердечной молитвой, и трезвенной молитвой. Когда ты произносишь молитву умно и тайно поучаешься в ней внутри себя, тогда она называется умной. Когда ты произносишь молитву сердцем, из глубины его, с сильным голосом, с внутренним понуждением себя, тогда эта молитва называется сердечной. А трезвенной она называется тогда, когда благодаря этой молитве или безмерной благодати Божией благодать Святого Духа нисходит на твою душу и касается сердца или показывает тебе некое созерцание, рассматривая которое, отрезвляется взор твоего ума.

Потому когда ты трудишься в умной молитве и занимаешься ею благочестиво и как полагается и благодаря этому на душу твою нисходит благодать Святого Духа, тогда имя Христово, в котором ты поучаешься умно, кажется столь утешительным и сладким для твоего ума и твоей души, что поучением в этом имени ты не в силах насытиться.

Когда ты совершаешь сердечную молитву (то есть когда сердце желает достичь ее), и благодать Божия коснется сердца, и сердце от благодати Божией зачнет умиление, как Божия Матерь зачала Слово Божие от Духа Святого, тогда имя Иисуса и Бога, а также все Священное Писание представляется твоему сердцу неизреченной сладостью, и любая

¹³¹ Ср.: Ин. 16, 7; 20, 17; 14, 16.

¹³² Пс. 50, 14.

¹³³ Пс. 50, 21.

духовная мысль становится для сердца сладоточной рекой божественного умиления, которая услаждает сердце и чудесным образом согревает его к эросу и любви Творца его и Бога.

Иногда во время такой сердечной молитвы с болью скорбного сердца и печалью смиренной души явным образом душа твоя чувствует в себе утешение и посещение Господне. Это то самое, о чем говорит Пророк: *Близ Господь сокрушенных сердцем*¹³⁴. Потому что когда ты сокрушаешь свое сердце молитвой, Господь приближается к тебе незримо, дабы показать тебе нечто таинственное – некое видение, соделать тебя более горячим в духовном делании сердца.

И вот, возлюбленный, когда по благодати Христовой душа твоя узрит видение и от молитвы придет в умиление, тогда ты постигнешь, что трезвенная молитва – это не что иное, как сама божественная благодать, то есть умное созерцание, божественное видение, которое рассматривает твоя мысль, на которое неуклонно взирает твой ум и в котором приходит в трезвение твоя душа. И то, что благодать Святого Духа низошла на твою душу, превыше всякого чувства коснулась твоего сердца и неизреченно усладила твою мысль, ты знаешь и постигаешь наедине с самим собой. Потому что, как из некоего неиссякаемого источника, из твоего сердца истекает умиление вместе с неизреченной сладостью ума и великим утешением души, благодаря чему душа твоя получает в тот час некое духовное дерзновение и втайне молится своему Создателю, Творцу и Богу: *Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем*¹³⁵ – или какими-либо другими словами Священного Писания.

Это же святое и чистое моление, совершаемое таким образом в душе, настолько сильно, что, проходя небеса, достигает Престола Святой Троицы, пред которым предстает подобно мироточной и благоуханной жертве. Об этой молитве говорил и Пророк: *Да исправится молитва моя яко кадило пред Тобою*¹³⁶. Это святое моление получает от Святой Троицы неизреченным и чудесным образом плод Святого Духа, приняв который благочестиво и скромно, приносит его душе как некий бесценный и небесный дар, посылаемый ей свыше от Бога всех для усыновления и обручения будущему Царству. Когда душа получает от молитвы, именно от чистой молитвы, этот небесный и божественный дар Святого Духа, тогда приобретает в себе божественную любовь, духовную радость, сердечный мир, великое терпение в скорбях и искушениях века сего, благость во всем и доброту, непоколебимую веру, кротость Христову и воздержание, убивающие страсти. Все это называется *плодом Святого Духа*¹³⁷. Богу же нашему слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово одиннадцатое

О том, как нечистое и гордое сердце, которое является прибежищем сатаны и лукавых помыслов, после сокрушенной молитвы становится чистым, смиренным, обиталищем Святого Духа и источником благих помыслов.

Благослови, отче

Если ты, возлюбленный, желаешь получить и укоренить в своем сердце умную молитву, постись непрерывно. Чуждайся жирных и приятных брашен. Стань трезвенным и благоразумным как змея, презирая всякое стремление этого века. По слову Господню, прощай от сердца искушающих тебя. Смотри, чтобы не стать тебе причиной соблазна для других людей. Никогда не желай говорить о себе хорошее и похвальное слово, но всегда

¹³⁴ Пс. 33, 19.

¹³⁵ Ср.: Лк. 23, 42.

¹³⁶ Пс. 140, 2.

¹³⁷ Гал. 5, 22, 23.

укоряй себя и бичуй, называя себя порочным, блудником, нечистым и проклятым, как сказано: *Прокляти уклоняющиеся от заповедей Твоих*¹³⁸. Когда ты поставишь себя на такое место и почтешь себя рабом и презираемым обитателем земли, тогда поставь пред своими глазами и саму смерть, как будто ты совершенно точно умрешь в этот час, и таким образом начинай понуждать свое сердце именем Христовым, говоря громко и напряженно: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». И не слушай совершенно того, что лукавый тайно говорит в тот час, когда ты решаешь сокрушить свое сердце молитвой. Потому что нечистый, будучи изобретательным и опытным в лукавстве, знает о плоде, который принесет твоя душа, если ты таким образом приобретешь всегдашнюю умную молитву, и в тот час хромой злоизобретатель подвигает своей хромой ногой всякий камень, согласно поговорке, и лукавый левша с кривой рукой, на которой ядовитые когти, похожие на шипы, приносит тебе воду из тысячи канав. Это он делает своей скверной, проклятой, кривой, лукавой и исполненной ядовитых когтей, похожих на шипы, рукой¹³⁹, полагая пред тобой бесчисленные поводы ко греху, бесчисленные утрашения, бесчисленные помыслы, чтобы воспрепятствовать в тот час понуждению сердечной молитвы.

Но ты, возлюбленный, если любишь Христа больше золота и свою душу более своего тела, не слушай его совершенно, но с понуждением твори молитву, доколе не вселится в твоем сердце Господь наш Иисус Христос. Потому что когда Христос вселится в твоем сердце, тогда Он Сам может исцелить всякую болезнь и всякую немощь твоей души и тела. *Я, говорит Он, приду и исцелю его*¹⁴⁰. Ибо когда ты с понуждением произносишь молитву, тогда взываешь и призываешь Христа – наилучшего Врача, чтобы Он пришел и Сам исцелил неизлечимые страсти твоей души. А неизлечимыми они называются потому, что никто другой, кроме Христа, не может исцелить их.

Но откуда тебе становится понятным, что приходит невидимо в твое сердце Христос и изгоняет из него демонов, то есть освобождает сердце от страстей, как Он изгнал их и из сердца Марии Магдалины? Это становится явным из следующего.

Как только твое сердце таинственным образом увидит своего Спасителя Иисуса, идущего к нему, тотчас пропадают и исчезают все злые и лукавые помыслы, а наипаче же проклятое возношение. Тогда от присутствия кроткого Иисуса оно убегает и исчезает так, как при восходе солнца от появления зари тает ночная тьма. И когда из сердца твоего исчезнут эти злые и немилосердные тираны, тогда будет царствовать в нем тихий и кроткий Царь – Господь наш Иисус Христос, Который станет для него истинным Учителем и Руководителем. Также и твое сердце становится истинным последователем и учеником Учителя Иисуса. Потому что оно учится у Него быть тихим, умеренным, благоразумным, пребывать в умилении, быть сострадательным, кротким и смиренным, как сказано: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим*¹⁴¹.

Иным способом человек не может прийти в душевный покой и мир, если не будет заковано сердце его спокойным и мирным именем Господа нашего Иисуса Христа.

Потому послушай, возлюбленный, как сказано в ином месте: *Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе*¹⁴². То есть у каждого человека сердце подобно сокровищнице. И если его сердце чисто, разумно, нелукаво, добро и свято, то и уста его произносят добрые и святые слова, как сказано: *От избытка сердца говорят*

¹³⁸ Пс. 118, 21.

¹³⁹ Здесь автор использует два огромных слова, изобретенных им самим для описания скверного сатаны. Мы эти слова перевели на русский язык следующими выражениями: «лукавый левша с кривой рукой, на которой ядовитые когти, похожие на шипы» и «скверная, проклятая, кривая, лукавая и исполненная ядовитых когтей, похожих на шипы, рука».

¹⁴⁰ Мф. 8, 7.

¹⁴¹ Мф. 11, 29.

¹⁴² Лк. 6, 45.

уста¹⁴³. Если же сердце человека растленное и злое, то и уста его произносят растленные и злые слова. Ибо сказано: *От избытка сердца говорят уста*.

Стало быть, тот, кто желает говорить и произносить духовные и небесные слова, сначала пусть наполнит свое сердце духовными и небесными помышлениями, и потом износит из него, как из некоей сокровищницы, духовные и небесные слова. Если же сердце его исполнено лукавства, пусть сначала извержет из него лукавство, как сказано: «Отымите лукавство от сердец ваших»¹⁴⁴. После этого пусть как некий драгоценный бисер соберет в нем доброе сокровище, поступая так, как поступает тот человек, у которого поле полно сорных деревьев и колючек. Он сначала корчует неплодные деревья и колючки, а потом засаживает поле плодовыми и культурными растениями.

Так пусть поступает и тот, кто желает собрать в своем окамененном сердце доброе сокровище и насадить в нем культурное и плодоносное растение. Что же это за доброе сокровище и что это за культурное и плодоносное растение, которое приносит плод в свое время, подобно пророческому древу, насажденному *при исходящих вод*¹⁴⁵? Это не что иное, как имя Божие. Это сокровище имени Господня остается в сокровищнице, и благословенное древо умной молитвы пускает корни в сердце человека тогда, когда обретет тело умерщвленным подвигом и всегдашним постом. Когда в сердце, как в сокровищнице, будет заключено имя Христово, тогда облачается сердце в одежду Христову, облачается оно благодатью Христовой. А если сказать лучше, то сердце окрашивается именем Христовым, и благодать Христова соединяется с сердцем. Посему сердце во Христе, и Христос – в сердце. Тогда Христос поглощает сердце, а сердце, поглощенное Христом, поглощает Его Самого. Имя Христово – это чистое серебро, обожженное и очищенное многое множество раз. Таким же становится и сердце. И снова, имя Христово есть свет. Тогда светом становится и сердце.

В том сердце, где почитается и прославляется имя Христово, где поучаются в нем, невидимо обитает и Христос. А где обитает Христос, там – и Отец. А где обитают Отец с Сыном, там упокаивается и Святой Дух. Ибо Святая Троица Нераздельна и Единосущна. А оттуда, где обитает и упокаивается Святая Троица, истекают реки живой воды – духовные помышления и потоки святой премудрости. Потому мы говорим, что сердце, ставшее домом и обителью невидимого и всепремудрого Бога, рождает и изводит слово поучительное, слово спасительное, слово плодovitое, слово премудрое, слово святое, слово доброе, как сказано: *Отрыгну сердце мое слово благо, глаголю аз дела моя цареви*¹⁴⁶. Подобно и язык тогда не успевает рассказать о помышлениях, которые рождает сердце, почему и говорит: *Язык мой – трость книжника скорописца*¹⁴⁷.

И снова мы говорим, возлюбленный, что когда сердце твое полно лукавых помыслов и демонических помышлений, подобно телу, наполненному гноем, тогда необходимо поставить банки, которые вытянут, изгонят гной и очистят от вредной крови сердце, которое уязвлено умопостигаемым образом и умерщвлено жестокими и невещественными разбойниками. Банками я называю не то, что применяют врачи для излечения тела, но то, что в помышлениях сердца используют врачи души – делатели трезвенной и сердечной молитвы. Ибо если твое сердце исполнено и отягчено лукавыми помышлениями и смертельными для души мыслями, то иным способом ты не можешь доставить ему облегчение и исцелить его, кроме как приставить ко груди сердечную молитву, словно банку. Потому что как банка держится за смертельно побитое тело и забирает из него всю вредную кровь, так и сердечная молитва, если сильно возьмется за грудь, заберет из нее все блудные и лукавые помышления и очистит ее. То, о чем я говорю, возлюбленный, ты можешь испытать на деле следующим образом.

¹⁴³ Лк. 6, 45

¹⁴⁴ См.: Притч. 4, 24.

¹⁴⁵ Пс. 1, 3.

¹⁴⁶ Пс. 44, 2.

¹⁴⁷ Пс. 44, 2.

Сядь, возлюбленный, где-нибудь как на скамью или стой прямо, но немного наклонившись и приклонив голову вперед, спиной изобразив горб, и начинай говорить молитву из глубины сердца, притягивая его, то есть сердцевину своей груди, где образовалась впалость, внутрь себя, насколько это возможно для твоей молитвы, одновременно сдерживая дыхание как только можешь, притягивая молитвой сердце, пригвождая к нему все свое внимание. Если ты будешь так поступать, то снаружи твоя грудь по своей впалости станет похожа на банку. Ибо умопостигаемая банка имени Христова сильнее чувственной банки вытягивает из тебя, из твоей груди сокровенное наслаждение плотской похоти и помещает в нее другое наслаждение – наслаждение духовного пожелания.

А то, что злая человеческая похоть гнездится и имеет своим престолом грудь, чтобы оттуда, как из некоего удобного и весьма приспособленного для этого бастиона, вести с человеком войну, каждый может уяснить из того, что предстоит мне сказать. Когда человек творит эту молитву, тогда, как мы сказали, тотчас уходит и исчезает у него плотская похоть, как под теплотой солнечных лучей исчезает иней. А когда исчезнет стремление к сатанинскому наслаждению, тогда тотчас приходит духовное желание и занимает то место. Если же сатана не будет изгнан оттуда и если не будет убран оттуда его мерзкий престол, которым являются гнусные и блудные помыслы, невозможно прийти туда чистейшей благодати Божией и установить там сияющий Престол своих божественных и духовных помышлений. Ибо как возможно, чтобы царь установил свой трон, определил свой порядок и поставил свою охрану в том дворце, где засели враги царя и отступники? Разве возможно это, доколе враги не будут изгнаны и ненавидящие его не будут уничтожены?

Так и в дом, который давно не подметали и где полно паутины, который является жилищем грязных червей и ядовитых скорпионов, – как может войти и как может возлечь на этом мусоре и червях славный царь, носящий светлейшую и бесценную порфиру, если прежде дом этот не будет благоуукрашен и не сделается достойным царя? Тогда и в нечистое и оскверненное сердце как может войти и как может почить в нем светлейший и чистейший Жених Церковный, Господь наш Иисус Христос, если прежде оно не очистится очистительным именем Его Самого – Господа нашего Иисуса Христа? Ему же слава и держава во веки нескончаемых веков. Аминь.

Слово двенадцатое

О том, что божественные Ангелы исполняются благоговения пред человеком, сердце которого непрестанно занимается молитвой, и сохраняют его невредимым от всякого греха, потому что он возлюблен Богом, как и сам возлюбил Бога от всего своего сердца.

Благослови, отче

Итак, если ты, о монах, оставивший мир и вещи мира и пришедший в ангельский образ, желаешь, чтобы твоя душа сподобилась благодати и божественного утешения, усердно подвизайся, чтобы стяжать в своем сердце поучение в умной молитве, и позаботься, насколько можешь, о том, чтобы благодатное и утешительное имя Господа нашего Иисуса Христа было записано и запечатлено на твоём сердце. Потому что тогда к тебе будут относиться с любовью и благоговением святые Ангелы. Ибо они, почитая имя Христово и благоговая пред ним, благоговевуют и почитают и то место, где записано это имя Христово.

Когда ты напишешь в сердце молитву, которая является именем Христовым, Ангелы будут не только благоговеть и почитать тебя как друга этой молитвы, но и станут твоими неразлучными друзьями на протяжении всей твоей жизни. Они будут невидимо

сопровождать тебя на путях и дорогах. Ночью они будут хранить тебя *от страха ночного*, а днем – *от стрелы летящей*¹⁴⁸. Во время работы они чудесным образом будут помогать тебе и укреплять тебя. Во время беседы они будут вразумлять тебя отвечать на вопросы премудро и без запинки. Во время молитвы они, исполненные радости, будут стоять и молиться вместе с тобой, умоляя за тебя Всевышнего. В опасности они станут для тебя утешением и неожиданным спасением. Этих Ангелов ты не видишь глазами явно, но чувствами постигаешь их помощь. А иногда ты видишь их и очами, в зависимости от твоей душевной силы и чистоты твоего сердца.

Радость твоей душе, если ты обретишь таких благодатных друзей и сильных хранителей – Ангелов, которые определены Богом, чтобы хранить твою душу, доколе не представят ее как чистую и непорочную невесту Жениху Иисусу. Потому что насколько ты, возлюбленный, отверг от себя всякое плотское похотение и суетную заботу и весь предался занятию молитвой и поминанием Самого Бога, настолько и Бог помнит тебя всегда и считает тебя Своим другом, записав твое имя в неизгладимой Книге Своей божественной памяти.

Потому радуйся, возлюбленный, и веселись, как говорит Господь: *Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах*¹⁴⁹. И поскольку имя твое записано в Книге жизни пером, которым ты сам при помощи всегдашней сердечной молитвы написал в книге своего сердца Его божественное имя, то Бог впредь будет заботиться о тебе, опекая и сохраняя твою душу Своей благодатью как зеницу ока от всякого греха, *от всякой вещи, во тьме преходящая, от сряца и беса полуденного*¹⁵⁰. Потому что и ты хранишь неизгладимыми в глубине себя Его любовь и память о Нем. Об этом некто из отцов рассказал следующее.

Некий брат, придя в исступление, увидел величайшую церковь, посередине которой стоял великолепный и славный царь, облаченный во все архиерейское облачение такой красоты и блистания, что связывается любой язык, желающий поведать о благообразии того славного архиерея. Вокруг него стояли молниеобразные существа. Одни из них были похожи на диаконов, потому что держали в руках своих чудные кадила, которыми кадили этого блаженного и небесного архиерея, другие же – на священников, которые стояли вокруг него с величайшим благоговением.

Все они представляли собой чудное видение, потому что не только их образ был световиден и почтенен, но и облачения, в которые они были одеты, у некоторых из них были белы как снег и чисты как свет. Облачения были настолько тонкими, что если здесь на земле нашлись бы такие и были бы оставлены в воздухе не обремененными никакой земной тяжестью, то тотчас ветер поднял бы их в небесный эфир и они по причине своей крайней легкости и чрезвычайной тонкости уже никогда бы не опустились вниз на землю. Облачения, в которые были одеты другие, были иного вида, о котором не только земной язык поведать не в силах, но и ум сам по себе не может того постигнуть, потому что нет в мире вещи, подобной виду этих облачений.

Другие же были облачены в ризы молниевидные, которые сверкали подобно молнии. И одни из них находились по правую сторону от архиерея, а другие – по левую. Все стояли с великим благоговением и скромностью. А этот блаженный архиерей был столь славен, настолько выделялся среди других и превосходил их своей славой, светлостью и

¹⁴⁸ Пс. 90, 5.

¹⁴⁹ Лк. 10, 20.

¹⁵⁰ Ср.: Пс. 90, 6.

красотой, как превосходит солнце другие светила. Стоя же прямо и зря на восток, сей чудный и непостижимый архиерей громко и чисто, немного кратко, пел некую мелодию, очень сладкую и неизреченную. Монах же тот, видя эти непостижимые вещи, изумлялся и, слушая сладчайшую гармонию и чрезвычайно приятную мелодию, удивлялся.

От крайнего восхищения он позабыл, что пел тот небесный архиерей, и не смог удержать в памяти ни одного услышанного слова, несмотря на то что прилагал к этому все свое внимание, ибо знал в себе, что будет отлучен от сего блаженнейшего видения и что эти слова очень пригодятся ему в настоящей жизни. Наконец, слушая и забывая, он удержал в памяти всего лишь одно изречение, которое в конце громко произнес тот чудный и блаженный архиерей. Сказал же он следующее: «Насколько человек любит Бога и помнит о Нем, настолько и Бог любит того человека и помнит о нем». И брат тотчас пришел в себя и говорил, что в тот час чувствовал в своем сердце некий огонь, который опалял сердце подобно зажженной свече, как сказано: *Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писания?*¹⁵¹. Ему же слава и держава во веки. Аминь.

Слово тринадцатое

О том, что если монах-подвижник во время скорби и искушения помолится ко Христу умно с сокрушенным сердцем, то открывается ему по благодати некое созерцание, которое в скорби не только утешает его духовно и подает благие надежды на будущие блага, но и содействует его в добродетели гораздо более горячим, нежели прежде.

Благослови, отче

Послушай, о монах, притчу о том, как душа твоя находит благодать и утешение рядом с Богом. Если один отважный и мужественный человек пожелает подвергнуть себя опасности ради любви к царю и совершить ради славы царя подвиг, разве царь не почитит его своими великолепными наградами? Да! Он окажет ему почести, согласные его заслугам, и даст ему звание, соответствующее его подвигу. А если он вновь покажет царю любовь, большую прежней, и ради него будет подвергаться опасности каждый час своей жизни, и будет готов претерпеть за него любую скорбь и опасность, разве царь, видя его доброе произволение и мужественный нрав, не воздаст ему больших почестей и высших чинов? Да! Он воздаст ему большие почести, чтобы сделать его более храбрым и более стойким в любви к себе. И если снова друг царя, сподобившийся его почестей, оправдает оказанное ему доверие и покажет себя достойным прежних почестей, а также покажет царю большую любовь и более теплую готовность к опасностям и сражениям, разве царь не возведет его к большим почестям? Да! Он возведет его к большим почестям и сделает его уже не простым своим другом, но своим родным братом.

Но такой чести царь не удостоил его с первого раза и сразу, он давал ему почести, соответственные его подвигам, и возводил его от звания к званию, от славы к славе, от почести к почести, от благодати к благодати и от ступени к ступени, доколе не возвел его на высшую ступень чести и не соделал его своим соправителем и соучастником в своем царствовании. Царь же делал это с рассуждением и мудростью, чтобы друг его помнил о том, сколько опасностей испытал и перенес, доколе не достиг высшего чина, был внимательным и вел себя соответственно своему чину, сохраняя до конца и воздавая царю полагающееся почтение и повиновение. Но если бы царь возвел его к этой почести сразу, то, возможно, друг его в этой великой славе стал бы высокоумным и подумал, что такая

¹⁵¹ Лк. 24, 32.

честь досталась ему случайно, и не захотел бы вести себя так, как положено. Потому, возможно, он снова потерял бы свою славу.

Так поступает и Господь наш Иисус Христос – небесный и всепремудрый Царь. Он щедро вознаграждает божественными дарами того, кто любит Его подлинно и с радостью и веселием поднимает Его благое иго и легкое бремя¹⁵². Потому что такому человеку Он открывает различные видения и тайны согласно с чистотой его сердца. Он показывает ему Свою божественную славу – иногда более, иногда менее, согласно его подвигу и труду подвижничества. Ибо Его благой Дух покоится в боголюбце ради точного хранения им Его божественных заповедей и крайнего смиренномудрия его сердца. За что Он наделяет его Своей благодатью, как говорит Писание: *смирненным дает благодать*¹⁵³. Ибо Господь настолько возлюбил это смирение, что когда Он, бестелесный, был в мире телесным образом, невидимый и незримый по Божеству – видимым образом, то не благоволил покрыть Свою святую плоть славой Божества, которую Он явил только на мгновение в Своем страшном Преображении. Своей святой плотью Он благоволил покрыть Свое Божество. Что еще может быть свидетельством большего смирения? Бог непостижимый, невидимый, недомыслимый, необъемлемый, безначальный, вечный, премудрый, Бог, Который сотворил небеса, светила, Ангелов, Архангелов, землю, море и всех животных, пресмыкающихся, крылатых птиц и все остальное видимое и невидимое творение, Творец всея твари благоволил одеть человеческой плотью Свое Божество и послужить Своему творению, как будто Он был рабом твари! *Я пришел*, говорит Он, *не для того, чтобы Мне служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих*¹⁵⁴.

По этой причине Христос любит чрезвычайно такого человека, который подражает Его смирению и простоте. И не только любит его Христос, но и радуется и веселится о его смирении и простоте, почему и божественный Евангелист говорит: *В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам*¹⁵⁵. Потому Он являет и показывает ему различные видения и созерцания и утешает его Своей благодатью во время скорбей и искушений. И благодать Его утешает этого человека более, если человек показывает некое мужественное произволение и готовность ради любви Его подвизаться усиленным подвигом. Стремясь к подвигу, человек сильно утесняет свою плоть. Но во время утеснения и подвига тотчас настигает его благодать, и в скорби утешает его Господь Своим присутствием и явлением. А утешение это дается следующим образом.

Если царский человек и друг, сражаясь с врагами царя за царские замки, во время скорби на жестокой войне получит от царя письма утешительные, похвальные, радостные и с обещаниями, он становится более мужественным и ревностным в борьбе, надеясь на царские почести после победы. То же самое происходит и с тем, кто претерпевает скорби и утеснения ради Царства Небесного. Он становится теплейшим в подвиге и получает великое утешение, если в его скорби Господь даст ему некое видение. Потому что как только отверзет Господь умное око его души и этот подлинный раб Господень узрит то, что Небесный Отец благоволит показать Своему рабу, тотчас, говоря, внутри разыграет его сердце в неизреченном ликовании, а снаружи чудесным образом радуется его плоть явлению сего божественного откровения. Посему сказано: *Сердце мое и плоть моя возрадоваются о Боже живом*¹⁵⁶. Сердце же и плоть его радуются так, что в то время когда он видимым образом видит невидимое, ему представляется, что тело его теряет свою естественную тяжесть и становится таким легким, будто оно совершенно бесплотно. Поэтому он радуется и веселится чрезвычайно. От этой чрезвычайной радости ему кажется, что он таинственно и чудным образом ликует так, как тайно и чудно ликovala

¹⁵² См.: Мф. 11, 30.

¹⁵³ Ср.: Иак. 4, 6; 1 Пет. 5, 5.

¹⁵⁴ Ср.: Мф. 20, 28.

¹⁵⁵ Лк. 10, 21.

¹⁵⁶ Пс. 83, 3.

вселенная о странном и непостижимом Домостроительстве Христовом чрез Воплощение. Об этом говорит и Пророк: *Горы възграшася, яко овни, и холми, яко агнцы овчии*¹⁵⁷.

И с того часа, когда раб Христов увидит Христа или как священнодействующего патриарха, или как прославленного царя, или как любимого друга, с того, говорю, часа он преисполняется сильнейшей любовью к этому способу, этому средству и этой причине, благодаря которым он сподобился увидеть Господа славы. Причиной же того, что он увидел Христа, что Христос благоволил стать видимым для него, послужила молитва, которую он совершил ко Христу в Сионе, то есть в сердце, с сокрушенным духом. *Явится Бог богов в Сионе*¹⁵⁸, говорит Пророк. С того же часа, когда явится Христос и сердце увидит Его таинственным образом, запыхает оно любовью Божией, и умиление приходит само собой, и зритель божественных откровений проливает теплейшие слезы, будучи не в силах удержаться от них в тот час, подобно воску, который не может не таять, когда приближается к огню. После явления божественного созерцания сердце смягчается и целиком склоняется к исполнению заповедей Божиих. Потому какую бы добродетель сотворить он ни пожелал, по благодати Божией с легкостью доводит ее до совершенства, потому что Христос укрепляет его в добре, о чем и говорит блаженный Павел: *Все могу в укрепляющем меня Христе*¹⁵⁹. И еще: *Уже не я живу, но живет во мне Христос*¹⁶⁰.

Послушай же о том, какую теплоту и силу вызывает созерцание в том человеке, которому оно дано. Пускай этот человек будет царем, который будет владычествовать всей вселенной, и будет совершенно погружен в телесные наслаждения, подобно Сарданапалу. Пусть он, подобно Александру Великому, будет поработен человеческой славой. Такой царь, если увидит славу Божию хотя бы частично, тотчас, говорю я, без промедления оставит свое царство, мирскую славу, телесные наслаждения и утехы и, одевшись в тряпье и рубище, станет скитаться, по божественному Павлу, *по горам, по пещерам и ущельям земли*¹⁶¹, питаюсь дикими травами, дабы в будущей жизни вкусить те небесные и вечные блага, которые частично и в небольшом количестве видел в этом мире. Так и должно с ним произойти, потому что созерцание обладает свойством не только способствовать бегству и удалению от мирских вещей, от телесных усад и наслаждений того человека, которому дано это созерцание, но и другим качеством. Когда этот человек начнет уклоняться к небрежению и холодности, оно согревает его и восстанавливает снова к божественному деланию.

Один человек, например, отрекается от сатаны и со всей ревностью избегает мира и мирского. Став монахом, поначалу он работает Христу с большим жаром и сердечной

¹⁵⁷ Пс. 113, 4.

¹⁵⁸ Пс. 83, 8.

¹⁵⁹ Флп. 4, 13.

¹⁶⁰ Гал. 2, 20.

¹⁶¹ Ср.: Евр. 11, 38.

теплотой. Но когда придут к нему невзгоды, искушения и скорби лукавого, если его сердце будет малодушествовать и страшиться, тогда его сердечная теплота потонет в водах отчаяния. То же произошло с апостолом Петром. Увидев идущего по морской воде Христа, Петр изъявил готовность пойти к Нему, и прыгнул в море, и пошел по воде как по суше. Но когда он увидел ветер и волны, возносящиеся до неба и обрушивающиеся в бездну, по маловерию тотчас устрасился, потому что забыл о слове Христа, Который сказал: «Иди». Предавшись маловерию, он начал тонуть в море. Но как только он возопил: «Господи, спаси меня», – тотчас Христос простер к нему Свою святую десницу и спас его¹⁶².

То же происходит и со всяким человеком, который посредством божественного делания шествует ко Христу.

Если во время утеснения от искушений и скорбей, которые совершенно неизбежно настигнут человека, дабы явлено было его терпение, он предастся маловерию, забывая слова и утешение Божие, и начнет утопать его первая теплота и первый жар подвига, но воззовет он ко Христу, подобно Петру, то Его благодать тотчас настигнет и необычным образом укрепит его своей помощью – созерцанием или видением, благодаря которым возобновятся его ревность и душевная теплота. Потому и сказано: *Обновится яко орля юность твоя*¹⁶³. Об орле говорят, что когда он состарится, тогда как от старости, так и от того, что его оставляют силы, крылья у него опускаются. Но чудесным образом по Божию повелению у него вырастают новые крылья. То же самое происходит с тем человеком, который истязует себя подвигом и которого опутывают искушения и духовные нападения князя века сего. Но если, говорю, он примет некое видение и если в его великой скорби его посетит Господь, тогда он не только не вспоминает о нескончаемых трудах и искушениях, но и к прежним прилагает новые подвиги, как говорит и блаженный Павел: *Забывая заднее и простираясь вперед*¹⁶⁴, потому что искушения, скорби и злострадания, когда кто-либо терпит их мужественно и с благодарением, становятся причиной божественного посещения. А божественное посещение соделывает подвижника более ревностным в последующей борьбе и искушениях. Некто же из отцов об этой скорби и искушениях сказал следующее.

«Некий брат был искушаем и терпел скорби от одного человека, но ради Господа молчал и переносил искушение с радостью. Но как человек, носящий плоть, со временем он начал искушаться помыслом и печалью. Поэтому, удалившись в сокровенное место, он молился Богу из глубины сердца со скорбью и горестью, орошая слезами землю и прося Господа дать ему терпение и незлобие. И Господь утешил его и соделал более ревностным и более терпеливым следующим образом. Когда он молился с сердечной болью, его охватил сон. Ему показалось, что он очутился на равнине, которая была так просторна, что по своей ширине была почти похожа на небо. На равнине было столько людей, сколько звезд на небе и песка в море. В подтверждение же истинности слова послушай возлюбленного Богослова и Евангелиста, который в своем Апокалипсисе говорит: *И вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло пред Престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих*¹⁶⁵.

Итак, все эти бесчисленные люди, одетые в белые сияющие одежды, были на той прекраснейшей равнине и все вместе громко с некоей чудной сладостью пели: *Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Аллилуиа*¹⁶⁶. Брат, изумляясь бесчисленным количеством тех почтенных людей и чудной мелодией, спросил одного из них о том, кто они такие, какую добродетель соделали они, носящие столь блистающие белые одежды, и

¹⁶² См.: Мф. 14, 25–33.

¹⁶³ Пс. 102, 5.

¹⁶⁴ Флп. 3, 13.

¹⁶⁵ Откр. 7, 9.

¹⁶⁶ Гал. 3, 27.

почему они поют эти стихи. Тот же, отвечая брату, сказал: «Мы, которых ты видишь и при виде которых изумляешься, когда были в преходящей жизни суетного мира, ради любви Христовой перешли реку искушений и скорбей. Потому так светлы и белы наши одежды. Или ты не слышишь, как Наперсник и Богослов говорит о нас следующим образом: *Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили их Кровию Агнца*¹⁶⁷? Та великая скорбь, которую мы претерпевали в мире, теперь стала для нас великой радостью, и, возвещая о том, что мы ради Христа претерпели скорбь и искушение, мы поем теперь: *Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Аллилуиа*. Потому что христианин, живя в мире, облекается во Христа благодаря скорби мира, а не его радости. Ведь Христос сказал: *В мире будете иметь скорбь, а мир возрадуется, но печаль ваша в радость будет*¹⁶⁸. Христианин, имеющий дерзновение и надежду на Христа, пусть дерзает и пусть надеется на Христа, когда пребывает в скорби и страдает за Него, когда его будут презирать и поносить за Него, когда за Него его возненавидят и изгонят, потому что Христос говорит: *Блаженны вы, когда будут поносить вас люди, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня*¹⁶⁹. Потому если христианин не претерпит таких скорбей за Христа, то не облекается в Него и не входит в Его радость». Когда он сказал это брату, брат пришел в себя и впоследствии стал более ревностным, чем прежде, в терпении любой скорби, борьбы и искушения ради имени Христова, дабы после этой жизни Христос сопричел его к тем облаченным в сияющие белые одежды людям, которые стоят у Престола Христа и всегда радостно славословят Его».

Посему подумай и помысли теперь, возлюбленный, сколь велика радость тех христиан, которые терпят скорби и проводят свою жизнь в подвиге и злострадании. Ибо эти стихи, которые они будут петь там, являют безмерную радость, которая будет тогда у них, как и теперь. Слова: *Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Аллилуиа* – поют не всегда, но только во время господских и исполненных радости праздников Христовых. И можно обобщить: те, кто ради Христа проводят здесь жизнь в большой скорби и великих искушениях, будут там со Христом и будут зреть Христа лицом к лицу, беседуя с Ним сладко-сладко, подобно тому как любящий отца сын беседует с любящим сына отцом.

Итак, Христос станет для них всяким утешением и всякой радостью. Потому что там они уже не будут алкать, как алкали здесь ради заповеди Христа, которая гласит: *Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь*¹⁷⁰. И насытятся они не едой и питьем, но славою Христовою, как говорит и божественный пророк Давид: *Насыщуся, вегда явити ми ся славе Твоей*¹⁷¹. И жаждать там они уже не будут, как добровольно жаждали здесь, дабы причинить скорбь телу. И они уже не будут опаляться пламенем скорбей и искушений, как опалились скорбями и искушениями здесь, подобно золоту в горниле, и таким образом являли истинную любовь ко Христу, любовь, сияющую сильнее, чем раскаленное и семикратно очищенное серебро. Потому что Христос, Добрый Пастырь овец, там, в Своем Царстве, будет пасти их и приведет на райские и всегда цветущие и благоуханнейшие луга, откуда истекают потоки сладости и прохладные источники приятнейших вод бессмертной жизни. Ибо снова говорит возлюбленный Иоанн в своем Апокалипсисе: *Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди Престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их*¹⁷². Дал бы и нам Бог когда-либо в этой жизни великую скорбь и обильные слезы в очах наших, чтобы там, в Его

¹⁶⁷ Откр. 7, 14.

¹⁶⁸ Ср.: Ин. 16, 33, 20.

¹⁶⁹ Ср.: Мф. 5, 11.

¹⁷⁰ Лк. 6, 21.

¹⁷¹ Пс. 16, 15.

¹⁷² Откр. 7, 16–17.

Царстве, с очей наших была отерта всякая слеза и сердце наше радовалось истинной и вечной радостью. Этой радости да сподобимся в Самом Христе и Боге нашем. Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово четырнадцатое

О том, как мысль, очистившаяся благодаря присно совершаемой в сердце умной молитве, которая является матерью слез, постигает источник различных помыслов, входящих в душу: какие от Бога, а какие – от демонов. Также о скорби.

Благослови, отче

Как только снизойдет в душу благодать Божия и воссядет в этой душе, в ту самую минуту и в тот самый момент чистая и трезвенная мысль чувствует и ощущает, что пришла в душу и вселилась в ней благодать Божия. Престол же мысли находится посередине лба, в самом высоком месте человеческого тела, как в специальной и высокой дозорной башне, откуда видно все и повсюду. И как только она почувствует, что что-то приближается к душе, тотчас извещает об этом ум человека, чтобы тут же прибежал и он, и они вместе строго исследовали и посмотрели, от Бога ли то, что вошло в город, то есть в душу, или от демонов.

Это совместное действие и совместное размышление ума и мысли называется рассуждением. И это рассуждение истинно, потому что ум вместе с мыслью судит и исследует точным и высоким помыслом различные действия, которые на чувства души и тела оказывает все то, что вошло в душу, пройдя чрез пост мысли и ума. Это суждение, совершаемое мыслью и умом, правильное и доброе. Ибо сказано: *Двое лучше одного*¹⁷³. Потому добрым и полезным помыслам они открывают вход и разрешают войти в душу свободно и беспрепятственно. А лукавые и обманчивые помыслы они отвергают и ненавидят.

Когда мысль здорова, то есть когда она чиста и очищена воздержанием от приятных еды и питья, воздержанием от излишнего сна и пищи непрестанно происходящей в сердце молитвой и вниманием, всегдашним пролитием многих слез, богопросвещенным воздержанием и молчанием, чистотой души и тела, всесветлым смирением и смиренномудрием, великим терпением, которое показывается в различных искушениях, короче говоря, когда она просвещена частым принятием Пречистых Таин Господних, тогда она очень быстро чувствует то, что проходит чрез нее или иным путем входит в душу (*ибо вор, сказано, не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде*¹⁷⁴). И мысль постигает, от Бога ли то или от демона. И если это от Бога, то тотчас извещает приготовившееся сердце, чтобы оно приняло это с удовольствием и как полагается. Если же от демона, то уведомляет и убеждает сердце не открывать входную дверь, то есть не принимать этого. Постигает же мысль и то, откуда приходят обе вещи. Потому что демоническое, проходя, производит смуту, нарушает безмолвие души и чувств тела, подобно волку, который, входя в ограду и на пастбище овец, нарушает их спокойствие. Потому сказано: *Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить*¹⁷⁵.

А благодать Божия, то есть утешение Святого Духа, когда сходит на человека свыше, от Отца светов, сначала проходит через караул мысли и оттуда, кратко поприветствовав ее, сразу быстрее молнии проходит в сердце. Когда сверкает молния, ее блистание видно среди темных и мрачных туч. Она сверкает очень быстро и непостижимо и кажется тебе неким огненовидным элементом. То же происходит и с благодатью Божией. Когда она является мысли и приветствует ее, мысль чувствует ее явление и приветствие весьма

¹⁷³ Еккл. 4, 9.

¹⁷⁴ Ср.: Ин. 10, 1.

¹⁷⁵ Ин. 10, 10.

таинственным образом. И снова, когда она двигается и проходит к сердцу, мысль тотчас чувствует то, с какой необъяснимой скоростью сила и действие божественной благодати проходит через владычественное человека до самого сердца. Когда благодать Божия достигнет чистого сердца, оно чувствует ее приход и остановку, потому что в самом сердце произошло то же самое действие, которое произвела благодать и на мысль. И когда благодать Божия снизойдет, приблизится к сердцу и коснется его, тогда тотчас тает его жестокость, как тает воск от огня, и тогда в сердце рождается радостотворная слеза, которая называется радостотворной печалью¹⁷⁶.

Печаль эта утешает сердце, радует душу, возносит ум к Богу, услаждает мысль, чудесным образом озаряет лицо, изгоняет лень, отсекает страсти телесные, умерщвляет страсти душевные, рождает страх Божий и, подобно крепостным стенам, препятствует всякому злу и греху. Ибо доколе живет в сердце человека эта державная печаль, демоны не дерзают откровенно говорить с сердцем, потому что их злоба пожигается ею, как хворост огнем. И как нельзя зажечь мокрый трут, сколько бы человек ни старался, так и демоны не могут опутать сердце греховной сетью, приготовленной ими, потому что к сердцу, исполненному такой печали, ни подойти, ни приблизиться демоны не могут. А если все же приблизятся, движимые своей великой злобой и наглостью или завистью, то ничего не добиваются.

Если эта печаль не покидает сердца человека, то сердце всегда плачет, и человек, обладающий этим сердцем, проливает слезы, которых не вместит его крещальная купель¹⁷⁷. Имеющий это пусть будет внимателен, чтобы не утратить. Потому что это теряется, лучше же сказать, уходит само, когда не бодрствует мысль и не молится сердце. Поэтому и говорит Господь: *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение*¹⁷⁸.

Поистине, душа впадает в великое искушение, когда отсутствует печаль. Потому что тогда человек, сильно искушаемый и обуреваемый отовсюду демоном-ненавистником добра, легко побеждается и получает смертельные раны. Печаль уходит, но как это происходит, никто не знает. Как никто не знает и о том, как проходят дни его жизни. Потерявший печаль знает и понимает только то, что она ушла сама собой. Так и каждый человек знает о том, что прошли его дни, но того, как это случилось, не постигает.

Если печаль уйдет, то пусть человек снова просит ее у Бога. Потому что когда отсутствует печаль, человек лишается неких великих и небесных даров, а душа его становится нищей, подобно нищей вдове. Величину своих прежних утрат при отсутствии печали человек узнаёт и понимает тогда, когда она приходит вновь. Когда же человек пожелает попросить у Бога печаль, которой лишился по причине своей невнимательности, то пусть просит ее посредством истинного смиренномудрия и скромности. Пусть покажет Богу мрачность своего лица, скорбь ума и сердца. Пусть покажет Ему всю скорбь своей души, от которой страдает сердце. И пусть пролиет пред Ним свое моление, оплакивая свою беду. Об этом говорит и пророк Давид: *Пролию пред Ним моление мое, печаль мою пред Ним возведу*¹⁷⁹.

Пусть вновь получит человек благодать Божию, обвиняя и осуждая самого себя в том, что она покинула его. Пусть в уме своем пообещает Богу впредь быть внимательным и пусть покажет Ему истинное покаяние. И как в то время, когда печаль присутствует в сердце, утешается не только сердце и душа, но и все душевные и сердечные силы, и даже само тело, так и при отсутствии печали пусть все вместе они припадут к Богу и попросят у Него о печали. Каждый из них пусть выполняет свой долг. Тело пусть злостраждет от труда видимого. Сердце пусть будет сокрушаемо воздыханиями и молитвенным понуждением. Душа пусть оденется в печаль, как невеста одевается в черное, когда

¹⁷⁶ См.: Лествица. Слово 7, о радостотворном плаче.

¹⁷⁷ См.: Лествица. Слово 7, о радостотворном плаче.

¹⁷⁸ Мф. 26, 41; Мк. 14, 38; Лк. 21, 36.

¹⁷⁹ Пс. 141, 3.

становится вдовой¹⁸⁰. А ум и мысль пусть сопровождают душу до самого Престола Божества. Тогда пусть душа, подобно скромной и печальной деве, с плачем и крайним благоговением сразу припадет к ногам Господа нашего Иисуса Христа – чистого и нетленного Жениха. Пусть она сладко их лобызает, пусть с крайней застенчивостью возьмется за Его пренепорочную и неизреченно прекрасную ризу. И тогда, кротко взирая на Его сладчайший и неизреченный божественный лик, пусть просит Его по-рабски с теплым молением, пусть говорит с великим страхом и трепетом, смешанным и растворенным любовью. Пусть говорит следующее.

Молитва

Помяни, Господи, что Ты ради человека стал совершенным Человеком, и по Своему человеколюбию спаси меня. Не презри, Владыко, ради имени Твоего святого моей сиротской молитвы, но даруй мне Свое утешение. Ради Престола Твоего Божества, Творче мой, не гневайся на меня распутную. Ради славы Твоей неизреченной, Боже мой, сладчайший, пошли и мне милости Твои богатые. Пролей, Милостиве, из святого жилища Твоего благодать Свою богато и на меня, ибо великую скорбь испытываю я, раба Твоя, когда лишаясь Твоей благодати. Не гневайся на меня, Святой, за то, что я произношу пред Тобою так много слов. Ибо Ты, Господи, очень хорошо знаешь, что я говорю это от великой горечи, которую получила по жестокости своего сердца.

Ослаби, остави, Милосерде, все согрешения мои, все, чем я согрешила от юности и опечалила Дух Твой Святой и Тебя – сладчайшего Владыку и Бога моего. Отврати, Непамятозлобный, лице Твое от грехов моих и все мои беззакония очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже мой, и Дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи меня, Христе мой, от лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отыми от меня¹⁸¹. Ибо, Господи мой, Господи, когда Ты утетишь меня Духом Твоим Святым и я от благодати Твоей вкушу сладости, тогда поработаю Тебе со всей ревностью и силой.

Ей, Царю Небесный, сладчайший Иисусе мой, Господи славы, прославленный в совете святых! Снова и снова прошу Тебя я, несчастная! Услышь меня, смиренную и окаянную рабу Твою, и дай мне снова благодать Свою и радование спасения Твоего, чего лишил Ты меня за бесчисленные мои грехи. Укрепи меня, Владыко, молюся, благодатью Пресвятого Твоего Духа, дабы не подступал более к Твоей смиренной рабе тот, который многообразно всегда искушает меня и сражается со мной, рыкая на меня как свирепый лев и хвалясь безмерно. Потому что на Тебя, Человеколюбче, как на прибежище мое, возлагаю всю жизнь мою и надежду спасения моего. Ибо Тебя хвалят все Силы небесные, и Тебе славу воссылаем во веки веков. Аминь.

Когда человек скажет это Богу в безмолвии, то есть своим духом, приклонив вниз лицо и сердца и тела, с мыслью, погруженной в бездну смиренномудрия, и увидит, что смягчилось его сердце, да ведает, что близ есть его спасение. Потому что приблизился к нему Господь, чтобы Своим невидимым явлением разрушить и уничтожить всякую жестокость и всякую враждебность, которые являлись препятствиями душе к живому созерцанию Бога и тем лишали её печали. Но если жестокость еще остается в сердце, сердце не плачет, душа не скорбит о своем Женихе, и мысль остается окамененной и не может созерцать незримого своего Творца, пусть не отчаивается и не прекращает своего доброго подвига, но еще больше укоряет себя на каждый час. И тогда в скором времени он увидит утешение Божие в своем сокрушенном сердце, по реченному: *Близ Господь сокрушенных сердцем*¹⁸². Потому, когда приблизится к нему Господь, он снова увидит

¹⁸⁰ Здесь, видимо, имеется в виду тот древний обычай, по которому невеста с женихом обручались задолго до венчания. Потому после смерти жениха невеста считалась вдовой.

¹⁸¹ См.: Пс. 50, 11–13.

¹⁸² Пс. 33, 19.

действующую в себе благодать Божию. Также он увидит, как легко проливаются слезы, увидит, что сердце его спокойно, увидит, что помысл его умиротворен, а душа обновлена и стала такой, какой она была при сотворении. *Обновится, сказано, яко орля юность твоя*¹⁸³. От этих духовных знамений человек узнает, что Бог принял покаяние его сокрушенного сердца, как воню благоухания. И потому впредь пусть творит заповеди Господни, радуясь вместе и смиренномудрствуя. Богу же нашему слава и великолепие всегда. Аминь.

Слово пятнадцатое

О том, как посредством умной молитвы с умилением испытывать всякое видение и всякий помысл, которые, как кажется, от Бога: действительно ли они от Бога или от демонов.

Благослови, отче

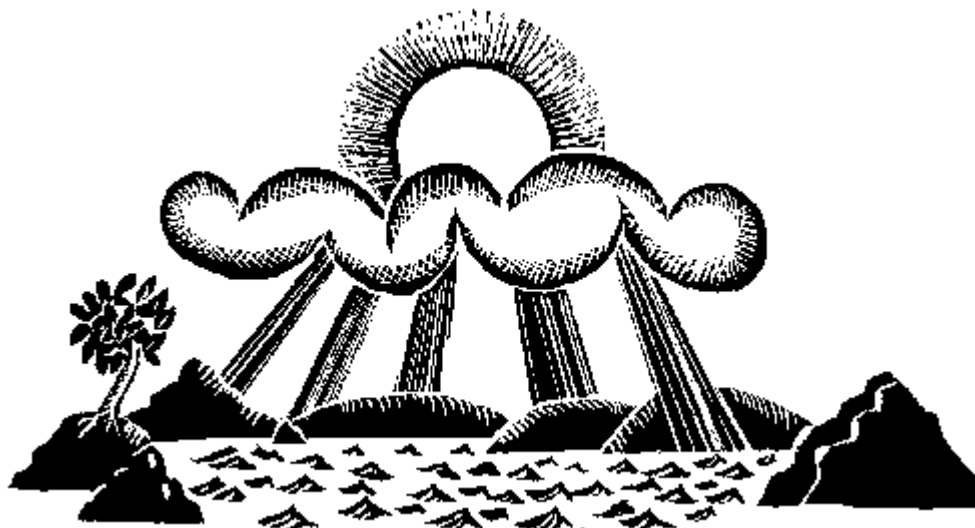
Один человек, возлюбленный, дает тебе золотую или серебряную монету, на которой изображен царь и его надписание, и по внешнему виду она кажется подобной другим царским золотым монетам. Но ты не знаешь, из натурального ли золота эта монета внутри или нет. Но если ты испытаешь эту монету тем способом, каким испытывают золотые монеты, тогда поймешь, натуральная ли она изнутри, как представляется снаружи, или нет. Так ты узнаешь, поддельная ли монета или настоящая. Если ты не можешь испытать монету, потому что не обладаешь таким опытом, то показываешь ее другому человеку, о котором знаешь, что он опытен в этом и специалист, чтобы он исследовал ее и потом сказал тебе, поддельная эта монета или настоящая. Но если ты показываешь ее человеку неопытному, который, как и ты, не разбирается в этом, то помысл твой не будет иметь мира. Но если ты все же поверишь ему, поверишь в то, что он ошибочно скажет тебе про монету, что она настоящая, а она не будет таковой, и поддельную монету оставишь у себя, то по его вине еще потерпишь и вред вместо пользы.

Так пусть будет и у тебя, смиренный, очень скрупулезное духовное испытание видений (о котором ты услышишь впоследствии), которые иногда видит твоя душа и которые кажутся от Бога, но ты не ведаешь, поистине ли они от Бога или от демонов. По этой причине помысл твой ввергается в великую брань и сильное сомнение, и ты сомневаешься и думаешь, что видение это может быть от демонов. Потому что у малых демонов в обычае, увидев тщеславного человека, показывать ему видения, якобы от Бога, чтобы легко увлечь его, ввергнуть в страшнейший лабиринт неисцельной прелести и своей разнообразнейшей злобы. Это произойдет с ним, если он примет эти видения, которые ему показывают, как видения от Бога, не подвергая их строгому исследованию и веря вседушно и без рассуждения, что они даны Богом за его преуспеяние.

Но ты, возлюбленный мой, когда видишь подобное видение, не позволяй ему тут же и без всяких подозрений войти в твою душу и не принимай его в сердце с удовольствием и беззаботно, вседушно веря в то, что оно от Бога. Не принимай, доколе не подвергнешь его безошибочной и чистой проверке посредством умной молитвы с умилением или пока не представишь его некоему духоносному отцу, живущему в богоугодном делании, о котором ты знаешь, что он опытен в этом и может разрешить твое недоумение и освободить тебя от сомнений с помощью того опыта, который он приобрел и узнал благодаря своему деланию. Если ты не принимаешь сразу явившегося тебе видения, пока не испытаешь его в точности, знай, что если даже оно от Бога, то ты не совершаешь никакого греха, потому что боишься, как бы оно не было диавольским покусением или прелестью. Об этом говорит и блаженный Апостол: *Возлюбленные! не всякому духу*

¹⁸³ Пс. 102, 5.

*верьте, но испытывайте духов*¹⁸⁴. Потому что часто видения, которые представляются приходящими от Бога, бывают от демонов. Так и некоторые люди снаружи кажутся святыми, а внутри хуже демонов. Обличая их коварство, Спаситель говорит: *Горе вам, лицемеры*¹⁸⁵. Демоны поступают так для того, чтобы ты открыл им свободный и беспрепятственный вход в свой город, то есть в свою душу. И тогда, войдя в твою душу с этим коварством и став туда своей ногой, то есть удержав сначала за собой и пленив душевные намерения, потом с легкостью пленяют и телесные твои намерения. Потому что тогда они тотчас снимают с себя обличие овец и показывают душе свой волчий образ и свирепость, стараясь осквернить и сердце своей скверной похотью. Также они стараются ввергнуть тебя и в явно диавольские дела, которых, если бы видение было от Бога, ты никогда бы не сотворил.

Эта духовная проба, которой ты проверишь свои видения, пусть происходит следующим образом. Если в тот день, в который было тебе видение, ты находишься в духовном спокойствии и в великом покое от страстей, также и спокойный твой помысл находится в крайней тишине от супротивных волн, которые всегда пытаются поколебать его, сердце пребывает в невозмутимом состоянии, и от каждого духовного слова все умиляется в тот день самопроизвольно и легко, и приходит в особенное умиление, когда твоей мысли представляется явившееся тебе видение,— если, говорю, это происходит с тобой и ты видишь себя в таком или подобном состоянии, знай, что явившееся тебе видение от Бога, и более совершенно в том не сомневайся. Если же после видения ничего из этого само собой с тобой не происходит, чем было бы явлено, что это видение от Бога, и посему у тебя есть сомнения и подозрения, от Бога ли или от демонов это видение, тогда, возлюбленный, сделай следующую пробу.

Собери все внимание своего ума в глубине сердечной и молись оттуда, из глубины себя, умно, произнося молитву «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Ничего иного не говори и не позволяй своей мысли помышлять и исследовать или заниматься тем, что ты видел в видении. Если же мысль сама по себе уходит к явленному видению, воспрепятствуй этому и пригвозди ее к своей сердечной молитве, чтобы твоя молитва стала чистой пред Богом. И когда таким образом помолишься достаточно, с крайним благоговением пред Богом и смирением, тогда, если явившееся видение от Бога, в сердце своем ты почувствуешь некое духовное взыграние вместе с духовными слезами, и без твоей воли видение предстанет в твоей памяти. Одновременно с этим сладким, неизреченным, духовным и божественным взыгранием сердца и одновременно с этими духовными и сладкими слезами ты почувствуешь, как становится тихим, успокаивается, утихает, умиряется и упокаивается всякое твое душевное и телесное расположение.

¹⁸⁴ 1 Ин. 4, 1.

¹⁸⁵ Ср.: Мф. 23, 13 и след.; Лк. 11, 44.

Вместе с этим тихим расположением в тот день загорается великое пламя любви Господней. Воспламеняемый этой любовью, ты издаешь в тот день (когда от этой любви Господней внезапно очень сильно воспаляются твои внутренности) из глубины себя некий вопль к Богу, взывая к Нему великим гласом, подобно собакам, которые громко воют, когда теряют своего хозяина. Потому что тогда, проливая слезы, ты говоришь Богу скорбным, жалостливым и умильным голосом: «Где Ты, Боже мой, Боже мой? Почему Ты не берешь меня к Себе поближе, туда, где Ты – сладкая моя Любовь? Разве Тебе не жалко меня, Боже мой, Боже мой, ведь внутренности мои воспламенились и стали подобны пламени, горящему неугасимым желанием Твоей любви, которая возгорелась во мне, полыхая как в печи? Никогда-никогда, Боже мой, не потухнет в моем сердце это горящее пламя, пока я далеко от Тебя, пока я нахожусь в долине плача этого мира. Господи, как прохлаждает жаждущего путника одно лишь воспоминание о прохладной воде, когда ее нет у него! Господи, она не доставляет ему прохлады, а распаляет жажду еще больше. Так и теперь, Господи, душа моя, сильно возжаждавшая Тебя, не получает прохлады от воспоминания Тебя и от Твоих видений, но ею овладевает большая жажда, когда Ты, сладкий мой Иисусе, не берешь меня туда, где Ты – прохладный источник, дарующий прохладу моей жаждущей душе.

Что бывает, Господи, с сыном, находящимся на дальней чужбине, любящим отца, мать, братьев и сестер, свою родину, когда он получает письмо от своих возлюбленных родителей и сродников по плоти? Неужели, Господи, он, читая письмо, не орошает его слезами? Неужели в тот день, когда он видит в этом письме сладчайшие имена своих родителей, братьев и сестер, не горит его утроба? Неужели он, вспоминая своих сродников, не воздыхает глубоко? Неужели он не взывает из сердца с печалью, помышляя о своих друзьях и о своей родине? И если это происходит с плотским человеком, Господи, то что же тогда бывает с человеком духовным, когда Ты, Небесный Бог и Отец наш, как будто некими письмами посещаешь нашу нищую и жалкую жизнь на чужбине благодатью Своих созерцаний и видений? Потому что как только благодать этих божественных явлений некоторым неизреченным образом запечатлеется на сердце какого-либо Твоего раба, Господи, тотчас она зажигает его сердце желанием, привязанностью и эросом Твоей любви. Когда он в тот день возведет свои умные очи к Тебе, сладчайшему своему Богу и Небесному Отцу, веки служащего Тебе обжигаются теплыми слезами Твоего желания.

Но, Господи, Господи, призирая, призри свыше с небес, из святого жилища неизреченной Твоей славы, и посмотри на лицо смиренного моего сердца, как оно, уязвившись сладкой для меня стрелой духовного и божественного эроса Твоей золотой любви, от великого умиления растаяло, как воск от теплоты, с того часа, когда в нем явилось Твое божественное видение, данное ему как некое небесное письмо. Как только моя мысль развернула и прочла в душе это письмо, тотчас прилепилась к Тебе смиренная моя душа. Она возжаждала Тебя жаждой, подобной жажде, которой возжаждала душа кротчайшего Давида, священного Твоего Пророка. Ибо этот божественный Давид, Пророк Твой, Господи, душа которого так возжаждала Тебя благодаря божественным Твоим явлениям, видениям, созерцаниям и откровениям, которые Ты даровал ему по временам и в различных случаях, никогда не мог, пока жил в этом мире, утолить своей жажды по Тебе, доколе не пришел к Тебе и не стал пить прохладную и охлаждающую воду Твоего сладкого причастия и наслаждения. Посему, рыкая как лев из глубины своей души, он просил явиться лицом к лицу Тебе – живому Владыке и Богу его, ибо говорил, Господи: *Имже образом желает елень на источники водные, сие желает душа моя к Тебе, Боже. Возжада душа моя к Богу крепкому живому: когда прииду и явлюся лицу Божию?*¹⁸⁶

Испытывая то же самое, Господи, душа моя тает теперь от жажды по Тебе. И эта жажда, как я вижу, постепенно пожжет все мои внутренности и не покинет меня, доколе

¹⁸⁶ Пс. 41, 2–3.

не придет ко мне тот блаженный час отшествия моего из этого мира и пока не приду я к Тебе – моему сладчайшему Владыке и Богу.

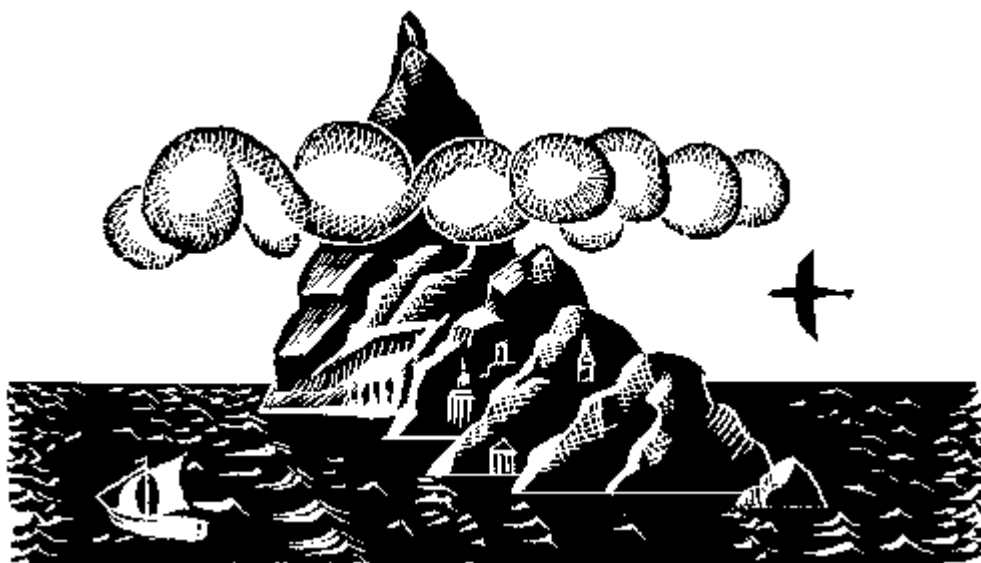
О, как желал бы я, Господи, если Ты меня любишь (в чем я убежден), чтобы произошло это со мною одним часом раньше, дабы скорее утолила в Тебе свою жажду душа моя. Аминь! Буди! Буди!».

Из этих знамений, а также из знамений подобных и сродных этим, ты понимаешь, возлюбленный, и узнаешь, от Бога ли было твое видение. Если, возлюбленный, ничего такого с тобой не произошло, несмотря на твою частую об этом молитву к Богу из глубины сердца, несмотря на то, что ты излил пред Господней благодатью все свое моление и все свое смирение, знай, что видение твое от демонов. Потому что в их видениях не содержится ничего того, о чем мы говорили выше. Когда видение твое от демонов, происходят противоположные вещи. Послушай же о том, что происходит.

Бог весь благ, весь человеколюбив, милостив, милосерд, долготерпелив, чист и весь чистая Любовь. Будучи таким, Он любит, когда ты подражаешь Его качествам. То есть Бог любит, когда ты становишься добрым, человеколюбивым, милостивым, милосердным, терпеливым, чистым в самом себе и имеешь чистую любовь к ближнему. А диавол – весь злоба и лукавство. И, будучи таковым, он хочет, чтобы ему подражали в злобе и лукавстве.

Если после явившегося тебе видения ты, возлюбленный, видишь, что душа твоя все больше радуется вышеперечисленным свойствам Бога, а сердце твое в крайней тишине твоего внутреннего человека умиляется от этих качеств Божиих, знай, что видение твое от Бога. И поскольку оно от Бога, то радуется твой дух свойствам Бога, и приходит к тебе небесное желание подражать по силе своему Небесному Богу и Отцу в Его качествах. Ибо тогда тебе нравится делать то, чему радуется и чего желает твой Небесный Бог и Отец.

Если же после явившегося тебе видения не радуется свойствам Бога твоя душа, и не умиляется от них сердце, и не приходит к тебе духовное желание подражать по силе своему Небесному Богу и Отцу в Его свойствах, знай, что видение твое от демонов. И когда, если твое видение прелестное, ты с большой точностью исследуешь глубины своего душевного и телесного расположения и взвесишь их как на весах, ты увидишь, что тайно, сокровенно, очень прикровенно твое расположение склоняется к диавольским качествам и его похотениям. И все желание демона прелести заключается в том, чтобы потихоньку привести тебя к ним незаметно для тебя самого. По пословице, человек, дающий тебе воду, поливает и солому, а ты и не замечаешь того, что солома намокает. То же самое произойдет и с тобой, смиренный, если ты не будешь чрезвычайно внимательным.

Так же, возлюбленный, тщательно проверяй при помощи умиленной молитвы всякий помысл, который приходит к тебе справа будто от Бога, но о котором ты с

достоверностью не знаешь, от Бога ли он или от диавола. Потому что даже тогда, когда помысл посещает тебя справа от Бога, чем больше ты трешь его болью твоей сердечной молитвы, тем больше он сверкает в тебе подобно жемчужине. И чем больше ты жжешь его своей продолжительнейшей и более умильной молитвой, которую ты из глубины себя совершаешь ко Христу, чтобы стереть его в себе, тем больше он от твоей молитвы просвещается и сияет в твоём сердце. То же самое происходит и с чистым золотом. Чем больше его натирает и плавит ювелир, тем больше оно сверкает. Если же этот помысл, пришедший справа, от демонов, то, как только он опалится пламенем твоей сердечной и сокрушенной молитвы, тотчас ты увидишь, как он покинет тебя совершенно. Если же он не сразу покинет тебя, то сила его уменьшится и постепенно он сам исчезнет навсегда.

Посему и преподобные отцы, когда их обуревал помысл справа, испытывали его священной молитвой, которая, если помысл сей был от Бога, укрепляла его, а если от диавола, уничтожала его тут же. Если же, наконец, помысл этот был от могущественного демона и не стирался в тот же час, то все же постепенно уничтожался в сердце священной сердечной молитвой.

Итак, когда ты, возлюбленный, непрестанно молишься в глубинах себя этой сердечной молитвой с умилением, ты не только не боишься демонов, ополчающихся на тебя со стороны греха тысячу раз, но не страшишься и когда эти демоны с коварством нападают на твою душу со стороны добродетели десять тысяч раз, желая с большей легкостью с этой стороны увлечь тебя в свои сети. Потому что тогда (когда ты непрестанно совершаешь умную молитву в сокровенности своего сердца) имя Христово находится в тебе и не допускает, чтобы коснулось твоего сердца или приблизилось к твоей душе какое-либо демонское лукавство. Посему говорит и Пророк: *Падет от страны твоя тысяща, и тьма одесную тебе, к тебе же не приблизится*¹⁸⁷. Богу же нашему слава, держава, хвала и великолепие ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово шестнадцатое

О сокрушении сердца, которое бичует демонов сильнее любого тяжчайшего наказания, быстро пожигая, как хворост, все их хитросплетения.

Благослови, отче

1. Сокруши, о монах, сердце свое молитвой, чтобы в нем сила сатаны была сокрушена совершенно.
2. При каждой сердечной молитве стенай и горько воздыхай из глубины себя, чтобы спастись от сетей и от ловушек диавольских.
3. Возопий к Богу из центра своего сердца, чтобы вопль твой достиг слуха Господа Саваофа.
4. Возопий ко Христу безгласным воплем своего сердца, дабы Он молнией Своего Божества осудил обижающих тебя демонов и поборол борющихся тебя диаволов¹⁸⁸.
5. Поскольку диавол всегда борется с тобой и искушает тебя, то и ты стенай всегда ко Христу, чтобы помощь Его пришла к тебе как можно быстрее.
6. Сокрушением сердца всегда противоборствуй с силой лживому сатане, дабы сокрушилась его лукавая глава.
7. Как человек боится взяться рукой за раскаленное и искрящееся железо, так и диавол боится сокрушения сердца. Ибо сокрушение сердца наголову сокрушает его лукавство.

¹⁸⁷ Пс. 90, 7.

¹⁸⁸ См.: Пс. 34, 1.

8. Как только сердце, находящееся в покое и не имеющее сокрушения, заметит в себе дьявольское мечтание, оно тотчас принимает его, и мысль, заложенная в этом мечтании, оставляет в нем глубокий след. В сердце же сокрушенном нет места никаким мечтаниям.
9. Где есть сокрушение сердца, оттуда бежит всякое демонское лукавство, там опалается всякое демоническое действие.
10. Сокрушение сердца смиряет возношение денницы и возвышает к небесам того, кто им обладает.
11. Потому, возлюбленный, всегдашним сокрушением сердца сокруши возношение денницы, чтобы душа твоя увенчалась от Господа Вседержителя.
12. Ибо как только сокрушится твое сердце, тотчас исчезнет в тебе злоба демонов и в душе твоей воссияет луч правды Божией.
13. Сокруши молитвой свое сердце, чтобы увидеть душу свою, облеченную в силу Вышнего, без всякого страха, подобно Ангелу Господню, бросающуюся на дьявола.
14. Сокруши молитвой свое сердце, чтобы сокрушился в твоем сердце грех.
15. От лица сокрушенного сердца убегает не только демон, слугитель сатаны. Но от лица сердца, сокрушенного молитвой, быстрее молнии убегает даже сам сатана – первый среди демонов.
16. Как человек не осмеливается войти в раскаленную печь, так и дьявол не осмеливается войти в сердце, раскаленное молитвой с понуждением.
17. Как невозможно сосчитать движения крыльев летящей пчелы, так невозможно сосчитать и помыслить стремительнейшего топота сатаны, убегającego от лица сокрушенного молитвой сердца.
18. Как страж на стене боится славного и мужественного воина, так и демон боится того, кто всегда молитвой сокрушает свое сердце.
19. Но если все же демон пожелает приблизиться, чтобы хоть обманом добиться своего, то прежде приготавливается к бегству, дабы быть в состоянии спасти хотя бы самого себя от пожигающей молнии сокрушенного молитвой сердца.
20. Ибо как только он увидит, что человек начал молитвой сокрушать свое сердце, не продолжает более своей прогулки и не рассматривает с любопытством сокрушения сердца, но тотчас разбивается в лепешку, убегая от лица человека.
21. Как оратор, когда его окружит огонь, в тот час уже не витийствует об огне, но старается спастись от пожара, так и демон, увидев сердце, распаленное молитвой, уже не смотрит на его состояние, но сам старается спастись от раскаленного сердца.
22. Заяц, когда его преследует собака, надеется спастись благодаря быстроте своих ног. Но когда его преследует гончая, несмотря на то, что и он бежит так быстро, как только может, все же становится добычей гончей. Так и демон. Когда с ним борется какая-нибудь иная добродетель, он надеется избежать бича пламенного меча¹⁸⁹. Но когда его преследует пламенный меч сокрушенной молитвы, он убежден в том, что молния этой молитвы настигнет его очень быстро и расточит при аде кости его злобы¹⁹⁰.
23. Воробьи не так боятся нападения орла, как боятся демоны нападения сокрушенного молитвой сердца.
24. Когда известняк попадает в огонь, он поглощается огнем медленнее, чем вся злоба демонов поглощается и опалается сокрушением сердца.
25. Увидел дьявол сердце, уязвленное сокрушением молитвы, – тотчас он вспомнил о язвах Христа, которые Тот претерпел ради человека, и потому затрепетал и устрасился.
26. Потому сокруши, возлюбленный, дьявола сокрушением сердца, чтобы победителем войти в радость Господа твоего.

¹⁸⁹ См.: Быт. 3, 24.

¹⁹⁰ См.: Пс. 140, 7.

27. Разбей свое сердце молитвой, чтобы прельщающий тебя сатана был разбит на бесчисленные обломки.
28. Сокруши свое сердце молитвой, чтобы покинул тебя тот, кто ждет удобного времени, дабы захватить тебя в сеть сладострастия.
29. Не бойся сокрушения своего сердца, дабы тебя боялись демоны. Иной раз демоны не боятся добродетельного человека так, как боятся его тогда, когда он сокрушает свое сердце молитвой.
30. Как змея больше всего боится кошачьих когтей, так и сатана более других добродетелей боится сокрушения сердца.
31. Для змеи ядовитыми являются кошачьи когти, а для души человека в семь раз ядовитее когти дьявола. Однако для самого дьявола сокрушение сердца в семьдесят семь раз ядовитее его собственных когтей.
32. Как только услышит сатана скорбные вздохи, исходящие из глубины сердца, тотчас обращается в бегство, потому что чувствует, что недалеко находится сокрушенное молитвой сердце, а стало быть, Сам Христос.
33. Где есть сердечное сокрушение, недалеко оттуда находится и Господь. Посему Пророк говорит: *Близ Господь сокрушенных сердцем*¹⁹¹.
34. Как только услышит волк лай собак, тотчас убегает, потому что понимает, что рядом находится пастух и сторож овец.
35. Как только услышат мыши голос кота, тотчас затихают в своих дырах и норах, прекращая свое тайное воровство.
36. Как только услышат дьявольские колонны скорбные вздохи сердца, тотчас прибирают свою злобу и затихают.
37. Как только услышат демоны чьи-либо вздохи из середины сердца, тотчас исчезают, страшась Господней мести.
38. Когда вор слышит рядом ружейные выстрелы, тогда не пытается уже красть что-либо, но стремится, убежав или спрятавшись, спасти свою душу.
39. Когда сатана услышит, как кто-либо рыкает от стечения сердца, по Пророку¹⁹², проливая потоки слез в поисках своего Творца, то уже не высматривает, чего бы ему украсть из души того человека, то есть какой бы страстью сразиться с ней, но старается спастись сам.
40. Потому сокруши, о монах, молитвой свое сердце, чтобы сокрушились престол и возношение сатаны.
41. Сокруши молитвой свое сердце, чтобы затрепетал сатана, увидев тебя совершенным и облеченным во всеоружие воином Христовым.
42. Сокрушая, сокруши свое сердце молитвой, чтобы смирить под свои ноги гордого и высокомерного сатану.
43. Как только дьявол услышит голос, охрипший от сокрушения сердца, тотчас от страха упраздняется его сила и от скорби погасает пламя его злобы.
44. Как только увидел сатана потоки слез на лице человека, имеющего сокрушенное сердце, тотчас был как бы ошпарен кипятком.
45. Ты харкаешь кровью от чрезвычайного понуждения своей сердечной молитвы? Знай, что ты бросил негашеную известь в центр ада.
46. Если ты воздохнул из глубины себя, то пронзил стрелой око денницы.
47. Если ты помянул своего Творца Иисуса и от радости прослезился, то на голову денницы ты пролил кипяток.
48. Если ты призвал своего Владыку Христа, то разозлил дьявола.
49. Ты узрел икону Христа и Божией Матери, и возрадовалась твоя душа? Бесчисленные помыслы овладевают сатаной и окружают денницу.

¹⁹¹ Пс. 33, 19.

¹⁹² См.: Пс. 37, 9.

50. Если ты из глубины призвал сладчайшее имя Христа и Пречистой Божией Матери, то погрузил в преисподнюю своего невидимого врага.
51. Если твое сердце заболело от молитвы, то у сатаны заболело чрево.
52. Если твоя сила умерщвлена напряженной молитвой, то обессилел и сатана.
53. Если ты, терпя, потерпел в сердечной молитве, то душа твоя узрела славу Господню как славу божественную.
54. Если ты сокрушил свое сердце молитвой, то душа твоя насладилась божественным эросом, а сердце почувствовало неизреченную сладость твоего Создателя Христа.
55. Если ты, сокрушив молитвой свое сердце, заснешь, то во сне узришь божественное и утешительное видение.
56. Ты сокрушил свое сердце молитвой до боли? И вот, потоки слез тут же появились в твоих глазах.
57. Сердце твое заболело от понуждения молитвы? Вот, ты ощутил божественную благодать и покров.
58. Напряженная молитва произвела в твоём сердце боль и порезы? Вот, своими душевными очами ты вскоре узрел божественное видение.
59. Если от боли сокрушенного сердца ты уже отчаялся в своей жизни, то тебе открылось одно из сокровенных Божиих таинств.
60. Если ты испытал скорбь от горькой боли сокрушенного сердца, то действительно твоя душа, благодаря Господу Вседержителю, вкусила чувство Его сладчайшего Царства.
61. Если понуждением молитвы ты погубил свое сердце, то спас свою душу, приобретя рай.
62. Если ты дал кровь своего сердца, то получил в душе своей Святой Дух.
63. Если ты, молясь сердцем, вспотел от утеснения, то помянул пот Христов, который при Его молитве был подобен каплям крови и падал на землю.
64. Если ты сокрушил молитвой свое сердце, то вознес рог души своей, сокрушив рога денницы.
65. Если от понуждения молитвы твоей грудью овладел сухой кашель, то закашлялся и сатана, утесненный твоим утеснением.
66. Если от безмерного понуждения сердечной молитвы сорвался твой голос, то душа твоя запела небесную, непостижимую и сладчайшую песнь.
67. Если по причине сердечного сокрушения у тебя пропал голос, неожиданно ты услышал пение Ангелов, сладостно воспевающих своего Создателя Иисуса.
68. Если ты помолился Христу из глубины своего сердца, то сатана, будучи не в силах слушать тебя, заткнул свои уши.
69. Если ты воздохнул из глубины себя, то сатана от страха потерял рассудок.
70. Если ты возопил к Богу против своего врага, то приготовил ужасный гром для лстивого сатаны.
71. Если в твоём сердце пропало сокрушение, то плоть восстала на душу. Если же ты сокрушил молитвой свое сердце, то душа противостояла плоти.
72. Если ты сокрушил сердце свое молитвой, то душа твоя прогневалась на диавола, закрывшись для греха.
73. Увидев сокрушенное сердце, денница тотчас устранился, потому что от этого колебалась его сила.
74. Если твое сердце сокрушилось молитвой, то порадовался о твоей душе Дух Господень и огорчилось воинство денницы.
75. Как только ты сокрушил молитвой свое сердце, тут же зажглась в нем теплота добродетели и, как следствие, желание Господа.

76. Сокрушая, сокруши, о смиренный, молитвой свое сердце, чтобы Духом Господним обновилась твоя утроба. *И дух прав обнови во утробе моей*, говорит Пророк¹⁹³.
77. Сокрушая, сокруши и смири молитвой, о возлюбленный, свое вознесшееся сердце, чтобы душа твоя была возлюблена твоим Создателем Иисусом, Который поистине кроток и смирен сердцем.
78. Сокруши молитвой, о монах, свое сердце, дабы посмеяться над диаволом – начальником злобы, соделав его стрелы стрелами младенца.
79. Потому что для того, кто молитвой сокрушает свое сердце, сатана подобен муравью, и он не боится его. Для того же, кто не сокрушает сердце, сатана подобен льву, и он всегда его боится.
80. Если ты с понуждением сокрушаешь молитвой свое сердце, то неожиданно чувствуешь покой не только в душе, но и в теле. Потому что во многом сокрушении сердца всегда сияет звезда бесстрастия и чистоты.
81. Потому, возлюбленный, сокруши молитвой свое сердце, чтобы душа твоя беседовала с Ангелами Божиими, что поистине дело блаженное, желанное, но по всему обретаемое и достигаемое с трудом.
82. Сокрушая, сокруши молитвой, о смиренный, свое сердце, чтобы стяжать чистоту тела и трезвение мысли, которые являются двумя крыльями твоей души, при помощи которых она свободно воспаряет к небу.
83. О ничтожный монах, всегда сокрушай молитвой свое сердце, чтобы были просвещены очи ума, которыми ты узришь незримый рай так явно, как явно видишь телесными очами чувственные предметы.
84. Собери, о монах, свой ум в глубине себя, там, где находится престол твоего сердца. И когда, как некоего охранника, ты приставишь его к престолу сердца, твори молитву из глубины себя, доколе от благодати этой молитвы ум не усладится сладостью неизреченной. И тогда ты увидишь, как он невещественно воспарит ввысь на небеса, к Богу, туда, где находится его истинное упокоение.

Слово семнадцатое

О том, что благодаря умной и сердечной молитве одеяние души сохраняется чистым, незапятнанным и достойным Небесного Царства.

Благослови, отче

Ум человека является украшением души, а мысль – ее благолепием. Когда сердечной молитвой мы храним свой ум чистым от скверных помыслов, а мысль – чистой от скверных образов, тогда наша душа, хорошо украшенная и скромно одетая, входит в чертог Господа славы не с робостью и стеснительностью (ведь ее наряд и благолепие в сиянии подобны солнцу), но смело и с дерзновением, как подруга и знаемая Небесного Жениха. Когда войдет она в Его чертог, то будет вечно радоваться вместе со святыми. Но когда ум наш осквернен, когда он подобен убийце, когда он немилосерд, блудлив, вороват, бесчестен и строптив, а мысль наша осквернена мерзкими и злыми помыслами, тогда одеяние нашей души не достойно царского брака, и душа наша входит в чертог Господень со страхом и робостью. Потому что знает, что если даст ответ даже за праздное слово, то насколько строже она будет обличена за свое большее зло и лукавые дела? Но разве избежит она того, в чем подозревается? Нет! Нет! Ибо сказано: *Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде?*¹⁹⁴ Но – о великий стыд и позор,

¹⁹³ Пс. 50, 12.

¹⁹⁴ Мф. 22, 11, 12.

которые постигнут того человека, который не сохранил здесь чистым свой ум и незапятнанным свое сердце и мысль, но попустил им впасть в грех и, сотворив его на деле, осквернить себя!

Потому что настолько велик тот стыд и позор, который охватит его тогда, когда пред всеми возлежащими он будет обличен тем преславным Царем, что запнется его язык и он останется совершенно безответным, как сказано: *Он же молчал*¹⁹⁵. Но может быть, его осуждение и наказание ограничилось лишь этим стыдом и позором? Нет, нет! Но худшее впереди, впереди! Потому что он говорит: *Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов*¹⁹⁶.

Но чтобы не услышать нам то же самое, когда душа наша разлучится с телом и, оскверненная, предстанет пред тем чистейшим Царем, постараемся, прежде чем зайдет наше солнце (то есть прежде своей смерти), очистить и убелить паче снега одеяние души слезами покаяния, воздыханиями и сокрушением сердца, а наипаче всего памятью Божией. Потому что память Божия, воздыхание из глубины сердца и сокрушение сердечное изводят эти спасительные слезы. А слезы сердечного сокрушения и памяти Божией просветляют мысль, очищают ум, который является украшением души, и соделывают его всего светом, всего чистым и незапятнанным.

Внешне слезы кажутся земным ничтожеством, что на самом деле не так. В умопостигаемом мире слезы – это явление небесное. Потому что этими слезами омывается умопостигаемое одеяние души и становится более чистым и белым, чем свет. То есть когда кто-либо проливает слезы по Богу, ум его просветляется, а мысль просвещается светом покаяния. И тогда одеяние души его становится светлым, как прежде, когда оно не было осквернено, как незаконным деянием, по-стыдным сосложением. Тот факт, что ум человека просветляется, а мысль просвещается либо слезами любви Божией, либо слезами покаяния, становится понятным из следующего.

Когда ум и мысль человека очистятся посредством слез, как мы сказали, тогда человек видит не только благородство души и ее родство с Ангелами и другими невещественными творениями Божиими, но даже зрит в вышних Вышнего Бога, незримого. И созерцает это настолько, насколько вмещает то человеческая природа, насколько позволяет то чистота его мысли, насколько позволяет просвещение, которым просветился ум от многого пролития обильных слез. Это показывает и то, что сказал некто из мудрецов: «Ум зрит Бога». То есть насколько ум очищается обильными слезами любви Божией, настолько зрит славу Божию.

Если же в сердце нет любви Божией, то невозможно увидеть славу Божию. Потому что когда нет в сердце любви Божией, тогда не ведаешь того, что есть слезы любви Божией. А когда не проливаешь слез по Богу, тогда как очистятся твой ум и мысль от мглы греха? Грехом же я называю все то, что препятствует уму пролить слезы любви Божией.

Поэтому мы и говорим, что пока ум не очистится слезами, не может увидеть славы Божией. И не может он вкусить в своем сердце благодати и утешения Святого Духа. То, о чем говорю я, ведают только те рабы Божии, которые в своей душе вкусили благодати и утешения. А сердце того, кто в своей душе не вкусит некоторым образом существенно и на самом деле благодати и радости Божией, не может быть уязвлено любовью Божией. Следовательно, такой человек не может освободиться от желания и стремления сердца к земным вещам.

Потому что чем наслаждается сердце человека, чего оно желает, чему работает, того рабом и является. *Всякий, делающий грех, есть раб греха*¹⁹⁷. А мысль того, кто является рабом греха, находится очень далеко от созерцания Бога. Также и сердце его лишено утешения Святого Духа, которым утешаются добродетельные люди. А это утешение

¹⁹⁵ Мф. 22, 12.

¹⁹⁶ Мф. 22, 13.

¹⁹⁷ Ин. 8, 34.

Святого Духа является обручением Небесному Царству. Этим обручением, как неким подарком, Христос приглашает нас к тем благам, которых *не видел глаз, не слышало ухо... И не приходило на сердце человеку*¹⁹⁸ то, что *от создания мира*¹⁹⁹ приготовил Бог для Своих друзей. Так и человек, подарком приглашенный на свадебное торжество, смотря на подарок, думает о свадебном пире и ожидает, когда он пойдет на брак, чтобы попить и порадоваться свадьбе. Потому сказано: *Сказал Господь притчу сию: Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего*²⁰⁰. То есть Небесный Бог и Отец послал к нам Своего Единородного и любимого Сына, чтобы пригласить в Свое Царство, вечно пребывающее. *Царство Твое, сказано, Христе Боже наш, Царство всех веков, и владычество Твое во всяком роде и роде*²⁰¹.

Итак, Христос пригласил нас в Свое Царство. Но как Он пригласил нас? Всего лишь сухим словом или еще чем-то? Да не будет того, чтобы Он приглашал нас только на словах! Потому что если человек века сего приглашает кого-либо на брак и на торжество сына своего и посылает и приглашение и подарок, то тем более Христос, спустившийся с неба (*Никто, сказано, не восходил на небо, как только Сшедший с небес*²⁰²), Сын пренебесного, высшего и единственного Царя, разве не позовет нас в Свое Царство честным подарком, то есть небесным, невещественным, духовным, божественным и неизреченным знамением? Потому что если бы Он призывал нас лишь на словах и без какого-либо божественного и духовного знамения, то как кто-либо удостоверился бы в том, что Он обещает дать нам в Своем Небесном Царстве, если мы последуем за Ним, и в том, что слова Его неложны?

О слушатель, ты желаешь этого знамения, и тебе не терпится узнать, что оно из себя представляет? Послушай! А услышав, попроси Христа дать тебе его. Потому что Сам Христос говорит: *Просите, и дано будет вам*²⁰³. Сердце твое получит немного от того, и тогда от этого немногого ты поймешь, какой природы и то, чего око не видело, не слышало ухо и о чем не помышлял ум²⁰⁴.

Это небесное знамение показывается только нам, верным (как небесная звезда показала родившегося на земле нашего ради спасения Небесного Царя только царям персидским). Это – небесное и духовное знамение, которое являет и позволяет нам уразуметь те будущие блага, которые в Своем Царстве обещает дать нам Христос. Эти блага есть не что иное, как благодать Святого Духа, которая, приблизившись к сердцу человека, так его услаждает, так утешает и дает такое знание о будущих благах, что становится для сердца золотым жалом божественного эроса и сладчайшей раной Его любви. Благодаря ей человек охладевает к предметам века сего и забывает о них. Благодаря ей он любит, не насыщаясь, предметы того будущего века и согревается безмерным желанием их, ожидая того часа, когда душа его разрешится от этого тела и пойдет к ожидаемому.

Итак, услышав о том, что это за знамение, которое дал нам Христос и посредством которого мы можем постигнуть и остальные ожидаемые блага, приготовленные для нас, послушай теперь, возлюбленный, и о том, как можно сподобиться непосредственно в своем сердце получить это духовное и небесное знамение Христово.

Когда ты сокрушаешь свое сердце молитвой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» и произносишь эту молитву на протяжении долгого времени из глубины себя и из центра сердца, внезапно твое сердце уязвляется изнутри любовью Божией, и неожиданно загорается в нем паче всякого чаяния желание и эрос Самого Бога. Потому

¹⁹⁸ 1 Кор. 2, 9.

¹⁹⁹ Мф. 25, 34.

²⁰⁰ Мф. 22, 1–2.

²⁰¹ Ср.: Пс. 144, 13.

²⁰² Ин. 3, 13.

²⁰³ Мф. 7, 7.

²⁰⁴ См.: 1 Кор. 2, 9.

что когда таким образом ты произносишь молитву, сердце очищается ею и становится готовым, чтобы в нем поселился Тот, Кто сотворил его. *Мы придем*, говорит Христос, *Я и Отец Мой, и обитель у него сотворим*²⁰⁵.

Теперь ты понял, возлюбленный, почему уязвилось твое сердце любовью Божией и Его эросом? Потому что вселился в нем сотворивший его Бог.

Но единственное ли это знамение, благодаря которому ты можешь узнать, что в твоем сердце поселился Бог, или есть и другие? Да! Есть и другие знамения, которые показывают нам и убеждают нас в том, что вселился в нас Бог. Эти знамения называются таинственными, потому что о них знает только то сердце, которое стало обителью и жилищем невидимого Бога. Знает же о них только оно одно, потому что в нем чудесным и неизреченным образом действует Бог. Но исключительно ясно некто говорит об этом так.

Когда память Божия оставляет сердце, чтобы не радовалось сердце неизреченно о памяти Божией и не трепетало внутри от некоего духовного умиления, когда, говорю, происходит это, тогда сердце познает, что стало храмом и жилищем невидимого Бога. А это умиление, которое проистекает и происходит от памяти Божией, есть неизреченная радость души и сердца. Это при воспоминании Бога случается с душой исключительно после некоего божественного откровения, божественного явления, божественного видения и божественного созерцания.

Посему когда ты услышишь в Божественном и Священном Писании, что святые ликуют, как сказано: *Исаие, ликуй, Дева име во чреве*²⁰⁶, тогда понимай под этим ликованием их огромную радость, которой они наслаждаются, зря недвижимую и неизреченную лепоту прекрасной славы Господней. Ибо святые, видя лицом к лицу Самого Бога, Который действительно является блаженнейшим и крайним желанием, ликуют тайно в радости своего Господа, то есть радуются и веселятся неизреченно в радости своего Владыки. То же самое происходит и теперь в этом мире, когда некий раб Божий сподобится увидеть страшную и неудобозримую славу Господню. Потому что тогда сердце его улучшает такую радость, поведать о которой человеческий язык не может.

Посему Господь говорит: *Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего*²⁰⁷. То есть когда кто-либо творит заповеди Господни неленостно и с ревностью, а сердце его не высокоумствует по причине добродетелей, которых он достиг при помощи благодати Господней, но все больше погружается в смиренномудрие, тогда Господь славы являет в сердце Своего испытанного и верного служителя луч Своей божественной славы, как на Фаворской горе Он показал трем ученикам луч Своего Божества. Когда душа верного Его служителя таинственным образом увидит этот луч Его божественной славы, а сердце вкусит его неизреченно, то душа его радуется чрезвычайно той славе Господней, а сердце его внутри трепещет и ликует несказанно. Ибо об этом говорят слова: *войди в радость господина твоего*. Как будто Господь славы говорит явно такие слова: «Поскольку ты, Мой добрый и верный раб, неленостно и ревностно трудишься в делании Моих заповедей, то и Я удостоиваю тебя увидеть Мою славу и ясно зреть (как о том ведаю лишь Я) незримый Мой лик. Лик Мой непостижим, лик Мой – край всех желаний. Если кто-либо удостоится по Моей благодати увидеть его, то сердце его будет радоваться и будет веселиться его душа в созерцании Моего лика в тысячу раз более, нежели радовалась бы, если б наслаждалась всеми благами этого мира».

Молитва весьма умилительная

Но, Господи, Господи! Сладкий мой Иисусе Христе, Царю славы! Вот, преклоняя колено окаянной моей души и жалкого моего тела, молю Твое Господство и горячо прошу

²⁰⁵ Ср.: Ин. 14, 23.

²⁰⁶ Ср.: Ис. 7, 14; также тропарь, который поется при совершении таинств священства и брака.

²⁰⁷ Мф. 25, 21.

Твою непостижимую Благодать, открой и мне, мерзкому рабу Твоему и смиренному слуге, лик Твой божественный, лик Твой прекрасный, лик Твой благодатный, лик Твой чистый и превосходящий всякую чистоту, который является краем всех желаний, дабы, насколько вмещает то мое бессилие, увидел его и я, Твой ничтожнейший раб. Ибо когда я, Господи славы, благодатью Твоей сподоблюсь увидеть его, то усладятся в нем мои мысль и помысл. *Да усладится Ему беседа моя, аз же возвеселюсь о Господе*²⁰⁸, говорил Пророк Твой. И когда, Господи славы, сладчайший Христе мой, Ты откроешь и явишь мне Свой прославленный и благодатнейший лик, тогда чудесным образом возвеселюсь о божественном Твоем явлении. Ибо, созерцая Твой прославленный лик, я таинственным образом насыщусь благодатью Твоей божественной славы, как снова говорит о том тот же Пророк Твой: *Насыщуся, внегда явити ми ся славе Твоей*²⁰⁹. Но если Ты, Господи утешения, не откроешь мне славу Твоего славного лика, то как смогу я возрадоваться духовно и возлюбить Тебя так, как должно любить Тебя, моего Бога? И если я не буду сподоблен Твоею благодатью возлюбить Тебя, Бога моего, так, как должно, то как смогу я пребывать в Тебе, а Ты – во мне?

Ей, Господи Сил! Покажи мне, молюся, славу Твою, ибо *желает и скончается душа моя во дворы Твои*²¹⁰, сладчайшего моего Господа и Бога. Ибо если я, худший червей и грешнее грешников, Господи, сподобился бы по Твоей благодати ясно и несомненно увидеть очами души (как Ты знаешь) Тебя, живого Господа и Бога моего, то тотчас возрадовались бы сердце мое и плоть моя об этом созерцании и явлении (*сердце мое, сказано, и плоть моя возрадовастся о Боже живом*²¹¹).

Эта радость, которой возрадуются мои сердце и плоть, когда я сподоблюсь увидеть Тебя, будет чудной и неизъяснимой. Потому что в тот час, Господи мой, Господи славы, в который Ты благоволишь, чтобы я увидел Тебя, мне покажется, что плоть моя как бы потеряет свою тяжесть и станет легкой и будто бесплотной. Ибо такую легкость она почувствует в себе от непостижимой радости и веселия, которые получит от Твоего явления, что как будто освободится от всякой природной тяжести. И став такой, плоть моя будет радоваться чрезвычайно о Твоем божественном явлении. И так она будет радоваться, что от своей великой радости некоторым таинственным образом пустится в пляс, как пустились таинственно в пляс горы и холмы о Твоем странном и неизъяснимом Домостроительстве чрез Воплощение. *Горы, сказано, възграшася, яко овни, и холми, яко агнцы овчии*²¹² от сладкого видения Твоего прославленного лика.

Если же Ты, Господи, сподобишь меня узреть Тебя, то тогда я узнаю и уверюсь в том, что Ты любишь меня и что я невидимо нахожусь под кровом Твоих крыл, Вседержителя Господа и Бога моего. Потому впредь, зная об этом, я готов работать Тебе с усердием от всего своего сердца и от всего своего помышления, запыхав духом от огня Духа Твоего Святого. Наипаче же, имея пред своими глазами Твое недавнее явление, *я положу восхождения в сердце своем*²¹³, решая в себе хранить непоколебимо Твои заповеди, как Ты заповедал нам: *Ты заповедал еси заповеди Твоя сохрани зело*²¹⁴, – несмотря на то, что ношу это бренное тело и нахожусь посреди треволнений долины плача века сего.

Этого, Господи мой, Господи, желаю достигнуть я, ничтожнейший из всех, по Твоей благодати: *Ибо благодать Моя, Ты, Господи, сказал, совершается в немощи*²¹⁵. Потому что тогда Твое божественное посещение укрепит меня к хранению Твоих заповедей. И тогда, Господи, когда я упокою Тебя хранением Твоих заповедей, тогда нежданно я увижу

²⁰⁸ Пс. 103, 34.

²⁰⁹ Пс. 16, 15.

²¹⁰ Пс. 83, 3.

²¹¹ Пс. 83, 3.

²¹² Пс. 113, 4.

²¹³ Ср.: Пс. 83, 6.

²¹⁴ Пс. 118, 4.

²¹⁵ Ср.: 2 Кор. 12, 9.

невидимым образом как видимым, умным образом как чувственным, увижу умным оком души незримую и паче снега белейшую руку, благословляющую меня крестообразно свыше, от незримой и страшной Твоей славы. Потому что тогда Ты, Христе мой, Вседержителю мой Боже и Господи, Ты благословишь меня с отеческой любовью и отеческой благодатью. А это благословение Твоей благодати низойдет невидимо на мою душу от пречистой и божественной Твоей десницы, богатой и изобильной.

Непостижимое и вместе постигаемое благословение Твоей благодати придет от Твоей поклоняемой и божественной десницы и изольется на мою душу тихо-тихо, как падает снег с воздушной высоты, когда нет совершенно никакого ветра. Но снег, хотя и падает очень тихо, холоден, а благословение, которое снизойдет, которое прольется от Твоей святой десницы на мою душу, будет не холодным как снег, но чрезвычайно белым как снег и даже белее снега (*и паче снега*, говорит Писание, *убелюся*²¹⁶). Оно будет утешительным, сладчайшим, благодатнейшим и согревающим душу. Посему, будучи таковым, оно соделает ревностной, согреет и укрепит мою душу работать Тебе более и более и творить Твою всесвятую волю. Потому после этого я буду переходить от духовной силы к духовной силе. *Пойдут*, говорит псалом, *от силы в силу*²¹⁷.

И когда я получу дар Твоей благодати, тогда, о Господи славы, я исполнюсь ревностью удвоить те дела и добродетели, которые прежде казались мне великими и превосходящими мои силы. Ибо я буду укреплен Твоим благословением. И когда, Господи, я с Твоей помощью их удвою, тогда, я знаю и уверен в этом, Ты, Боже мой, посетишь меня еще раз, и это посещение будет не меньшее первого. Ибо тогда Ты, Господь всех, Святой Израилев, Царь славы, в моем обстоянии снова явишься мне странным образом, я ясно узрю тебя очами (как Ты Сам знаешь). Это случится тогда, когда я помолюсь к святому Твоему Сиону из глубины своего сердца, как глаголет священный Пророк: *Явится Бог богов в Сионе*²¹⁸.

Ей, Господи Сил и Господи милости! По молитвам всех от века благоугодивших Тебе ниспосли и мне этот дар, открой мне Свой благодатнейший и всесвятый лик, который является краем всех желаний. Ибо, Господи, Краю всякого духовного желания, лучше мне, рабу Твоему, увидеть Тебя на один час и тут же умереть, чем жить тысячу и десять тысяч лет, но не увидеть Тебя ни разу. Ибо, Господи славы, если бы по Твоей благодати я сподобился увидеть Тебя хоть один раз, тогда узнало бы сердце мое, что это божественное Твое видение и превосходящее слово и мысль святое Твое явление станет для меня непреложным обручением будущего и Божественного Твоего Царства. И наоборот, если не сподоблюсь увидеть Тебя хотя бы один раз в жизни, тогда сердце мое не будет знать того, буду ли я в будущей жизни наслаждаться славой Твоего Царства.

Посему, Господи, сподоби меня, молюсь, увидеть Тебя и насладиться Твоим божественным и святым явлением. Ибо Ты, Господи, испытующий сердца и утробы всех людей, очень хорошо знаешь и о желании сердца моего, Твоего ничтожного раба, которое обращено к Тебе, Богу моему. Ибо, по Пророку, *изволих приметися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селених грешничи*²¹⁹. Потому что Ты, Господи, будучи праведным во всем, милуешь и любишь тех, которые ради любви к Тебе обитают во дворах Твоих.

Об этой справедливости Твоей, Господи, нам предвозвестил Богоотец и Пророк Твой, сказав: *Праведен Господь, и правды возлюбил: правоты виде лице Его*²²⁰. Потому что Ты, Господи, никого так не наделяешь дарами и не прославляешь так, как того человека, который прославляет Тебя всегда. Ибо Ты один милостив и препрославлен во веки веков. Аминь. Аминь. Буди, буди.

²¹⁶ Пс. 50, 9.

²¹⁷ Пс. 83, 8.

²¹⁸ Пс. 83, 8.

²¹⁹ Пс. 83, 11.

²²⁰ Пс. 10, 7.

Слово восемнадцатое

О том, какие духовные знамения бывают достойному и чистому иерею, благодаря которым он получает в душе истинное извещение о том, что он рукоположен законно (рукоположен же прежде всего благодатью Святого Духа) и что Святою Троицею принята его Божественная Литургия.

Благослови, отче

Когда чистый и достойный иерей входит во святой жертвенник, чтобы принести Сына Божия в жертву Небесному Богу и Отцу Его, то есть когда он входит во святой алтарь, чтобы совершить Божественную Литургию, его невидимо окружает множество бесплотных и божественных Ангелов, которые с крайним благоговением прислуживают ему на протяжении всей Литургии. Святые Ангелы, как и диаконы, сами без иерея не могут совершить сего великого Таинства. Потому во время Божественной Литургии они и занимают место диаконов, которые прислуживают и помогают иерею. Иерей подобен здесь некоему великому царедворцу, а Ангелы – царским воинам и служителям.

Славой земного царя являются его полководцы и воины. А славой Христа, *Царя царствующих и Господа господствующих*²²¹, являются Его священство и Ангелы.

Потому мы и говорим, что священство почитается Ангелами подобно тому, как почитается Христос. Так и полководцы получают от воинов почести такие, какие получает земной царь. Когда земной царь даст кому-нибудь власть или отличительный царский знак, тогда все остальные его подданные почитают этого человека так, как самого царя. Так и когда Небесный Царь запечатлел священство Своей собственной славой, тогда священство было почтено честью, превосходящей всякую ангельскую честь, и славой, превосходящей любую ангельскую славу.

Иерей почитался и почитается Церковью, то есть добрыми и благоговейными христианами, как почитается Сам Христос. Потому что во время Литургии иерей – личность, вместо личности Христовой²²². Кто испытывает почтение и благоговееет пред иереем, тот почитает Христа и благоговееет пред Ним. А кто отвергает иерея, тот отвергает Христа.

Когда офицер земного царя входит в царские палаты, – входит с уверенностью и, приблизившись к царю, поклоняется и приветствует его с радостью. Потом же, сев рядом с царем, беседует с ним устами к устам, ухом к уху, оком к оку, любовью отвечая на любовь, так, как беседуют между собой два настоящих брата по плоти, любящих друг друга. И иногда полководец говорит царю, а царь слушает его с удовольствием. Иногда же царь говорит полководцу, а полководец слушает его очень внимательно и отвечает: «Да! Да, царь! Да будет так, да будет так!», как бы говоря: *Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли*²²³. А царские слуги и воины, видя, как царь выказывает такую любовь к своему другу-полководцу, почитают полководца больше прежнего. Благодаря же тому, что слуги видят, как царь поддерживает полководца и как беседует с ним, они будут слушаться царя, почитать его и благоговееет пред ним, а слава царя умножится и укрепитя до концов вселенной.

Потому и божественные Ангелы благоговееют пред иереем и почитают его. Ибо иерей дерзновенно беседует с Царем всех Иисусом Христом, с Тем, на Которого они не смеют взирать открыто, благоговееет пред величием Его славы и будучи не в силах

²²¹ Ср.: 1 Тим. 6, 15.

²²² Здесь автор называет иерея очень характерными словами. Иерей является здесь не представителем Христа, а «замещает» Христа, является личностью (лицом), которая вместо личности (лица) Христа. — *Примеч. к греческому тексту.*

²²³ Мф. 6, 10; Лк. 11, 2.

обратить свой взор на неизреченное и божественное сияние Его лика. Но достойный иерей беседует с Самим Христом устами к устам, так, как искренний и горячо любимый друг беседует со своим подлинным другом. Как тот человек, который отличается смелостью и является близким другом кого-либо великого, приходит к нему и беседует с ним наедине, так и иерей, по благодати священства имея дерзновение ко Христу, приближается к Нему и в таинственной беседе, то есть многой молитвой, в безмолвии и умеренным гласом, разговаривает с Ним о всех Таинствах. Ибо таким образом иерей произносит молитвы, что являет две вещи: одна – крайнее величие Того Лица, с Которым он беседует, а другая – чистую любовь и многое дерзновение, которыми он обладает.

Когда чистый иерей начинает литургисать, сердце его радостно скачет, потому что чувствует, Кого оно примет. А когда он облачится в священные ризы, сердце его становится неким сладкоточным источником, потому что из него истекает нечто весьма таинственное, весьма дорогое, весьма честное и весьма сладкое, что некто назвал *елеем радости*²²⁴, и очень точно. Потому что сердце этого чистого иерея изнутри (то есть внутренний человек) неким умным образом, но как бы чувственно, помазывается *елеем радости*.

Посему такой иерей очень сладко и утешительно плачет о возлюбленном Христе. И чем больше он непрестанно плачет о дорогом Иисусе, тем более умножается и преумножается в нем сладость радования. Потому что слеза сердца, которой оно плачет, когда иерей беседует со Христом по-дружески, устами к устам, – эта слеза является вся радостью, вся ликованием, вся утешением, вся тишиной и вся сладостью и сердца и мысли. Христос проливает эту благодать как небесное миро на сердце, на умного и невидимого человека, то есть на душу чистого иерея, чтобы этой благодатью усладить его, дабы придать ему дерзновения подходить к Нему ближе и не страшиться огня Божества, как утратился его Креститель Иоанн, не смеявший коснуться верха Его главы, чтобы крестить Его, доколе Сам Христос не ободрил его словами.

Когда сердце чистого иерея плачет во время Литургии, оно плачет потому, что душа его увидела своего возлюбленного и дорогого Иисуса сладчайшего. Плачет потому, что обоняло божественное присутствие и неизреченное благоухание Христово. Ведь иногда, когда чистый иерей облачится в священную одежду, внезапно его обоняние постигает некое чудесное и неизреченное благоухание, отчего сердце его плачет подобно младенцу и тает от умиления и от пролития многих слез. Тогда благодаря этому благоуханному, неизреченному, божественному, небесному и духовному благоуханию божественный служитель славы Господа Христа понимает, что ему незримо явился Христос – Начальник божественного благоухания. А лучше сказать, что сердце этого благословенного иерея плачет потому, что, придя в него, Отец, Сын и Святой Дух обитель и жилище в нем сотворили²²⁵. Оно плачет потому, что Христос как в зеркале показывает ему, в какой неизреченной и молниевидной славе Он поместит его, когда сподобит Своего Царства.

Тогда чем более живо иерей видит Христа просвещенными очами своей очищенной души, тем более его окружает благоговение пред Христом. А чем более его окружает благоговение пред Христом, тем сильнее он чувствует благодать Христову в своей душе. И чем более явно действует таинственно в его душе благодать, тем больше плачет его сердце. Потому что сердце его переполняется слезами, которые выходят наружу. И тогда сей блаженный иерей уже в голос плачет о сладчайшем своем Иисусе, тогда видно уже всем, как он орошает слезами свою священническую одежду. Тогда он слезами очей своих орошает святой престол и промокает слезы покровцами и воздухом, движимый некоей сердечной любовью, которую имеет ко Христу. Он как бы промокает слезы одеждой Самого Христа, тем самым показывая Ему, что всей душой желает быть вместе с Ним в нескончаемые века нескончаемых веков.

²²⁴ Святой пророк Давид. Пс. 44, 8.

²²⁵ См.: Ин. 14, 23.

Ибо неким сокровенным и умилительным рыканием своего сердца он говорит Ему из души следующее: «Доколе, Господи мой, Господи, Ты оставляешь меня в этом мире и не забираешь меня побыстрее туда, где находишься Ты, сладкий мой Иисусе?». Он орошает слезами и сам святой, всесвятой, всенепорочный и превыше всего Святой Хлеб, когда, приклонившись для Причащения, он крестит этим Хлебом свое лицо. Сначала же он сладко целует его устами, потом прикасается к нему лбом и очами, правым и левым, и тогда уже причащается.

Иногда, когда он, держа в руках святой потир, причащается Пресвятой, Пречистой и Животочной Крови Христовой, из глаз его проливается столько слез, что случается какой-нибудь капле его слез, которые льются в тот час ручьем, сладко-сладко, с большой теплотой и утешением, упасть и внутрь священного потира. Проливая теплейшие и обильные слезы, он тихо-тихо с дерзновением говорит Христу: *Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем*²²⁶. Господи, если Ты считаешь нужным, в этот час умиротворения возьми мою душу в рай и освободи меня от этого суетного мира. Как только душа моя увидела Тебя, мою Любовь и крайнюю мою Сладость, когда я приобщился Тебя, Господа моего и Бога моего, уже не желаю жить ни часа без Тебя, Света моего сладчайшего. Ибо Ты – Дыхание мое и сладчайшая моя Жизнь».

В этот час сей чистый и непорочный иерей умным образом является весь светом чистым и светом тихим. Тогда он помышляет в себе о неких великих, небесных и неизреченных вещах и изумляется, видя себя изменившимся и как бы бесплотным. Помышляя же о том, как произошло с ним это изменение, он снова проливает потоки слез.

Иногда же видит себя на воздухе, на один-два локтя от земли, и так, подобно ангелу Господню, совершает Божественную Литургию. И как только он увидит это, тотчас видение ускользает от него. Ибо лишь мгновение, за которое ты успеешь вздохнуть один или, самое большее, два раза, сей чистый иерей находится в этом созерцании и тотчас снова приходит в себя. А иногда он ощущает себя как бы невещественным – настолько легким кажется ему тело. Иногда же во время Причащения он весь становится радостью, весь – ликованием, весь – легким телесно и свободным духовно, весь дерзновенным, весь благим, весь незлопамятным, весь незлобивым, весь святостью и весь веселием.

Когда достойный иерей достойно приобщается Пречистых Таинств Христовых, в сердце его запечатлевается имя Христово, и уязвляется оно сладким жалом божественного эроса. Потому он желает и жаждет пролить свою кровь, если будет для того благоприятное время, ради любви к Самому Господу и Богу своему. *Чашу спасения прииму, и имя Господне призову*²²⁷, сказал Пророк.

Когда чистый иерей приобщился Божественных Таинств и испил из чаши спасительной Крови Христовой, тотчас душа его стала как бы пьяной от небесного, уязвившись желанием Христовым. Потому иногда им овладевают эрос и любовь Христова, и он уже не желает знать ни об этом мире, ни о вещах этого мира. Ибо впредь, а наипаче в этот день, он помышляет все о Христе, и только о Нем. Он не желает совершенно пищи тленной, потому что его душа насытилась *пищей, пребывающей в жизнь вечную*²²⁸. Его пища и питье – это Пречистое Тело и Пречистая Кровь Христовы. Его утешение – утешительная печаль и слезы, которые он проливает о своем Христе. Его наслаждение и пир – память и поучение Христовы.

Незримо рукоположенный свыше божественной благодатью иерей, Литургия которого угодна Богу, когда берет епитрахиль, благословляет ее и произносит молитву, приклоняя голову и полагая епитрахиль на свою выю, даже прежде чем возложит ее или уже после того, чувствует, как благодать Божия ударяет его и касается лба посередине, производя как бы некое сладкое и тихое вдуновение. Это вдуновение, как невещественное, кажется для тела превыше чувства, но его чувствуют мысль, сердце и

²²⁶ Ср.: Лк. 23, 42.

²²⁷ Пс. 115, 4.

²²⁸ Ин. 6, 27.

душа, потому что оно производит на них духовное действие. Ибо как только прикоснется к его лбу эта благодать умного и божественного вдуновения, тут же на все тело иерея и на всю его душу переходит божественное действие епитрахили. Потому тогда священник становится радостным и веселым, исполняется надежды и умиления. Благодаря этому знамению иерей тогда сам понимает, осознает и получает истинное извещение о том, что Бог принимает его в качестве посредника и достойного священнодействителя Божественных и Пречистых Таин Господа Иисуса, Которому он с крайним благоговением и многими слезами приносит жертву²²⁹ о своих грехах и о грехах всякой души, верующей во Христа.

Это знамение божественного утешения дается иерею не всегда, но только иногда и по временам, когда Христос благоволит утешить его этим добрым знаком. Ибо как во время дождя не всегда сверкают молнии, но иногда бывает много молний, а иногда – мало, так бывает и с достойным иереем и чистым служителем Господним. Потому что достойный иерей всегда является для Бога приятным посредником, и Бог слушает его. Но Он не всегда показывает ему благодать явно, то есть так, чтобы иерей чувствовал ее всегда. Это не означает, что Бог не всегда дает Свою благодать достойному иерею. Но у иерея, который желает почувствовать в себе явно благодать Божию, тело пусть будет умерщвлено телесным подвигом, сердце пусть будет сокрушено и изъязвлено понуждением сокрушенной молитвы, а мысль пусть будет соединена и неразлучна с памятью Божией.

Когда душа достойного иерея пожелает совершать священнодействие, тогда его дух священнодействует вместе с Ангелами неким неизреченным образом, невыразимым для слова. Потому что часто, особенно же когда он готовится (будучи всегда готовым) особо тщательным образом и так, чтобы его ни в чем не обличала совесть, даже в самом незначительном, тогда, говорю, внезапно и неожиданно, без его собственного моления о том Богу, отверзается око его сердца, и он видит самого себя оком души. Иногда он видит, что одет в полное иерейское облачение, несмотря на то, что чувственно на нем нет священнических риз. Иногда же видит, как отверзается крыша его жилища. Он видит, как отверзается небо и невещественные белоснежные существа приносят ему оттуда в честной, бесценной и небесной корзинке все священническое облачение. Они приносят ему небесные и боготканые ризы, дабы облачить в них к его духовному утешению и радости. Каково же это божественное священническое облачение, постигают своей душой только те, кто созерцают его, ибо увидели его очами своей души. Но словами они не могут выразить того, каковы эти ризы, ибо невещественные и небесные предметы суть непостижимые и неизъяснимые.

Душа видит их ясно и созерцает неложно, и знает сама в себе, что видела их, потому что видела, каковы они. Но мысль впоследствии, то есть после созерцания, только помышляет о том, каковы эти предметы, открывшиеся ей, но понять того в совершенстве не в силах, потому что не может проникнуть в их суть. Потому сказано: *И не приходило то на сердце человека*²³⁰. А иногда, когда достойный иерей облачен в священнические ризы, в исступлении они представляются ему божественным и невещественным облачением. Потому что иногда ризы, в которые он облачен, кажутся ему облачением

²²⁹ См.: Евр. 5, 3.

²³⁰ 1 Кор. 2, 9.

молниевидным, иногда же – одеянием света, почему и сказано: *Одежды же Его сделались белыми, как свет*²³¹.

Когда чистый иерей, облаченный в священнические ризы, прежде возгласа «Благословено Царство...» кадит святой престол, иногда он некоторым неизъяснимым образом чувствует в своем сердце благодать Святого Духа, которая, коснувшись его сердца в начале Божественной Литургии, остается в нем осязательно, производя неизреченное духовное и божественное действие, доколе не закончится Литургия. Иногда же эта благодать Святого Духа остается в его сердце почти на целый день, если сей истинный служитель Господень с великим вниманием относится к своим духовным обязанностям. Ибо таким образом он чувствует, что в тот день на нем почивает и действует в его сердце неведомо и неизреченно благодать Святого Духа. Посему тот день для него является днем духовного ликования, днем истинного веселия, днем живого утешения и невыразимой радости и наслаждения.

Следовательно, об этом дне, который сей человек Божий проводит вместе с благодатью Божией, – вместе с ней ест, спит сладко, сидит, – в который она сопровождает его, об этом, говорю, дне говорил и Пророк: *Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны*²³².

Духовная радость, которой исполняется сей чистый служитель Христов тогда, когда чувствует, что его утешает благодать Святого Духа, велика и свята. И радость эта неотъемлема. Никто не может у него отнять ее: ни человек, ни демон, никакая тварь – ни чувственная, ни умная. Об этой радости говорит Спаситель: *Радости вашей никто не отнимет у вас*²³³. А иногда, когда достойный и чистый иерей совершает Проскомидию, вместе с неким чудесным услаждением сердца и мысли у него проливаются слезы.

Посему иерей, желающий неосужденно священнодействовать, должен иметь неосужденное жителство, то есть должен быть чистым и плотью, и духом. Мысль его должна быть просвещена обильными слезами. Ум его должен быть чистым, свободным и весьма возвышенным, дабы, если это возможно, всегда обращаться горе, в небесном. Сердце его должно быть обителью и сосудом Святого Духа. Помыслы – добрыми и полезными. Помышления – духовными. Поучение в Боге пусть всегда свивает себе гнездо в его сердце. Страх Господень да будет укоренен в глубине его. Любовь Божия да будет обитать в его душе. Он должен ненавидеть злое, отвращаться порока, поучаться в добре и творить благое. Чтение божественных словес пускай не покидает его. Заповеди Христовы да царствуют в нем. Как вкушает он Пречистое Тело Христово и устами своими пьет Пренепорочную Кровь Самого Христа, так да будет он чист в целомудрии тела и души.

Пусть помышляет о том, Чей он служитель и Кому он служит. Пусть боится своего служения и радуется о нем. Пусть трепещет плотью и радуется душой. Пусть тело его будет подчинено воле души, а душа подчинена воле Господней. Пусть он живет не сам в себе, но живет в нем Христос. *Уже не я живу, говорит божественный Павел, но живет во мне Христос*²³⁴. Пусть он живет во Христе, и Христос – в нем. Пусть различными подвигами наказывает свою плоть, доколе не будут умерщвлены его злые страсти и не воссияет умопостигаемым образом луч чистой чистоты подобно молнии, так, как сияет вид и созерцание Ангелов. *Вид Его был как молния, говорит Писание, и одежда Его бела*

²³¹ Мф. 17, 2.

²³² Пс. 117, 24.

²³³ Ин. 16, 22.

²³⁴ Гал. 2, 20.

как снег²³⁵. Пусть священник ест ровно столько, сколько нужно, чтобы жить. Пусть его питание и обращение с самим собой будет таким чистым и трезвенным, чтобы даже во время сна противостоящий нам враг не мог уязвить его собственной же плотью, то есть плотской славью. Потому что иерей, умертвивший свою собственную плоть и свои страсти, всегда достоин священнодействовать и, священнодействуя, всегда ощущает телесными чувствами и постигает умопостижимо силу Божественной Литургии. Но прежде всего иерей должен обладать крайним смирением и относить все, чего он достиг по действию благодати Христовой, действию Самого Христа, а не своему преуспеянию. Ибо сказано: *Без Меня не можете делать ничего*²³⁶.

Часто сатана по зависти искушает иерея некими видениями во сне, чтобы в тот день воспрепятствовать ему совершить Божественную Литургию. Поскольку служение чистого иерея сильно пожигает действие сатаны, то сатане не терпится его искусить. Но священник, чтобы совершенно победить это сатанинское искушение, пусть постится на протяжении всей своей жизни и никогда не разрешает поста. И пусть совершает не только это, чтобы тело его очистилось от природной нечистоты, находящейся в нем, но еще пусть и его мысль и сердце непрерывно поучаются в умной и сердечной молитве. И как непрестанно идут часы, чтобы правильно показывать время и угождать человеку, так и в сердце иерея, чтобы угодить Христу, пусть непрестанно идет молитва.

Пост иерея, когда нет сердечной молитвы, не имеет такой цены, какой он обладает вместе с молитвой. Ибо когда пост сопровождает молитву и сопутствует ей, тогда изгоняет из священника демонов, искушающих его во сне, то есть освобождает его от страстей и соделывает его бесстрастным.

А это то самое, о чем говорит Господь: *Сей же род изгоняется только молитвою и постом*²³⁷. Ибо, скажи мне, какой человек не имеет в себе *этого рода страстей*? И кто, всегда постясь и молясь непрестанно, не освобождается от *этого рода страстей*? Это видно из житий преподобных отцов, которые, раз и навсегда освободившись от страстей, благоугодили Богу. Ибо пост иссушает страсти, а молитва пожигает демонов, которые распалют и возбуждают страсти.

Мысль иерея да будет всегда просвещенной, собранной и трезвенной. Уста да не опережают мысль. Очи его да будут просты и нелукавы. Ноги его да будут истинны и без соблазна. То есть пусть иерей имеет скромную и смиренную походку. Руки его да будут непорочны и да не берутся с лукавым любопытством ни за какой член и часть тела. И да не осязают они страстным осязанием никакой иной вещи. Когда же помысл говорит ему сделать что-либо подобное, пусть он вспомнит и пусть помыслит о том, Кого берут его руки во время Божественной Литургии, на Кого он взирает и пред Кем предстоит. Ибо если он помыслит о том и подобном тому, тотчас исчезнет из его сердца этот лукавый помысл. А лучше сказать, тут же исчезнет сатана, сеющий это в его сердце.

Как овцы без пастухов и без собак пожираются волками и иными дикими зверями, так и словесные овцы Христовы, то есть христиане, без священства и без молитв друзей Господних становятся умопостигаемой пищей и добычей демонов.

Поистине, благословенное стадо Христово! Священство – это великая помощь для всего рода христиан. Потому что когда достойный и чистый иерей Иисуса Христа и Бога Вышнего, проливая слезы, преклоняет чувственно и умно колени тела и души и молится Творцу и милостивому Христу о Его избранном стаде, ради которого Сам Христос пролил на Кресте Свою Пресвятую Кровь, тогда невозможно, чтобы Сам Христос не услышал его смиренного моления и умиленной просьбы, которую он совершает об этом стаде Христовом. Так и земной царь не может не прислушаться к молению и справедливому заступничеству своего великого военачальника и близкого друга, когда он просит царского снисхождения, чтобы не был разрушен некий город, достойный сожжения и

²³⁵ Мф. 28, 3.

²³⁶ Ин. 15, 5.

²³⁷ Мф. 17, 21.

разрушения. Поэтому когда Господь наш Иисус Христос умоляется теплейше чистым и достойным Своим служителем, который, как чистейшее масло, проливает пред святым престолом свои слезы,— как возможно, чтобы Он не прислушался и не исполнил его душеполезное и спасительное прошение? *Волю боящихся Его сотворит*, говорит Писание, *и молитву их услышит Господь*²³⁸.

Когда чистые и достойные иереи и служители Господни умильными молитвами стучат в двери Горнего Иерусалима, тогда небесные Ангелы тотчас подбегают и, отворив им двери жизни, вводят их и сопровождающих их внутрь. Потому что по благодати священства [которую Ангелы видят на иереях.— *Ред.*] они узнают, что являются рабами одного Владыки и служителями одного Таинства.

Ангелы сияют подобно молнии. Также и вид достойных иереев умопостигаемым образом сияет подобно свету. Пламень огненный суть Ангелы. В душе пламенем огненным являются и достойные служители Господни, как написано: *Творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный*²³⁹. Чем обладают эти Ангелы, тем обладают в своем невидимом и умопостигаемом человеке и достойные служители Господни. Ангелы окружают Престол Божества. И сии совершают божественное дело. Только в том они уступают божественным Ангелам, что облечены в брненное тело, которое вскоре, как чуждое, оставят чуждому (мы говорим о том, что чувственное тело они оставляют тому, из чего составлены чувственные элементы). Ангелы-хранители каждого христианина молятся Богу за те души, которые вверены им для их соблюдения. И достойные иереи молятся не об одной душе, а о всех христианских душах.

Священство должно быть (как мы уже сказали выше) сопровождаемо постом, и ему должна сопутствовать умная и сердечная молитва. Ибо если иерей всегда постится и непрестанно молится умно из глубины себя, тогда во время священнодействия он действительно чувствует в себе благодать Божию. То есть тогда он чувствует в себе некие духовные знаки Небесного Царства. Ибо тогда открывается в его сердце умное око, которым он как в зеркале (но на протяжении краткого мига) созерцает Таинства Божии, которые находятся горе, на небе, отчего Таинства Божии, которые для сердечного ока остальных людей являются сокровенными, незримыми и таинственными, для ока его сердца более не являются таинственными, незримыми и сокровенными, но становятся известными и явными. Потому впредь ум его пленяется там, в небесном, и пригвождается к тому, что ему открылось, вся сила его внутреннего человека.

Это то самое, что зовется «трезвением ума». Потому что после этого мысль не перестает созерцать и обращать внимание на то, что увидело внутри сердечное око. И сердце не прекращает желать и жаждать Того, Кто показал ему как в зеркале сокровенные для телесных очей Таинства. Поскольку зритель Божественных Таинств и священнодействователь Господень не может найти Бога действительно, то начинает с печалью сердца больше воздыхать из глубины. Ибо он не обретает возлюбленного Бога своего сердца, Который является для него совершеннейшей Любовью, сладким жалом которой уязвлено его сердце и ранена его мысль. Посему он из глубины себя рыкает Самому Богу, воздыхает от сердца, кричит и взывает с горькими и сладкими слезами, чтобы скорее переместиться от скорбей настоящей жизни к великой радости будущего блаженства.

Иной раз этот чистый иерей во время киноника²⁴⁰, читая от сердца, с благоговением и четко молитвы ко Причащению, а именно: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго...» и остальное, смотрит своими телесными очами на Святой Хлеб и на Честную Кровь Господню. А умными очами он с бодростью смотрит на Почивающего в этих Страшных Тайнах Самого Господа славы, пред Которым он предстоит в этот час с крайним благоговением и трепетом, помышляя одновременно о Его

²³⁸ Ср.: Пс. 144, 19.

²³⁹ Пс. 103, 4.

²⁴⁰ Киноник — запричастный стих.

непостижимой любви к человеку. Ради этой любви Бесплотный, воплотившись, дал человеку это святое Таинство, чтобы чрез него освятить человека и соделать его единым с Самим Собой. То есть чтобы причащением Своих Пречистых Таин обожить человека. («Божественное Тело и обожает мя и питает: обожает дух – то есть душу, – ум же питает странно»²⁴¹.)

Когда он размышляет с живостью об этом и подобном и поучается в этом весьма почтительно и смиренно, его окружает такое благоговение, которого нельзя передать словами. Вместе с тем, столько слез изливается из его очей, что, вытирая их руками, он смахивает их на святой престол, орошая ими антиминс, святой дискос, святую чашу, покровцы, звездицу, иконы и почти все божественное украшение святого престола.

Когда же происходит это с истинным другом Христовым и Его достойным служителем, тогда этот чистый иерей оставляет чтение молитв. Лучше же сказать, что от изобилия слез он теряет то место, где читал, и с великим благоговением умно из сердца произносит ко Христу следующие слова: «Да будут, сладкий мой Иисусе, эти смиренные мои слезы пред Тобою подобны миру жен-мироносиц, которые со слезами спешили к Твоему гробу»²⁴². Да будут, Иисусе мой, эти сиротские мои слезы подобны чистому миру, которым помазала Тебя сестра Лазаря Мария, отерев Твои святые ноги власами главы своей»²⁴³, движимая некоей духовной любовью, возгоревшейся в ней, когда она увидела пред собой Тебя – совершенную и чистую Любовь. Да будут, Господи мой, эти слезы, которые от сердца приношу Тебе в сей час, приятны Тебе, подобно двум лептам той вдовицы, которую Ты ублажил за ее мужественное произволение, за то, что она отдала все свое имение и за две лепты купила Твое Царство»²⁴⁴. Да будут, Господи, эти скудные слезы, которые проливаются с теплотой сердца, благоприятны Тебе, подобно благоуханному каждению, о котором говорит Пророк»²⁴⁵. Да будут, Господи, эти теплейшие мои слезы, которые проливаю в этот час я, смиренный проситель Твоей милости, духовным обручением будущему Царству.

Ей, сладкий мой Иисусе! Твоей богатой милости я предаю свою нищую и смиренную душу, дабы Ты ввел ее в Свою радость. Большое огорчение имею о Тебе, сладкий мой Иисусе, оттого что Ты не забираешь меня поскорее туда, где Ты – эрос моего сердца и моего веселия.

Ты, Господи, знаешь очень хорошо, что, возжелав Тебя всею душою, я возлюбил Тебя от сердца чистою и нелицемерною любовью. Эта любовь Твоя стала для моего сердца неугасимым огнем, которым всегда горит и никогда не сгорает мое сердце.

И снова к Тебе, Господи мой, возвожу я умное свое око, ожидая от Тебя всякого духовного утешения. Никогда, никогда, сладкий мой Иисусе, Владыко мой и Боже, я не перестану молить Твою любовь, ударяя тяжелыми воздыханиями сердечными и рыканиями в двери Твоего милосердия, доколе не наскучу Тебе и Ты не заберешь меня часом раньше туда, где Ты – Свет мой сладчайший. Увы, Господи, увy и горе мне! Ибо очень удалено от Тебя мое жилище. Но освободи меня, молю Тебя, Господи, в этот час от уз настоящей жизни к блаженному и нестареющему блаженству Твоего Божественного Царства. И не задерживай здесь меня, которого Ты возлюбил Своей благостью. То, что Ты, Господи, обдал жаром Своей любви, разве не прохладишь росой Своего утешения?

²⁴¹ Последование ко Святому Причащению. Стихи Симеона Метафраста.

²⁴² См.: Мк. 16, 10; Ин. 20, 11.

²⁴³ См.: Ин. 12, 3.

²⁴⁴ См.: Мк. 12, 42; Лк. 21, 2.

²⁴⁵ См.: Пс. 140, 2.

Ты оросишь, Господи, и дашь прохладу, если возьмешь меня к Себе, туда, где находишься Ты, Утешение мое.

Теперь к вам, божественным Ангелам и сослужителям моим, обращаю мое слово и спрашиваю вас не живым голосом, а потоком слез и сокрушенным сердцем. Скажите мне, где моя великая Любовь? Где, говорю, находится Бог моего сердца? Доколе Он будет оставлять меня, доколе будет обжигать меня Его любовь? Сейчас я исповедую пред вами, божественные Ангелы, боль моего сокрушенного сердца, ибо я решил в этот час не давать очам своим сна, дремания – векам своим и покоя – вискам своим²⁴⁶, доколе не наслажусь Богом моим и Богом вашим так, как желает того душа моя.

Итак, скажите мне, прошу вас, небесные Ангелы, скажите мне, где сладкий мой Иисус, Которого я возжелал всем сердцем с того часа, когда неизреченно вкусил Его благодати? Доколе Он будет скрываться от меня, доколе не приклонится ко мне Его милосердие? Он ради этой любви, приклонив небеса, сошел на землю, воплотившись от Приснодевы и светлой в душе Мариам Богоневесты. Но что случилось теперь, почему Он не является мне?

Где Ты, Иисусе мой, Иисусе мой сладчайший? Где Ты? Уже давно я не вижу Тебя, Того, Который всегда видит меня и Которого вижу я. Господи мой, Господи, да будет разорвано сейчас покрывало моей души, чтобы душа моя видела Тебя уже не как в зеркале, не как в видениях, созерцаниях и иступлениях, но явно, лицом к лицу. Чтобы она, припав в Твои святые и божественные объятия, не насытилась Тобой никогда, сладко лобзая Тебя, сладчайшего Иисуса моего и Бога моего. Ибо тогда она утолит свою неутолимую жажду Твоей любви.

Разве Ты не ответишь мне, сладкий мой Иисусе? Я вопрошаю Тебя: зачем Ты пришел на землю? Чего искал Ты в этом многоболезненном мире? Не скажешь ли мне Ты, Господи, истинная Премудрость Отца, что означает изречение из песнопения праздника Вознесения: «На раму, Спасе, заблуждшее взял естество, вознесся, Богу и Отцу привел еси»²⁴⁷? Посему возьми и меня, Господи, из настоящей жизни и, как Твое стяжание, которое Ты купил Честною Своею Кровию, тотчас поставь меня пред Богом моим и Твоим Божиим Царством. Ибо я, Господи, раб Твой (хоть и недостойный), я раб Твой и сын рабыни Твоей и наследия Твоего²⁴⁸. Ибо и я – один от Твоего стада, Господи, ради которого много пострадав, Ты, сладкий мой Иисусе, Владыко мой, освободил меня от вечного рабства горькой смерти, по Своим богатым милостям даровав мне вечную жизнь.

Ты, Господи, не берешь меня к Себе, дабы я наслаждался Тобой так, как желаю того, душа моя сильно скорбит от разлуки с Тобой. Ведь Ты, Господи, – Испытующий внутренняя моя, желание и эрос сердца моего к Тебе. Почему же Ты отдаляешь от меня Свое Царствие? Да придет, Господи, Царствие Твое ко мне сейчас. Ибо утроба моя сгорела от любви Твоей и желания Твоего наслаждения.

Что получится, Господи, если очень голодному человеку показать теплый и пышный хлеб, но не дать его в пищу? Может быть, он наслаждается тем, что видит его? Как же я насыщусь, Боже мой, Боже мой, когда Ты являешь душе моей Свою благодать на короткое время, а потом снова скрываешь ее от меня? Разве это не зной и огонь для меня? Я познал, Господи, познал и из малого и краткого явления Твоей святой благодати, которую, когда благоволишь, время от времени показываешь Своему смиренному рабу, очень хорошо уразумел, что Ты – ненасытимое насыщение всякого духовного блага.

Но теперь, Господи, когда я узнал То, Чем Ты являешься, почему Ты лишаешь меня этого и не позволяешь, чтобы я это имел всегда, вечно и присно, когда Ты переместишь меня туда, где находишься Ты – Бог сердца моего, ненасытное насыщение всякого духовного и неизреченного насыщения?

²⁴⁶ См.: Пс. 131, 4.

²⁴⁷ Вознесение Господне. Канон Утрени. Песнь 7, тропарь 2.

²⁴⁸ См.: Пс. 115, 7.

Что бывает, Господи, когда земной царь освобождает от уз осужденного человека и приводит его в свои царские сокровищницы, показывая ему все свое царское добро и обещая ему и некие иные великие и дорогие вещи, а потом снова сажает его в темницу, в которой заключенный не получает никакого утешения?

Какое утешение может иметь моя душа, сладкий мой Иисусе, сладкий нектар для моей души, когда Ты, Господь мой и Бог мой, только показываешь моей душе чудесную благодать и божественную сладость Твоего Царства (как бы разрешая меня от оков смиренного моего тела, чтобы ввести в простор Своего неизреченного Царства) и затем снова сокрываешь от моей смиренной души Свою божественную благодать, как бы запирая меня вновь в темницу этого жалкого тела?

Все зависит от Твоего веления, Господи. Все, чего бы Ты ни пожелал, исполняется тотчас. Ибо, Господи, что из того, чему Ты пожелал быть, не обрело бытия в тот же миг, как только Ты сказал и благоизволил? Ты, Господи, сказал, чтобы было сотворено небо, и тотчас стало так. Ты сказал, чтобы была сотворена земля, и она была сотворена. Слово Твое, повелевающее чему бы то ни было прийти в бытие, тут же становится делом. Сказано – сделано. Теперь, Господи, разве это великое дело – сказать одно сладкое слово и для меня, чтобы оно стало делом? Ей, Господи, сбывается, сбывается, потому что чего бы Ты ни пожелал, все сбывается. Ты Бог, Господи, и можешь сделать все, что пожелаешь. *Бог наш на небеси и на земли, вся елика восхоте, сотвори*²⁴⁹. О, если бы, Господи, то, чего возжелал от сердца Твой молитвенник, как можно быстрее дала мне Твоя благодать! Аминь! Буди!».

Но, о блаженный иерей и служитель Господень! Ты поклоняешься Тому, увидев Которого сидящим на Престоле славы и воспеваемым мириадами мириад Ангелов, пророк Исаия содрогнулся от страха. Ты беседуешь дерзновенно с Тем, на неизреченную светлость Которого не смеют взглянуть Серафимы, покрывая двумя крыльями свои лица, двумя крыльями закрывая ноги, чтобы не опалиться от огня Божества, а двумя крыльями паря благоговейно вокруг Престола Божества. Они воспевают, поют, вопиют, зывают и глаголют: *Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! небо и земля полны славы Его!*²⁵⁰. Ты берешь и прикасаешься к Тому, взять Которого и прикоснуться к Которому невозможно. И, держа в своих руках Недержимого, всеблагоговейно возглашаешь: «Вонмем. Святая святым...» – и проливаешь из обоих глаз реки и потоки слез, которыми орошаются твое лицо и борода. Когда, проливая слезы, ты держишь Того, Кто могущественно держит и тебя и всю тварь, и когда видишь Того, Кто призирает на землю, и она трясется²⁵¹, тогда, прошу ради любви, которую ты имеешь к Раздробляемому тобой и Неразделяемому, помяни меня пред Тем, Который всегда ядомый и никогда не иждиваемый²⁵².

Его, прошу тебя, умоли за меня, бедного, не имеющего и следа доброты, дабы Он во Втором Своем Пришествии, когда будет судить весь мир, обратил на меня милостивое и сладчайшее око. Ибо я, смиренный молитвенник твоей святости, верю, что твою молитву Бог всегда слышит. Но более всего Христос близок к тебе в тот час, когда ты, совершая Божественное Тайнодействие, проливаешь пред Его божественным величием обильнейшие слезы и с чистой любовью умоляешь Его за всю вселенную. Лучшего и более подходящего часа для того, чтобы ты был услышан, не существует. Ибо в этот час Святой Хлеб – так я называю Пречистое Тело Христово – еще находится в твоих устах, очи твои ручьем проливают слезы, руки твои отирают святой дискос, твой язык и твоя мысль молятся и говорят: «Отмый, Человеколюбче, грехи, беззакония, прегрешения zde

²⁴⁹ Пс. 113, 11.

²⁵⁰ Ср.: Ис. 6, 1–3.

²⁵¹ См.: Пс. 103, 32.

²⁵² Божественная Литургия святителя Иоанна Златоустого. Молитва священника на раздробление Святого Агнца.

поминавшихся рабов Твоих (того-то и того-то)»²⁵³. Потому прошу тебя, служитель Вышнего, тогда замолви Христу словечко и обо мне и урони одну каплю слез о моей отчаявшейся душе. Ибо одной силой обладают твои чистые слезы, которые ты проливаешь на святой престол в этот час, и другой силой обладают мои слезы, скудные и не имеющие дерзновения. Потому что слезы, которые грешник проливает о своих грехах, подобны слезам блудницы, мытаря и прочих грешников, которые едва спаслись благодаря им. Но слезы, которые о любви Христовой проливает во время Литургии праведный, достойный и безукоризненный иерей, гораздо более честны и приятны Самому Христу. Такими были слезы Преславной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и слезы святого Иоанна Богослова, которые он пролил при распятии Христовом.

Но Ты, Господи Иисусе Христе, эрос, любовь, веселие и неизреченная сладость всех, любящих Тебя от всей души, умоляемый этими слезами, очисти и нас от всякого беззакония и греха и паче снега убели нашу потемневшую душу. Аминь.

Иногда чистый иерей и достойный служитель Господень, облачившись в священнические ризы и совершая священнодействие, в исступлении видит себя подобным пламени огня. Как только он узрит это видение, тотчас тает от умиления его сердце. Потому, доколе не закончит Божественной Литургии, он все пребывает в умилении. Так нам однажды рассказал некий иерей, которого после Божественной Литургии спросили, почему он во время великого входа на Херувимской песни, обходя с Дарами храм²⁵⁴, пришел в такое умиление.

«Когда,— сказал он,— положив крестное знамение, я возложил на свою главу святой дискос, придерживая его левой рукой, и произнес: «Взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне»²⁵⁵, нечто уязвило мое сердце, и оно (мое сердце) затрепетало внутри с неким духовным ликованием. Снова же сотворив правой рукой крестное знамение, я взял в правую руку святой потир и, встречая его, произнес: «Сила. Святый Боже»²⁵⁶. При слове «Боже» снова возрадовалось радостью мое сердце, что и подвигло меня на умиление. Поворачиваясь с Дарами, чтобы выйти из алтаря для совершения входа, я смотрел перед собой со страхом и радостью. И в тот момент, когда я был крайне внимательным, смотря вперед, вот, вижу себя всего подобным огню. То есть мне показалось, что я весь, от ног до головы, был огнем, очень красным, таким, каким ночью кажутся раскаленные угли. Одновременно с этим вот я вижу снова себя подобным огненному пламени. То есть я весь был не просто горящим углем и не просто огнем, но одновременно и в то же самое время я был и чистым огнем, исходящим от раскаленных углей, и пылающим огненным пламенем. То есть я был и как огненное пламя. Я видел, что это пламя исходило из меня и возвышалось прямо над моей головой почти на аршин вверх. Я видел, что посередине этого пламени я держал дискос. Видя это, я изумлялся. Ибо во время созерцания я не знал, что это исступление. Но мне казалось, что это действительное явление, потому я пребывал в удивлении и восхищении.

Увидев это, вот я снова пришел в себя и тогда помыслил о том, что же это было, виденное мной. Размышляя, я понял, что это то, о чем говорит священный Пророк: *Творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный*²⁵⁷. Тогда я из явленного исступления

²⁵³ Молитва священника (диакона) при погружении в Кровь Христову частиц, лежавших на дискосе. Полный текст молитвы в славянском тексте Божественной Литургии: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею Честною, молитвами святых Твоих». Греческий вариант отличается незначительно: «Отмый, Господи, грехи зде поминавшихся рабов Твоих Кровию Твоею Святою, молитвами Богородицы и всех Твоих святых».

²⁵⁴ В Греции во время и малого, и великого входов священник обходит весь храм. Вероятно, это более соответствует древней практике.

²⁵⁵ Пс. 46, 6; также причастен праздника Вознесения Господня.

²⁵⁶ В Греции во время пения «Святый Боже» на Литургии, перед последней завершающей фразой «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас» диакон, выйдя в царские врата, возглашает: «Сила!».

²⁵⁷ Пс. 103, 4.

понял, что служители Господни, как мы называем достойных иереев, умно в душе являются пламенем огненным.

Как только я помыслил об этом, внезапно ко мне пришло такое великое умиление, что от слез ослепли очи мои и я не мог свободно идти на вход. Поэтому когда я вышел из алтаря и начал возглашать: «Всех нас да помянет Господь Бог наш во Царствии Своем»²⁵⁸, то от великого умиления, исходившего, истекавшего и скакавшего подобно роднику из моего сердца, не мог этого произнести.

Приложив большое усилие, я произнес эти слова с великим умилением. Когда же начал говорить: «Священство наше да помянет Господь Бог наш во Царствии Своем», не мог этого произнести из-за безмерного умиления, которое исходило из моего сердца чудесным образом. Понудив же себя силой произнести эти слова вслух, совершенно в этом не преуспел. Потому я вошел во святой алтарь, молча устами, но духом вопия и слезно взывая ко Христу: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем». Этого Царствия да сподобимся все мы благодатию и щедротами и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава всегда. Аминь».

Слово девятнадцатое

На слова: сего ради помаза Тя, Боже, Бог Твой елеем радости паче причастник Твоих²⁵⁹. Также о том, кто суть причастники Христовы, помазанные елеем радости, и по каким духовным знамениям может кто-либо понять умом то, что он помазывается елеем радости.

Благослови, отче

Поскольку (говорит Пророк) Ты, Христе, возлюбил правду, которая видится в общей любви к ближнему Твоему, и возненавидел беззаконие²⁶⁰, которое усматривается в созданном по образу и по подобию Божию,— Тебя, Боже, хранящего совершенную чистоту, помазал Бог Твой елеем радости более причастников Твоих, то есть Твоих святых и последователей.

Теперь рассмотрим здесь, как Бог и Отец помазывает елеем радости, что это за елей радости, о котором говорится, и кого Он помазывает больше, а кого меньше, и почему Он помазывает их.

Когда Небесный Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа послал в мир Своего Единородного и дорогого Сына, помазал Его елеем радости более всех святых, которые тоже помазываются Богом елеем радости за свою чистоту и справедливость. А те слова, что Отец помазал Христа елеем радости более всех святых, означают великую любовь Отца ко Христу по причине единой сущности и совершенного послушания, которое Христос сотворил Своему Отцу. Поэтому Отец помазал Его елеем радости более причастников Его. Ибо кого Он любит больше, того и помазывает больше, и богаче оделяет дарами.

Ибо когда Господь наш Иисус Христос телесным образом был на земле, Он явил такой благодатный и сладчайший лик тем, кто взирал на Него нелукавым сердцем, что у тех, кто вкусил душой хотя бы раз сладость слов Христовых, которые Он произносил Своими пресвятыми устами, и был привлечен благодатью Его прекрасного лица, благодать эта уже не могла быть изглажена из мысли и сердца. Ибо настолько неизреченно и боголепно изливалась на Христа благодать (*излияся*, сказано, *благодать во*

²⁵⁸ Согласно греческой традиции, по окончании Херувимской песни диакон со священником, совершая вход, при полной тишине распевают эти слова, шествуя через весь храм к Царским вратам.

²⁵⁹ Пс. 44, 8.

²⁶⁰ См.: Пс. 44, 8.

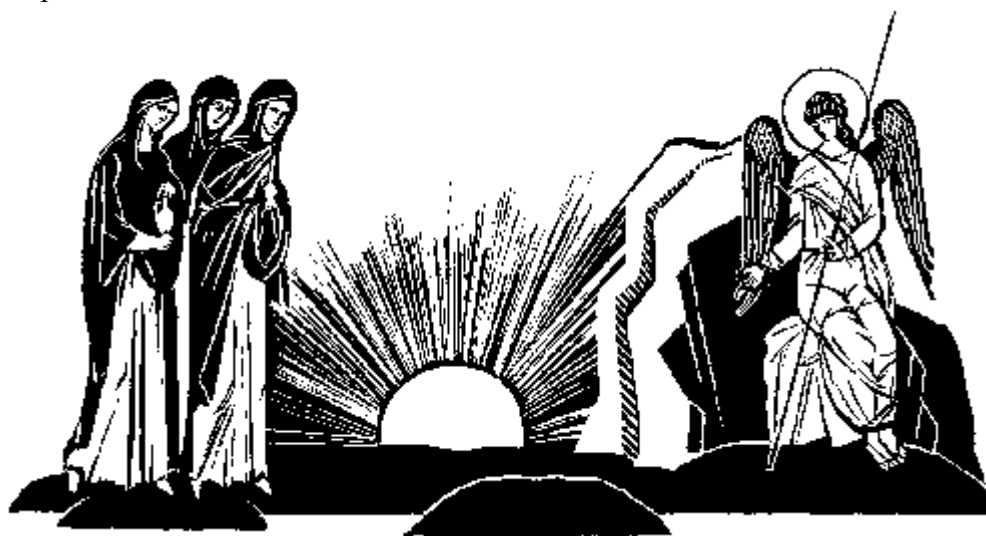
устах Твоих²⁶¹), настолько изобильно она почивала на Нем, что щедро и обильно передавалась от Самого Христа тем, кто искренно слушал Его и последовал за Ним всей душой.

Поэтому сказано: *паче причастник Твоих*, то есть: более причастников Твоих. Каждый из причастников Христовых и Его последователей помазывается Небесным Богом согласно его жажде Христа. Ибо из многих мест Священного Писания, из многих житий святых, где говорится о благодати, мы слышим, что она почивала на святых еще в этой жизни.

Вонми, слушатель, тому, какова эта благодать, или, лучше сказать, чем является то, что называется *елеем радости*, который имеют и имели в своей душе причастники Христовы, то есть последовавшие за Ним прежде и следующие за Ним ныне. Послушай, читатель! И из слова пойми суть дела. Ибо сказано: *елей радости*, и тем самым как бы подразумевается духовная благодать, которая вызывает неизреченную радость и божественное веселие у того, кто сподобляется ее.

Когда христианин строго соблюдает заповеди Христовы, тогда он становится возлюбленным Небесного Вседержителя Бога и Господа нашего Иисуса Христа. По этой причине Христос являет ему Себя Самого, как сказано: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам*²⁶². Христос, как мы верим и очень хорошо знаем, есть сладость и неизреченное наслаждение наших душ.

Потому когда явит Себя нам, тогда приобщает нас и дает нам участие в Своем неизреченном наслаждении и Своей божественной сладости. А происходит это следующим образом.

Если ты приблизишь к своему обонянию несмешанное, чистое и благоуханнейшее миро, то приобщаешься его благоуханию и радуешься ему. То же происходит и тогда, когда нам являет Себя Христос (читающий да понимает это и чувственно и духовно, и на душе и на теле): мы приобщаемся Его благодати и Его веселия. И снова, те, которые обоняли, вдохнули в себя благоухание, приобщились и опьянели от благодати Христовой, то есть те, которые помазаны Христом елеем радости, приобщают и нас и передают нам некоторую часть той неистощимой духовной благодати, которую сами получили от Христа. Так, когда поднесешь свою руку к несмешанному миру и погрузишь в него, то и рука чудесным образом будет издавать благоухание подобно миру и радовать тех, кто чувствует этот запах.

Одно благоухание дает нашему обонянию само миро (то есть одно благоухание дает нашей душе Христос), и другое благоухание нашему обонянию подает то, что было

²⁶¹ Пс. 44, 8.

²⁶² Ин. 14, 21.

погружено в мир. То есть другую благодать подают нашим душам святые Христовы, которые были обласканы Христом и помазаны в своем внутреннем человеке елеем радости. А это (то есть тот факт, что святые, обласканные Христом, чудесным образом даруют благодать тем, кто благоговеет пред ними и почитает их) является знамением святости тех, которые ходили прямым путем Господним. Этим знамением благоухания и духовной благодати Христос прославляет их среди людей. Потому что когда ты видишь, что их мощи и тела так благоухают, не будучи помазанными ничем благовонным, и подают душе такую благодать и радость, что ты приходишь в изумление и восхищение, – о чем это говорит и что знаменует собой, как не их близость и причастность ко Христу – Начальнику неизреченного благоухания и неистощимой благодати?

Теперь ты видишь, что те, чьи мощи благоухают, находятся рядом со Христом, являются Его друзьями, общниками и причастниками Христовых радости и веселия? Теперь посмотри, как во святых действует благодать Христова, когда они еще находятся в этой жизни.

Господь наш Иисус Христос – праведнейший Судия, потому что каждому воздает в соответствии с добродетелью, которой тот обладает. Воздаяние Его настолько правильно и справедливо, что даром Он не дает даже волоска. В этом ты уверяешься из того, что Христос сказал матери Иоанна и Иакова, сынов Зеведеевых, которая просила Христа, чтобы ее сыновья воссели один по правую Его сторону, а другой по левую. Ибо Христос сказал ей: *Это не от Меня зависит, но кому уготовано*²⁶³. Смысл же этого таков: «О женщина, то, что ты просишь, чтобы Я для тебя сделал, бывает не так. Ибо Я, как праведный Судия, по правую сторону от Себя желаю посадить Свою Пречистую Матерь, а по левую – Своего Крестителя Иоанна. Ибо они во много раз превосходят твоих сыновей в добродетели и святости. Сын твой Иоанн – чистый и девственник, и поэтому Я люблю его больше всех остальных Своих учеников. Но Моя Матерь гораздо чище его и святее. Поэтому Саму Пречистую Матерь Свою Я, как Свою Матерь и Царицу, посажу по правую сторону от Себя. Ибо о Ней говорит Писание: *предста Царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна преиспещрена*²⁶⁴. И Иаков тоже добр, добродетелен, и жителство его нравится Мне. Но весьма более добродетельный и лучший его тот, *большой которого не восставал из рожденных женами*²⁶⁵. Это Иоанн, Креститель Мой, которого я желаю посадить в Своем Царстве по левую сторону от Себя».

Поскольку Бог судит с большой справедливостью, то ближе к Себе Он сажает того, кто добродетельнее остальных. А кого сажает рядом с Собой, тому и благодати дает больше и щедрее, чем остальным. Ибо Он больше изливает на него елей радости, чтобы этим самым лучше известить его о том, что имя его записано в Книге жизни и что он пребудет с Богом по окончании жизни настоящей. Посему сказано: *Тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах*²⁶⁶. Он говорит «на небесах», а не «на небе», чтобы показать различные степени славы, которую каждый получит согласно своим добродетелям. Слова же «паче причастник Твоих» просто как бы говорят следующее: одного в этой жизни Бог обильно помазывает елеем радости, другого же – скудно. Каждого человека Он помазывает согласно его подвигу, его добродетели и его смирению. Этим Он уведомляет каждого, чтобы тот сделал вывод, на каком небе написано его имя, то есть какую славу он получит, когда покинет эту жизнь. Узнает же каждый, что его душа вкусила елей радости, по знамению, о котором я скажу.

Доколе человек не вкусил умно в своей душе и некоторым чувственным образом в своем сердце этот елей божественной радости, он тяжел по отношению к божественному,

²⁶³ Мф. 20, 23.

²⁶⁴ Пс. 44, 10.

²⁶⁵ Ср.: Мф. 11, 11.

²⁶⁶ Лк. 10, 20.

незрел и горек в духовном, труднодвижим к богоугодным делам, и сердце его весьма холодно. Оно холодно как по отношению к Богу, так и по отношению к святым. Когда человек вкушает пищу без масла, то пища кажется ему невкусной. Но если он польет ее маслом, она покажется ему вкусной и желанной. Так и человек, не помазанный в душе этим елеем радости, холоден и неудободвижим для слова Божия. Поэтому в мире много таких людей, которых тяготит слово Божие, а наиболее же пост, который является первой заповедью Бога и которым угодили Богу все святые. И некоторые настолько тяготеют словом Божиим и постом и не принимают поста, когда кто-либо говорит им, чтобы они постились, как будто бы им на спину возложили мешок, полный песка или очень тяжелого свинца. И я не знаю, как они забыли то, о чем говорит Христос: *Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко*²⁶⁷.

Но это происходит с ними по справедливости, потому что в их сердце нет благодати Божией. Посему они тревожатся, и делание заповедей Божиих кажется им трудным.

Но тот, кто сначала понуждал себя к слову Божию (*От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его*²⁶⁸), и возжелал погубить себя ради любви Божией, и, так спасая свою душу, получил в душе благодать Божию, а в сердце – елей радости, что мы называем обручением Небесному Царству, то есть получил в своей душе Духа Святого, – такой человек ревностен в слове Божиим. Он неленостен и ревнует о духовном. А таковым он является потому, что как только вкусит его душа благодати Божией, и сердце в это же время вкусит елей радости, который возвеселяет, умиротворяет и услаждает как его внутренние чувства, то есть внутри его тела, так и чувства его души: он становится весь радостью и весь веселием, что отражается на лице его сердца и лице его тела.

А это то самое, о чем сказано: «Возвеселити лицо в елее»²⁶⁹. И в другом месте: *Сердцу веселящуся, лице цветет*²⁷⁰. Скажи мне: крайний воздержник, который сияет от духовной радости и веселия, истекающего из его души, постник в земных пище и питии, – каким он представляется суждению твоего сердца и рассуждению твоего ума? Разве не кажется тебе, что это происходит от благодати Божией и утешения Святого Духа?

Ей, это истина! Ибо если кто-либо, одержимый ревностью, страстью зависти и высокоумия (какими были иудеи, действовавшие против Господа), притворяется, будто не понимает, по какой причине это произошло с ним, и посему молчит или говорит то или другое, согласно своей страсти против подвижника, то тогда бессловесные животные самым делом засвидетельствуют истину, согласно слову Господню: *если они умолкнут, то камни возопиют*²⁷¹. Потому что даже дикие и лютые звери, как только увидят лик такого [исполненного благодати. – *Ред.*] человека или услышат его голос, делаются у него ручными и становятся безобидными, как ягнята, потому что благоговеют пред его ликом, видом и голосом.

Но все это относится к елею радости Божией. Теперь же поговорим немного и о елее диавольском. Бог умащает Своим божественным елеем главу человека (*умазтил еси елеем главу мою*²⁷²), то есть благодать Святого Духа услаждает мысль чистого и мудрого человека и этим духовным наслаждением укрепляет его на всякое духовное дело и святое предприятие, а диавол умащает своим нечистым елеем главу распутного и блудного человека. То есть он услаждает его мысль плотским и подвигает его на совершение тех постыдных дел, о которых, по божественному Павлу, *стыдно и говорить*²⁷³. Об этом диавольском елее Пророк говорит следующим образом: *елей же грешного да не*

²⁶⁷ Мф. 11, 30.

²⁶⁸ Мф. 11, 12.

²⁶⁹ Ср.: Пс. 103, 15.

²⁷⁰ Притч. 15, 13.

²⁷¹ Лк. 19, 40.

²⁷² Пс. 22, 5.

²⁷³ Еф. 5, 12.

намастит главы моя²⁷⁴. Ибо диавол, чтобы надежно уловить человека в свои сети и с легкостью привлечь к себе, сначала ласкает его голову. Сперва он помазывает его голову, то есть его мысль, «елеем» сладострастия, который мысли человека действительно представляется елеем, то есть сладким. Но в действительности он не сладок как елей, а более похож на деготь, который горче желчи. Диавол сначала услаждает, как мы сказали, мысль человека сладостью похоти. А когда мысль с радостью примет прилог сласти, то есть победится плотским любопытством и насладится им, тогда похоть диавольская тотчас опускается до самого сердца. И когда укоренится в сердце человека плотская похоть, а лучше же сказать, диавольская похоть, тогда посредством сердца человека диавол, когда бы ни пожелал, подталкивает его к блуду.

Об этом самом говорит Христос: *кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*²⁷⁵. Когда же произойдет это с человеком и сладострастие укоренится в его сердце, то диавол, когда бы того ни захотел, впоследствии легко подталкивает его к телесному блуду, что является смертью души.

Поэтому и божественный Апостол говорит следующее: *каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть*²⁷⁶.

Чтобы не дойти до этого, пусть человек сразу же отвергает от своей мысли и от своего сердца сладострастие и злую похоть, которая называется елеем диавола, то есть предтечей греха и дорогой блуда. И пусть говорит Богу, молясь от сердца и со слезами: *«Елей же грешного да не намастит главы моя»*²⁷⁷. Покрый меня, Боже мой, благодатью Своею и не попусти, Господи мой, злой похоти укорениться в моем сердце. Наипаче же, Боже мой, помажь сердце мое елеем радости, а на главу мою пролей елей чистоты, дабы усладились беседа моя в Твоей памяти, в Твоем поучении, чтобы день и ночь поучаться мне в законе Твоем. Ибо всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше от Тебя, Отца светов. И Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Единому Божеству, в трех Лицах нераздельно обретающемуся, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Слово двадцатое

О том, какой духовной благодати сподобляется в душе и какую силу на диавола и помощь получает тот человек, который молится ко Христу умно и непрестанно, с чистой совестью, то есть говорит своим умом: «Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Бога Живаго, помилуй мя» – один раз на каждый вдох, сохраняя в то же время свою совесть чистой посредством воздержания от всякого зла и творения по силе всякой добродетели. Из глубины же своего сердца он произносит эту молитву до боли, то есть пока не возникнет она в том месте, где происходит делание этой молитвы. А после прекращения сердечного понуждения в молитве он снова начинает спокойную молитву, пока не придет в себя та часть его внутреннего человека, которая от молитвы с понуждением испытывала боль. Когда же это место восстановится, человек снова начинает сердечную молитву из глубины себя, сохраняя в себе такую молитву на протяжении всей жизни.

Благослови, отче

²⁷⁴ Пс. 140, 5.

²⁷⁵ Мф. 5, 28.

²⁷⁶ Иак. 1, 14–15.

²⁷⁷ Пс. 140, 5.

Желаешь ли ты, о монах (ибо настоящая книга написана более для тебя, распятого миру, — согласно словам: *для меня мир распят, и я для мира*²⁷⁸, — чем для мирянина), вкусить в себе благодати Господней? То есть желаешь ли ты, чтобы благодать и сладость Господни потекли в твоей душе и усладились ими душа твоя? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из глубины своего сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы сердце твое вкусило нектар Господень еще в этой жизни? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из глубины своего сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, посредством божественного откровения как в зеркале увидеть красоту и божественное благородство своей души? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы просветились очи твоего ума, а лучше сказать, чтобы открылись очи твоей души, которыми ты увидишь то, чего не видело око?²⁷⁹ Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, услышать то, чего не слышало ухо?²⁸⁰ Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, постигнуть те неизреченные, небесные и непостижимые предметы Небесного Царства, которые обещал нам Христос во Святом Своем Евангелии? Желаешь ли ты на деле хотя бы в малой доле постигнуть, что это такое? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы в душу твою вселился Христос и показал тебе то, чего не ведает видимый мир? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы тебя возлюбил Вседержитель Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, приять в себе чувство будущих благ? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, стать возлюбленным другом своего Христа? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы сатана при виде тебя боялся тебя и трепетал пред тобою? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, не попасть в скрытые и высокие сети диавола? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, соделать лукавство своего врага сатаны несвоевременным и бесполезным? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, всегда обманывать того, кто всегда старается обмануть тебя своим лукавством? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, возрадоваться, видя отмщение своему врагу, который некогда ранил твое сердце своими мерзкими стрелами? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, каждый час пронзать того, кто каждый час пронзает тебя? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, поражать стрелою своего лютого врага, который из преисподней невидимо поражает тебя стрелою? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, сильно поколебать и сотрясти сатанинскую силу? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, атаковать сатанинские полчища и на вечное свое поминовение одержать преславные победы? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

²⁷⁸ Гал. 6, 14.

²⁷⁹ См.: 1 Кор. 2, 9.

²⁸⁰ См.: 1 Кор. 2, 9.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы душа твоя побеждала и праздновала победу над боевыми порядками всех лукавых духов? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, не только по наружности казаться для диавола страшным и весьма ужасным, но и быть таким на самом деле? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы демон блуда, убегая от тебя, был разрублен на куски? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, проходя между демонов, ослеплять их глаза так, как ослепляют глаза своих врагов красным перцем, и таким образом оставаться целым и невредимым? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, посмеиваться хитросплетениям диавола и попирать его лукавство, словно уличную глину? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы демоны боялись тебя так, как воробьи боятся орла, а четвероногие – льва? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, разбить наголову умопостигаемого, невидимого и лукавого Амалика, то есть диавола, и уничтожить его? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, стяжать в своем сердце Христа и увидеть Его, насколько это возможно для тебя, посредством некоего божественного исступления и созерцания? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы живущий в тебе Христос, Единородный Сын и Слово Божие, в Котором ты поучаешься непрерывно, открыл тебе Своего Небесного Отца и Бога, дабы ты таинственно постиг Его? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, постичь, что Христос благ, кроток, терпелив и сладок для Своих друзей? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, постичь, что такое Царство Христово? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы ум твой закружился и изумилась твоя мысль тому, что они увидят по благодати Христа, истинного Бога нашего? То есть желаешь ли ты, о монах, изумляться и восхищаться тому, что откроет тебе Христос? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть то, какую умопостигаемую благодать дает Христос Своим рабам? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, находясь в мире, в сердце сражаться с миром так, чтобы не знали люди того, как ты воюешь с ним? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, телом находиться на земле вместе с людьми, а душою вместе с Ангелами Божиими водворяться на небе, то есть, подобно Ангелам, славословить Его непрестанно? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, зреть долу, помышлять же о горнем? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, проходить посреди сетей диавола и не попадать в них, подобно птице, которая парит в воздухе выше силков, простираемых тобой на земле? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, одурманивать мозги и рассудок демонов, как дым одурманивает пчел? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, соделать для своего невидимого врага страшную и неожиданную засаду? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, расточить при аде²⁸¹ всякое демонское действие и соделать, чтобы диаволы, невидимо бичуемые силой твоей молитвы, визжали подобно заколаемым свиньям? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы Дух Божий вселился в твоём сердце и упокоился в нём, дабы при Его помощи корабль твоей души отправился в счастливое и безопасное плавание? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, быть, согласно своему обету, истинным рабом Христовым и чтобы Христос, как истинный твой друг, утешал тебя среди искушений? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, то, что ты слышишь из Священного Писания о рае и аде, уразуметь посредством божественного откровения? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, понять, как человек, если сохранит то, что заповедует нам Христос, станет умопостигаемым раем, а если не сохранит – умопостигаемой мукой? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть себя там, где находится то, о чем написано в Священном Писании, и неизъяснимым образом уразуметь то, чего посредством пера, по причине недоступной для ума высоты, не могли нам передать учителя Церкви? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть, принял ли ты в свою душу Святого Духа, и узнать, записано ли твое имя в Книге жизни? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы Христос распялся в твоём сердце и научил, чтобы ты распинался для мира и мир для тебя, согласно божественному Павлу, который говорит: *Для меня мир распят, и я для мира*²⁸²? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы благодать Господня хранила тебя *от всякой вещи, во тьме преходящая*²⁸³, и чтобы белые как снег небесные Ангелы невидимо сопровождали тебя? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, услышать слухом души небесные славословия и уразуметь некоторым образом на деле, однако отчасти, то, как будешь славословить ты своего Небесного Творца, когда сподобишься Его Царства? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, уразуметь, что такое небесная манна, то есть неизреченный и сладчайший вкус Христа, Господа славы? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, уразуметь то, как святые сияют на небе и каковы их одеяния? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, понять, каковы умопостигаемые селения святых Божиих и как святые насыщаются славой Господней? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, сам стать умопостигаемым раем Господним, то есть во мгновение ока неизъяснимым образом увидеть в своей душе райские блага? То есть желаешь ли ты, о монах, стать храмом Бога Живого и уразуметь то, как ты стал им поистине? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, в откровении Божиим увидеть, какова душа человека сама по себе, и прийти в изумление, удивляясь премудрости Бога, которую Он показал в этой душе? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

²⁸¹ См.: Пс. 140, 7.

²⁸² Гал. 6, 14.

²⁸³ Ср.: Пс. 90, 6.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы из твоего сердца, как из некоего источника, истекали реки воды живой, божественные изречения и духовные мысли? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, понять, что душа твоя испила от этой живой воды, которой Христос напоет тех, кто любит Его и сохраняет Его заповеди для обручения Его Божественному Царству? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы слова Священного Писания и твоей гортани, и твоему языку показались слаще меда, согласно пророческому слову: *Коль сладка гортани моему словеса Твоя: паче меда устом моим*²⁸⁴? Непрерывно, умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, наслаждаться благодатью Господней, чтобы твоя душа вкушала благодать, которая заключена в святых Христовых заповедях? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, стать избранным сосудом благодати Христовой, то есть сосудом Святого Духа, и уразуметь, что ты поистине стал таковым? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, стать матерью и братом Христа, Который говорит: *Матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его*²⁸⁵? То есть желаешь ли ты, о монах, чтобы в твоем сердце вселился Христос, не телесным образом, но духовным, и чтобы ты стал как бы матерью и братом Христовым? Желаешь ли ты все же, о монах, постигнуть то, как ты стал матерью и братом Христовым? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, быть поистине монахом согласно своему имени? Люби от сердца только Христа. Мы говорим: молись всегда от сердца своему Христу.

Желаешь ли ты, о монах, войти в сокровищницу Христову, где находится то, что невыразимо для человеческого слова, и увидеть там то, от чего недоумевает всяк язык, желающий поведать о том? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы Христос явил тебе таинства Своего Божественного Царства, от которых затмевается всякий ум, желающий помыслить о них? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы везде присутствующий Христос, истинный Бог наш, в Котором ты поучаешься непрестанно, неизреченно утешал тебя во всякой скорби и чтобы тихо и благожелательно посещала тебя благодать Его? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, понять на деле, что само духовное делание умной и сердечной молитвы есть венец всех добродетелей и самая мощная сила в твоей душе и что без нее никто не сподобляется увидеть невидимые и духовные вещи? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы рассеялся у тебя как дым всякий лукавый помысл и движением твоего духовного делания обратились в бегство целые демонские полки? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы демоны сражались с тобой более, нежели со всеми другими людьми, но совершенно не могли тебя одолеть, и чтобы их стрелы пред твоим божественным деланием вменились в стрелы младенца? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

²⁸⁴ Пс. 118, 103.

²⁸⁵ Лк. 8, 21.

Желаешь ли ты, о монах, разрушить сатанинские козни подобно паутине и посмеяться, как над рабами, над слугами сатаны, то есть демонами? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли и пока не обессилеешь.

Желаешь ли ты, о монах, ослабить силу тех, кто всегда усердно трудится, чтобы ослабить силу твоей души, и постыдить тех, кто старается, чтобы ты был постыжен пред всем небесным, земным и преисподним творением? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы демоны при встрече с тобой прятались от тебя, доколе ты не пройдешь, страшась обитающей в тебе благодати Господней? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, когдаходишь внезапно и неожиданно в середину сатанинского скопища, где собраны владыки демонов, так сильно бить их жезлом имени Господня, чтобы эти владыки демонов не могли молча терпеть сильную боль и сотворили великий плач и безмерный вопль, рыдая о своем бедствии? Желаешь ли ты, говорю, чтобы это неизбежно происходило с демонами, твоими врагами? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, проходя чрез демонскую стражу (то есть там, где демоны одерживают легкие победы и устанавливают свои многочисленные трофеи), установить там свои трофеи и символы светлых побед? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли и пока не обессилеешь.

Желаешь ли ты, о монах, рассечь (понимай это духовно) на мельчайшие части своих невидимых и незаметных врагов очень острым, обоюдоострым мечом, которым является имя Божие? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, выпустить свои духовные стрелы в сердце денницы и низвергнуть страшные молнии на полки окаянного ада? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, жгучим огнем зажечь диавольские жилища, которые от гнева Господня вспыхивают подобно хворосту? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли и пока не обессилеешь.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы демоны боялись тебя как мужественного и именитого воина Небесного Царя? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, своей молитвой исторгнуть из недр ада мучимую душу? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы из твоих очей проливались ради Христа слезы, а твоя утроба горела любовью Христовой, и по этой причине ты бы, по слову Пророка, который говорит: *рыках от воздыхания сердца моего*²⁸⁶, – рыкал от сердца к Самому Христу? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли и пока не обессилеешь.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы радостотворная печаль никогда не покидала твоего сердца, а душеспасительные слезы – твоих очей? Те душеспасительные слезы, которые паче снега убеляют твою душу. Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы, где бы ты ни находился и где бы ни жил, твой помысл всегда пребывал в мире относительно душевных твоих движений, а совесть не обличала бы тебя за твою молитву? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы Бог всегда помнил о тебе и охранял тебя невидимым ополчением Своих святых Ангелов? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли и пока не обессилеешь.

²⁸⁶ Пс. 37, 9.

Желаешь ли ты, о монах, из состояния тьмы, то есть когда душа твоя далека от Божиего утешения, тотчас стать светом, то есть сразу же, без промедления, увидеть в себе утешение Божие? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы твоя мысль вращалась в невидимом, божественном, небесном и духовном? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы не тело твое чувственным образом, но душа в исступлении пела «Христос воскресе» в знак того, что благодатью Христа, Воскресшего из мертвых, воскресла твоя душа от гроба страстей, то есть при помощи Господа твоя душа стала бесстрастной? Желаешь ли ты, о монах, увидеть это в себе? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, беседовать с невидимыми духами не только всегда мысленно и втайне, но иногда беседовать с невидимыми духами и духовно, то есть чтобы душа твоя иногда беседовала с невидимыми духами так, как сами невидимые духи беседуют между собой? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть своими умными очами благодать Божию, подобную молнии, блеснувшей в твоей душе? Увидеть ее так, как телесными очами ты видишь вещественную молнию, блистающую в облаках? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы дух твой был утешен Духом Божиим и чтобы никакая ни чувственная, ни видимая, ни невидимая тварь не могла отлучить тебя от твоего Христа? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть, как прекрасен Христос, Который *красен добротою паче всех сынов человеческих*²⁸⁷? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть непостижимую божественную красоту Богородицы, Матери Иисуса – Вседержителя Бога? Молись из сердца, доколе оно не сокрушится, то есть до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы Иисус взирал на тебя любящим оком, чтобы любила тебя Мать Иисусова и утешала тебя Их благодать? Сердцем сокрушенным молись ко Христу своему, то есть молись из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы неизъяснимым образом тебе явился Христос и чтобы явилась тебе Мать Божия, Владычица Ангелов, Царица Архангелов, Радость всех святых, благолепие, украшение и благоухание рая? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы душа твоя была привлечена прекрасным видением Иисуса и Всенепорочной Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии, Богоотроковицы и Невесты Невестной? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли, наконец, ты, о монах, чтобы при взоре на святую икону Христа и Божией Матери очи твои проливали теплейшие слезы? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли. Аминь.

Сладчайшее видение об этой книге бывшее писателю после того, как он при содействии благодати Божией написал ее

Как-то я встал в полунощное время, чтобы совершить по четкам последование ко Святому Причащению, дабы после «Честнейшей» начать приготовления к Литургии²⁸⁸.

²⁸⁷ Ср.: Пс. 44, 3.

²⁸⁸ Согласно общей практике для монахов, придерживающихся традиций исихазма, молитвой Иисусовой может заменяться не только последование ко Святому Причащению, но и все церковные службы, за исключением Божественной Литургии. Поскольку Литургия непосредственно следует за Утреней и Часами, то, видимо, автор этой книги собирался совершить входные молитвы и Проскомидию после пения «Честнейшей».

Вечером предшествующего дня я подъял чрезвычайный телесный труд, после которого, потому что понуждал до боли свое сердце к молитве, лишился не только телесных сил, но и душевных. По этой причине я не смог даже поужинать и лег спать голодным и уставшим.

Итак, когда в полночь я восстал от сна, слабость моего сердца и тела еще не прошла. То есть грудь моя еще не оправилась от боли, которую получила от понуждения молитвы, и тело не отдохнуло от прежних огромных трудов. Поэтому я, будучи не в силах стоять, по своему обычаю, сел лицом на восток. Сидя так, я, по причине, о которой сказал выше, занимался молитвой без сильного понуждения, однако не без боли в груди и тяжелых сердечных вздохов. Но, болезнуя, я часто вздыхал из глубины себя, вспоминая об изобретательной злобе демонов, о своем собственном недостоинстве и о всех своих остальных долгах, по причине которых я каждый день являюсь пред Богом должником, но не оплачиваю своих долгов так, как нужно.

Таким образом прошел почти час, и тогда я, сидя, погрузился в сон. И тотчас в видении я узрел некие таинственные вещи, говорить о которых я не в силах потому, что путается мой язык. Некоторые из них, как только я пришел в себя, покинули мою память, будучи весьма высокими и непостижимыми. Но несмотря на то, что мысль моя возвращается в них, а их образ запечатлен в моей мысли,— несмотря на это, язык мой не в силах поведать о них так чисто и подробно, как они изображены в моей мысли. Однако насколько хватит моего скудного знания и насколько сможет мой варварский язык, я говорю и глаголю.

Итак, в видении мне предстал Господь наш Иисус Христос, наш мириады раз желанный и сладчайший Архиерей, Который был облачен в архиерейские ризы и священнодействовал, в точности следуя церковному уставу. Но и Сам Христос, и Его облачения казались непостижимыми.

Я, ничтожнейший, и мой старец служили вместе со Христом. Но Христос странным образом Сам был и Приносящим и Приносимым²⁸⁹. Ибо Сам Христос, несмотря на то что мы по видимости служили вместе с Ним, несмотря на это, говорю, Он Сам чудесным образом был Тем, Кому мы служили. Служил же вместе с нами и некий диакон. Когда он поминал имена христиан, Христос приклонял к состраданию Свои утробы. Если же выразиться более ясно, то, по изречению Пророка, говорящего: *приклони, Господи, ухо Твое, и услыши мя*²⁹⁰, Христос, приклонив Свое ухо в сторону диакона, говорил: «И сии пусть примут участие в Моем Царствии». Но познать, кто был этот диакон, я не смог.

Из братства моего старца некоторые присутствовали на Литургии. Из них лица двух братьев (которых я знал очень хорошо) были подобны лицам Ангелов и сияли благодатью Божией. От их лиц исходили яркие золотистые лучи. Их вооружение, то есть их схима, схимнический крест и тот крест, который они держали в руках, сияли ярче молнии. А одежды, бывшие на них, я не могу описать словом, и не смог бы, даже если бы был у меня язык ангельский. Но в моем развращенном рассудке и непостоянном уме запечатлен вид славы и красоты их одежд.

Я же, увидев их одежды и то, что благодать и слава их лиц превосходили всякий ум и всякую человеческую мысль, восхищался, и душа моя благоговела пред ними как пред Божиими Ангелами и друзьями Христа. Мантии же их были во много раз, как бы сказать, белее снега.

Во время Литургии мой старец был исполнен неизреченной радости, а веселие его сердца разливалось по его лицу. Я же с начала Литургии, благодаря тому что сердце мое подвинулось к умилению, все плакал от радости и умилялся к безмерной сладости своей души. Видя же пред собой сладкого моего Иисуса, Который превыше всякой сладости, я плакал. Точнее, я плакал, радуясь и изумляясь тому, что сподобился насладиться

²⁸⁹ «Ты бо еси Приносяй и Приносимый» (молитва священника во время Херувимской песни на Божественной Литургии).

²⁹⁰ Пс. 85, 1.

сладчайшим видением и явлением Иисуса, моего Владыки и Бога, тем явлением, насладиться которым уже давно желала душа моя. И сердце мое тогда горело как пламя, когда я помышлял о нем, проливая потоки слез.

Когда же я обнял Его и припал на Его пречистую и пренепорочную грудь, то почувствовал внутри, в своей утробе Духа Святого (*и дух прав обновил во утробе моей*²⁹¹, говорит Давид). Дух Святой все более и более согревал мой дух и мое сердце к эросу Иисуса моего и делал так, что в этот час я как воск таял от многого умиления, которое, будто журчащий источник, бурлило в моем сердце и заставляло мои очи проливать пред Иисусом обильнейшие и сладчайшие слезы, подобные двум ручьям прохладной и сладкой воды.

Получив же от этого некоторое дерзновение, я, ничтожный, проливая слезы, сказал, смиренный, моему Христу:

– Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем²⁹².

И услышал я от сладкокаплющего и медоточивого языка моего Иисуса:

– Да будет по слову твоему.

(О божественный, о любезный, о сладчайший Твой глас²⁹³, которым глаголяли всеистинные Твои уста, неложный Христе мой!)

Снова с благоговением сказал я Владыке моему Христу:

– Позволь мне, Господи, малому пред Тобою, сказать то небольшое, что я давно желал Тебе сказать.

И Спаситель сказал мне:

– Глаголи с дерзованием, ничего не страшась.

Тогда я сказал Ему с большим смирением и скромностью:

– Скажи мне, Господи, та смиренная книжечка, которую я написал об умной молитве, написана при помощи благодати Твоей или нет?

И Он сказал мне:

– Да! Она написана при помощи Моей благодати.

Тогда я сказал снова:

– Из чего я могу понять, Господи, что она написана при содействии Твоей благодати?

Спаситель мне сказал:

– От умиления, которое приходило к тебе, когда ты писал ее.

Я снова сказал:

– И как это, Господи? Иногда, когда я писал, ко мне приходило такое умиление, что из очей моих слезы текли ручьем. Иногда же ко мне приходило совсем небольшое умиление, и слезами орошались лишь мои веки.

Спаситель сказал мне:

– Когда ты писал, умиление изобиловало в тебе, и ты плакал, тогда глаголил в тебе Дух Мой Святой. Когда же ты писал и приходил в небольшое умиление, тогда это было посещение Моей благодати. Как только она забиралась у тебя, тотчас прекращалось и умиление. Поэтому ты и не мог писать со свободой ума, несмотря на то, что желал писать. Если же и писал, то писал без умилительной сладости мысли, отчего и прекращал писать.

Я сказал снова:

– Скажи мне, Господи, еще: почему иногда я видел умно бесчисленные духовные мысли и, видя их, с великой охотой и расположением желал их записать, однако все мысли я был не в силах поднять, отчего удерживал и записывал лишь немногие? Остальные же, несмотря на то, что я их созерцал умно, ум мой не мог удержать и описать пером. И посему имел великую печаль.

Спаситель сказал мне:

²⁹¹ Пс. 50, 12.

²⁹² См.: Лк. 23, 42.

²⁹³ Ср.: Пасхальный канон. Песнь 9, тропарь 1.

– Разве ты не ведаешь этого? Когда в видении Я показал тебе бесчисленных белых голубей, белых как снег, подобных песку морскому, ты поймал лишь очень немногих, которые летали вокруг тебя. Ты радовался тем, которых поймал, но печалился о том, почему не смог поймать больше. И как в видении с голубями, Я благоволил, чтобы об умной молитве ты написал столько, сколько человеческое естество может сотворить на деле. А остальные голуби, которых ты лишь видел, но не поймал, являли те мысли об умной молитве, быть записанными которым Я не благоволил. Ибо они относятся лишь к созерцанию и желанию человека, но не к деланию.

Я сказал снова:

– И почему, Господи, иногда, когда множество сладких мыслей окружает мой ум, подобно тому как орел описывает круги над тем местом, где желает сесть, – внезапно, когда мне кажется, что они уже починут на моем уме, они тотчас становятся невидимыми для ума? Также и орел, иногда, готовясь сесть, вдруг воспаряет в воздух и летит туда, куда пожелает.

Спаситель сказал мне:

– Разве ты не помнишь, что когда ты видел голубей, некоторые из них, только приблизившись к тебе, тотчас взмывали вверх, в эфир, и ты более их уже не видел? Или ты не ведаешь, что суды Мои – великая бездна?²⁹⁴

Я сказал снова:

– Господи, когда Ты показал мне тех бесчисленных голубей, я видел еще и некую реку, которая, как казалось, вытекала из середины земли и медленно, удивительно спокойно несла свои воды. Некоторые голуби, подлетая к реке, хлопали крыльями по воде, как бы радуясь и играя. Что являла собой, Господи, эта река и то, что делали голуби?

Спаситель сказал мне:

– Эта река являет неиссякаемое умиление, истекающее из сердец, достигших Моей любви. То же, что делали голуби, являет радость, которой радуется благодать Моя в сокрушенном и умиленном сердце.

Я сказал снова:

– Что это, Господи? Иногда, когда из сердца моего струятся некоторые помыслы, одновременно исходит оттуда и некое живое утешение, которое утешает мою мысль неизреченно, подобно тому, как летом опаленного зноем путника утешает прохладный ветерок, приходящий из того места, где текут источники.

Спаситель сказал мне:

– Это то, о чем Я сказал в Своем Евангелии: *Кто верует в Меня, у того из чрева потекут реки воды живой*²⁹⁵.

Я сказал снова:

– Почему, Господи, когда я сплю, то иногда чувствую в своем сердце бурление и клочотание Твоего божественного имени, то есть сердце мое говорит само: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», а иногда – имени Преславной и Пречистой Твоей Матери, ибо снова сердце мое само произносит: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословена Ты в женах, и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших»?

Спаситель сказал мне:

– Когда ты чувствуешь, что во время сна в твоём сердце и в твоих устах сама кипит умная молитва, иногда Моим именем, а иногда – Пречистой Моей Матери, знай, что вот-вот последует Мое посещение и Моей Пречистой Матери. Или в этот час отступник сатана вместе со своим войском готовится напасть на твоё сердце, чтобы овладеть им и снова сделать своим жилищем. И если предстоит произойти Моему посещению и Пречистой Моей Матери, тогда Моя благодать, которая охраняет твоё сердце, подвигает твоё сердце к подготовке для встречи Меня и Пречистой Матери Моей. Так поступают и

²⁹⁴ См.: Пс. 35, 7.

²⁹⁵ Ин. 7, 38.

царские люди, охраняющие какую-либо страну. Когда они узнают, что в ту страну должен прибыть царь или царица, они уведомляют о том всю страну и поднимают ее на подготовку к встрече царя и царицы. Так часто случалось и с твоим сердцем. Но если царские люди узнают и увидят, что на ту страну, где они находятся, явно или с коварством наступают с великой стремительностью отступники царицы, чтобы, если возможно, поработить ту страну и стать в ней царями, тогда царицы люди поднимают всех жителей, чтобы они воевали вместе с ними, выкладывая все свои силы. Поднимают их, чтобы они противостояли до смерти царским врагам и отступникам, одних убивая, других же наказывая великим наказанием, доколе не отразят их совершенно. Как по Моей благодати часто бывало и с тобой.

Тогда я сказал:

– Поскольку из этого я узнал, что написанное мною в смиренной сей книжке – от Твоей благодати, прошу Тебя, позволь мне посвятить ее Тебе как Твою собственную и сотвори с ней то, что пожелаешь.

Спаситель сказал мне:

– Не беспокойся об этом. Теперь спрячь ее. А когда Я пожелаю, вышлю ее с этой Горы²⁹⁶.

Сказав это в последний раз, Спаситель больше не являлся мне, став предо мной невидимым. И когда я еще обдумывал сказанное, по-прежнему пребывая в созерцании, вот слышу голос, по сладости подобный голосу ангельскому, а по тону и громкости похожий на голоса многих громогласных людей.

Подняв взор, я увидел своего старца, который громко, с крайней сладостью, подобно Ангелу Господню пел: «Радуйся, дворе Господня непроходимая, радуйся, Стено и Покрове притекающих к Тебе, радуйся, необуреваемое Пристанище и Неискусобрачная, рождающая плотию Творца Твоего и Бога, молящи не оскудевай о воспевающих и кланяющихся Рождеству Твоему»²⁹⁷.

И вместе с этим словом я из видения пришел в себя. И в тот день не мог остановить в сердце своем умиления, которое самопроизвольно наполняло мое сердце, когда память возвращалась к явленному мне видению. Богу же нашему слава, держава, хвала и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

²⁹⁶ С Афона.

²⁹⁷ Богородичен воскресен, глас 5.